

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

2026 № 2

ISSN 2949-5091 (print)

2026 / № 2

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2026 / № 2

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Петручак Л. А. – д-р юрид. наук, проф., Государственный университет просвещения, Академик РАЕН

Заместитель главного редактора:

Емельянова Е. В. – д-р юрид. наук, канд. экон. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аманкаева О. Х. – канд. юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева;

Воронин М. Ю. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет;

Голубцов В. Г. – д-р юрид. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Ермаков Д. Н. – д-р полит. наук, д-р экон. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Ефремова И. А. – д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия;

Игбаева Г. Р. – канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета;

Калужина М. А. – д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Крохина Ю. А. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Лукьянова Е. Г. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Образцов А. В. – канд. юрид. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Павликов С. Г. – д-р юрид. наук, проф., Российская государственная академия интеллектуальной собственности;

Пастухова Н. Б. – д-р юрид. наук, доц., Российский центр научной информации;

Ручкина Г. Ф. – д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доц., РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Фаст О. Ф. – канд. юрид. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Цинделиани И. А. – канд. юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия;

Чепунов О. И. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» – печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 – 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. – 2026. – № 2. – 144 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

L. A. Petruchak – Dr. Sci. (Law), Prof., Federal State University of Education, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Deputy editor-in-chief:

E. V. Emelyanova – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

O. Kh. Amankaeva – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;

M. Yu. Voronin – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. G. Golubtsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Perm State National Research University;

D. N. Ermakov – Dr. Sci. (Political Sciences), Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal State University of Education;

I. A. Efremova – Dr. Sci. (Law), Prof., Saratov State Law Academy;

G. R. Igbaeva – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;

M. A. Kaluzhina – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia;

Yu. A. Krokhnina – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

E. G. Lukyanova – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Obraztsov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

S. G. Pavlikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State Academy of Intellectual Property;

N. B. Pastukhova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian Center for Science Information;

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

V. S. Savina – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

O. F. Fast – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

I. A. Tsindeliani – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State University of Justice;

O. I. Chepunov – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2026. – No. 2. – 144 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Бидова Б. Б., Быстрова Ю. В., Ганаева Е. Э.* Духовно-нравственные ценности как элемент национальной безопасности. 6

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Крохина Ю. А.* Национальные проекты в правовом механизме стратегического планирования. 18
- Миц Д. С.* Концептуальная оптимизация системы антитеррористической защищённости объектов и территорий. 26
- Савельева Н. В.* Будущее космической программы России: уровни, формы и юридические модели международного сотрудничества 37
- Сагандыков М. С.* Баланс конституционных ценностей в контексте концепции солидарности (на примере ценности свободы труда) 54
- Сапронов Д. Ю.* Правовая защита персональных данных и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: информационно-правовой аспект. 65
- Старшова У. А.* Российская конституционная доктрина социального государства: теоретическое осмысление и прикладное применение 76
- Чирикова О. А.* Правовая доктрина о принципах обязательного пенсионного страхования: всеобщность социального обеспечения, социальная солидарность и социальная справедливость. 85

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Гордополов Ю. В., Якутина А. И.* Правовое положение криптовалюты: тенденции в зарубежном и российском законодательстве. 93
- Фаст О. Ф.* Имущественная ответственность образовательной организации (индивидуального предпринимателя) за вред, причинённый несовершеннолетнему. 105

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Зарубина К. А.* Уголовно-правовая характеристика криптовалюты как предмета хищения: проблемы и перспективы правового регулирования. 113
- Калужина М. А.* Привлечение к негласному содействию в ОРД: психологические механизмы доверия и их дидактическое моделирование средствами художественной литературы 126
- Корнакова С. В., Чигрина Е. В.* Мотив как элемент субъективной стороны преступления (на примере ст. 155 УК РФ) 135

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- B. Bidova, Yu. Bystrova, E. Ganaeva.* Spiritual and Moral Values as an Element of National Security 6

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Yu. Krokhtina.* National Projects in the Legal Mechanism of Strategic Planning 18
- D. Mits.* Conceptual Optimisation Of the Anti-Terrorist Protection System Aimed At Objects And Territories 26
- N. Savelyeva.* Future of Russia's Space Program: Levels, Forms and Legal Models of International Cooperation..... 37
- M. Sagandykov.* Balance of Constitutional Values in the Context of the Concept of Solidarity (On the Example of the Freedom of Labor Value)..... 54
- D. Sapronov.* Legal Protection of Personal Data and Ensuring National Security of the Russian Federation: Information and Legal Aspect 65
- O. Starshova.* The Russian Constitutional Doctrine of the Social State: Theoretical Comprehension and Applications 76
- O. Chirikova.* Legal Doctrine on the Principles of Compulsory Pension Insurance: Universality of Social Security, Social Solidarity, and Social Justice..... 85

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- Yu. Gordopolov, A. Yakutina.* The Legal Status of Cryptocurrencies: Trends in the Development of Foreign and Russian Legislation 93
- O. Fast.* Property Liability of an Educational Organisation (Individual Entrepreneur) for Harm Caused to a Minor 105

CRIMINAL LAW SCIENCES

- K. Zarubina.* Criminal and Legal Characteristics of Cryptocurrencies as a Subject of Theft: Problems and Prospects of Legal Regulation. 113
- M. Kaluzhina.* Recruiting Confidential Informants in Operative-Investigative Activity: Psychological Mechanisms of Trust and Their Didactic Modeling through Literary Texts 126
- S. Kornakova, E. Chigrina.* Motive as an Element of the Subjective Side of the Crime (On Example of Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation)..... 135

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-6-17

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бидова Б. Б.^{1,2*}, Быстрова Ю. В.^{1,3}, Ганаева Е. Э.⁴

¹Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Российская Федерация

²Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Пятигорск, Российская Федерация

³Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орлов, Российская Федерация

⁴Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, г. Грозный, Российская Федерация

Корреспондирующий автор, e-mail: bela_007@bk.ru

Поступила в редакцию 15.04.2026

После доработки 29.04.2026

Принята к публикации 04.05.2026

Аннотация

Цель. Выявить основные способы формирования и распространения духовно-нравственных ценностей граждан России, разработать предложения по совершенствованию нормативно-правового обеспечения их защиты. Укрепление моральных ориентиров играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности каждой страны. Несмотря на наличие подобных законодательных инициатив, их практическая эффективность продолжает вызывать дискуссии. В условиях глобализации и стремительного развития интернета в российское общество проникают иностранные идеи и образы жизни, что ставит под угрозу национальную самобытность и культурные традиции. Одной из ключевых проблем является неоднозначность терминологии и вариативность реализации на региональном уровне. Невзирая на усилия по культурному образованию и патриотическому воспитанию в школах и вузах, отсутствие системного подхода и контроля результативности ослабляет воздействие данных мер. В современном мире, где международные отношения усложняются политическими и экономическими кризисами, общественная устойчивость, опирающаяся на прочные моральные столпы, представляется особенно актуальной.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию понятия «национальная безопасность»; формально-юридический – проанализировать нормы Указа президента РФ № 809, Федерального закона «О безопасности» (ст. 2); системно-структурный – определить место традиционных цен-

ностей в системе национальной безопасности; сравнительно-правовой – выявить особенности российской модели.

Результаты. В итоге можно констатировать, что официально признанная совокупность духовно-этических ценностей России, гарантирующих защиту национальных интересов, включает следующие нематериальные категории: человеческая жизнь и достоинство личности, гражданские права и свободы, любовь к родине, активная гражданская позиция, преданность государству, личная ответственность за будущее страны. Предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Авторами обобщён материал по влиянию духовно-нравственных ценностей на гражданственность, в котором отмечается, что усиление контроля и централизация инициатив могут способствовать более строгому соблюдению законодательных рамок и углублению позитивного эффекта от их применения. Разработаны конкретные предложения по внесению изменений в Федеральный закон «О безопасности», созданию методики оценки эффективности мер по укреплению традиционных ценностей и совершенствованию образовательного компонента государственной политики.

Ключевые слова: государство, общество, национальная безопасность, духовно-нравственные ценности, механизм реализации

Для цитирования:

Бидова Б. Б., Быстрова Ю. В., Ганаева Е. Э. Духовно-нравственные ценности как элемент национальной безопасности // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-6-17>.

Original research article

SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

B. Bidova^{1,2*}, Y. Bystrova^{1,3}, E. Ganaeva⁴

¹Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics, Pyatigorsk, Russian Federation

³Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

⁴Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation

Corresponding author, e-mail: bela_007@bk.ru

Received by the editorial office 15.04.2026

Revised by the author 29.04.2026

Accepted for publication 04.05.2026

Abstract

Aim. To identify the main ways of forming and spreading the spiritual and moral values of Russian citizens, and to develop proposals for improving the legal and regulatory framework for their protection. Strengthening moral guidelines plays a crucial role in ensuring the national security of every country. Despite the existence of such legislative initiatives, their practical effectiveness continues to be a subject of debate. In the context of globalization and the rapid development of the Internet, foreign ideas and lifestyles are infiltrating Russian society, posing a threat to national identity and cultural traditions. The key problems are the ambiguity of terminology and the variability of implementation at the regional level. Despite the efforts made to promote cultural education and patriotic upbringing in schools and universities, the lack of a systematic approach and monitoring of effectiveness weakens the impact of these measures. In today's world, where international relations are complicated by political and economic crises, social stability based on strong moral principles is particularly relevant.

Methodology. The methodological basis of the study was formed by the historical-legal, formal-legal, system-structural and comparative-legal methods. The historical-legal method allowed to trace the evolution of the concept "national security"; the formal-legal method – to analyse the content of the Decree of the President of the Russian Federation No. 809 and the Federal Law on Security (Article 2); the system-structural method – to determine the place of traditional values in the system of national security; the comparative-legal method – to identify the features of the Russian model.

Results. As a result, it can be stated that the officially recognised set of spiritual and ethical values of Russia, which guarantee the protection of national interests, includes the following non-material categories: human life and dignity of the individual, civil rights and freedoms, love for the motherland, active citizenship, devotion to the state, personal responsibility for the future of the country. Specific measures have been proposed to improve legislation.

Research implication. The author summarised the material on the influence of spiritual and moral values on citizenship, which notes that strengthening control and centralization of initiatives can contribute to stricter compliance with the legislative framework and deepening the positive effect of their application. The practical significance lies in the development of specific proposals for amending the Federal Law "On Security", creating a methodology for assessing the effectiveness of measures to strengthen traditional values, and improving the educational component of state policy.

Keywords: state, society, national security, spiritual and moral values, mechanism of implementation

For citation:

Bidova, B. B., Bystrova, Yu. V. & Ganaeva, E. E. (2026). Spiritual and Moral Values as an Element of National Security. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-6-17>.

Введение

Основу духовных ценностей российского общества составляют семейные традиции, активная трудовая деятельность на благо общества, преданность Отечеству, а также приоритет внутреннего мира человека над накоплением богатств и осознанная причастность к национальной судьбе – эти категории определяют нематериальные ценности человека. Российское общество на протяжении многовековой истории выработало и воплотило понимание фундаментальной ценности человеческой личности, её достоинства, базовых прав и свобод каждого гражданина. Сплочённость многонациональных народов страны, справедливость и коллективные принципы взаимодействия, сохранение исторических традиций и связь между поколениями формируют духовно-нравственную основу российских граждан, дополняясь такими качествами, как человеколюбие, сострадание, высокая нравственность и любовь к Родине.

Цель исследования – выявить правовые и организационные проблемы защиты духовно-нравственных ценностей как элемента национальной безопасности и предложить пути их решения.

Задачи:

- 1) определить место духовно-нравственных ценностей в системе национальной безопасности по действующему законодательству;
- 2) проанализировать эволюцию правового регулирования в этой сфере;
- 3) разработать предложения по совершенствованию нормативной базы.

Вопрос взаимосвязи духовных ценностей и национальной безопасности активно исследуется в современной научной литературе. Работы таких авторов, как Л. Н. Насакина, А. И. Овчинников, Е. В. Кашкина, М. А. Нагоева и Б. Б. Бидова, посвящены различным аспектам этой темы. Однако комплексных исследований, детально анализирующих правовые механизмы реализации Указа Президента Российской Федерации № 809, недостаточно. Этот указ утвердил

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что подчёркивает актуальность дальнейшего изучения правовых аспектов его внедрения.

В ноябре 2022 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 809¹, утвердивший Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Этот документ стратегического планирования направлен на обеспечение национальной безопасности страны. В нём традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Формирование у населения России общих культурных ценностей и чувства принадлежности к единой нации происходит через влияние на мировоззренческие установки людей, что способствует консолидации общества и развитию единого культурного пространства страны. В условиях стремительных технологических изменений и глобализационных процессов традиционные общественные структуры и межгосударственные отношения подвергаются значительным трансформациям. В этом контексте моральные принципы и духовные ориентиры приобретают особую значимость, становясь краеугольным камнем для построения устойчивого и жизнеспособного общества.

Общая характеристика национальной безопасности и традиционных духовно-нравственных ценностей в исторической ретроспективе

Изучение эволюции правовых механизмов защиты духовных основ и моральных устоев общества в России имеет первостепенное научное значение. Понимание исторических корней юридических установлений позволяет проследить, каким образом формировались, видоизменялись и внедрялись в современную правовую систему базовые принципы и нормативные конструкции. Подобное развитие юридической мысли является закономерным итогом многовековой практики правотворчества. Ретроспективный подход к исследованию любых правовых феноменов, в т. ч. вопросов обеспечения государственной защищённости, считается фундаментальным методом в научных исследованиях различной направленности [1, с. 101].

В правовой науке и законодательной практике концепция безопасности сформировалась значительно раньше, чем появились термины «общественный порядок» и «безопасность традиционных духовно-нравственных ценностей граждан» – это важно учитывать при рассмотрении безопасности как правового института и охраняемого объекта. Защищённость человека, а также созданных им коллективных структур (общественных и государственных) представляет собой фундаментальное условие жизнедеятельности, стабильного прогресса и нормального существования – сначала на элементарном физиологическом уровне, а по мере эволюционного развития – в более сложном социальном измерении, что придаёт понятию безопасности богатое историческое содержание. На протяжении многовековой эволюции государственности как формы политического устройства концепция «безопасности» и осмысление её юридической сути постоянно видоизменялись, при этом данные процессы не фиксировались в письменных или иных материальных источниках [2, с. 30].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Консультант Плюс.

Наиболее значимые для нашей темы идеи высказали Т. Гоббс и Б. Спиноза, которые связывали безопасность не только с физической защитой, но и с моральным состоянием общества.

Научным сообществом отмечено: термин «безопасность» претерпел значительные коррективы в связи с переходом общества от родоплеменных связей к государственному устройству, характеризующемуся суверенной властью, представляющему собой политически единую организацию общества, распространяющую власть на население, подчиняющееся единому правительству, по мере зарождения общественных отношений [3, с. 36].

Эпоха раннего феодализма характеризовалась специфическим восприятием безопасности – она рассматривалась главным образом как гарантия сохранности религиозных устоев и государственных привилегий феодальной знати. В середине XVII столетия английский мыслитель-материалист Т. Гоббс (1588–1679) существенно обогатил концепцию безопасности, представив в 1651 г. труд «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», который определял безопасность как краеугольный камень государственности, обеспечиваемый через правовые нормы, подкреплённые властной волей и силовыми механизмами государства. Аналогичную позицию занимал другой теоретик Б. Спиноза, который определял безопасность как краеугольный камень государственности, обеспечиваемый через правовые нормы, подкреплённые властной волей и силовыми механизмами государства. Безопасность представляет собой главную ценность для всего общества, в то время как решительность характера и независимость мышления являются качествами отдельной личности. При обеспечении защищённости страны второстепенное значение имеет то, какие внутренние побуждения движут теми, кто осуществляет эффективное руководство...» [4, с. 80].

Исторические документы свидетельствуют о том, что на протяжении всего периода формирования российской государ-

ственности и цивилизационного развития приоритетное значение имели проблемы охраны духовно-нравственного наследия и обеспечения национальной безопасности. Термин «безопасность» как юридическая категория впервые появляется в отечественных документальных материалах в работах учёных, которые занимались изучением полицейского права и государственного управления, творивших в период с XVIII по первую половину XIX в. Исследователи того времени рассматривали безопасность в контексте обеспечения законных прав граждан и государственных интересов, характеризуя её как фундаментальную основу существования государства, его «душу и жизнь» [5, с. 18].

Русские мыслители Н. М. Карамзин, Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский и Л. Н. Гумилёв стояли у истоков научного изучения вопросов национальной безопасности, исследуя уникальные особенности российской реальности и их воздействие на защищённость общества и государства [6, с. 32]. Впервые на законодательном уровне в Российской Империи понятие «государственная безопасность» было официально зафиксировано в период царствования Николая I – это произошло в 1845 г. благодаря принятию документа под названием «Общее губернское учреждение» [7, с. 93].

Духовные основы и моральные устои русского общества подверглись серьёзному разрушению под влиянием вооружённых конфликтов различного масштаба, глобальных потрясений и изменения ценностных ориентиров в социуме. Сохранение культурного, исторического и духовного наследия признано первоочередной задачей государства, поскольку угрозы в этой области по-прежнему представляют серьёзную опасность для страны и её фундаментальных ценностей [8, с. 91]. Предыдущие инициативы по защите и восстановлению этих нематериальных богатств, несмотря на отдельные положительные результаты в указанной важнейшей области, не привели к существенному

снижению количества подобных вызовов для национальной безопасности.

Национальная безопасность относится к ключевым понятиям современности и играет критическую роль в обеспечении существования и прогресса любого государства [9, с. 89]. Анализ исторической ретроспективы показывает, что данное понятие вошло в политический лексикон в 1904 г. благодаря американскому президенту Т. Рузвельту. Первоначальная трактовка этого термина была достаточно ограниченной и сводилась исключительно к защите страны от внешних опасностей, исходящих от иностранных держав, что рассматривалось как основа государственной обороны.

Анализ ключевых стратегических актов отечественного правового поля позволяет выявить эволюционные процессы в понимании термина «национальная безопасность» с юридической точки зрения. На законодательном уровне в Российской Федерации этот термин впервые зафиксирован в принятом в 1995 г. Федеральном законе № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»¹. Документ 1997 г., посвящённый концептуальным основам национальной безопасности, рассматривал это понятие сквозь защиту интересов граждан России как единственного легитимного источника государственной власти и обладателя суверенных прав. Одновременно с этим защита национальных интересов и гарантирование правового статуса субъектов, как индивидуальных, так и корпоративных, в эпоху цифровизации стала рассматриваться как приоритетная задача государственной политики России в сфере регулирования информационных отношений.

К концу первого десятилетия XXI столетия защита и сохранение традиционных нравственных устоев общества превратились в ключевую задачу на государственном уровне. Представители властных структур, гражданского общества и науч-

но-экспертной среды активно включились в обсуждение этих вопросов [10, с. 108]. Глобализационные процессы и столкновение традиционных российских ценностей с внешними идеологическими установками послужили катализатором для переосмысления понятия «национальная безопасность» на законодательном уровне. В документе 2015 г., посвящённом стратегическим основам защиты страны, это понятие раскрывается через призму комплексной защиты – от отдельного гражданина до государственных институтов. Речь идёт о создании условий, при которых гарантируются конституционные права населения, обеспечивается достойный уровень жизни, сохраняется территориальная целостность страны, а также нейтрализуются риски как извне, так и изнутри, что в совокупности формирует фундамент для устойчивого государственного развития и независимости России. Дискуссии подобного рода были спровоцированы угрозой, которую представляет для России определённая деструктивная модель западного мировоззрения, включающая в себя, помимо прочего, навязывание жителям страны нестандартных представлений о собственной самоидентификации.

Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей

Действующий в настоящее время в России документ 2021 г., задающий направления государственной политики по вопросам безопасности, рассматривает данное понятие как уровень защиты национальных интересов страны от многообразных потенциальных опасностей. По мнению, сложившемуся в научном сообществе, содержание национальной безопасности входят следующие компоненты: «государственная безопасность», «общественная безопасность», «информационная» [8], «экологическая» [11], «экономическая» [12], «финансовая» [13], «транспортная» [14], «энергетическая»

¹ Федеральный закон от 20.02.1995. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 8. Ст. 609. (утратил силу).

[15], «личная безопасность» [16]. В данную категорию включается «военная безопасность, необходимая социально-экономическая стабильность» [17].

Ключевыми направлениями для будущего России выступают территориальная неприкосновенность, сохранение независимости и суверенных прав государства, а также прогресс в экономике и социуме [11, с. 40]. Государственная концепция обеспечения безопасности нацелена на поддержание общественного согласия, стабильности между гражданами и гарантирование приемлемого качества жизни населения. Конституционные нормы закрепляют механизмы действенной защиты свобод, прав и законных интересов людей, что создаёт необходимые условия для их соблюдения.

Существенное внимание в рамках настоящего исследования уделяется анализу Указа Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Согласно п. 5 Указа, к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Механизм реализации Указа включает:

- а) разработку и актуализацию стратегических документов в сфере культуры, образования, молодёжной политики;
- б) мониторинг ценностных ориентаций граждан;
- в) корректировку образовательных программ;
- г) противодействие распространению деструктивной идеологии;
- д) международное сотрудничество (пп. 18–22 Основ).

При этом анализ выявляет следующие проблемы реализации:

- отсутствие чётких критериев оценки эффективности;
- неравномерность реализации на региональном уровне;
- недостаточная координация между ведомствами.

Научное сообщество трактует понятие «нравственность» в расширенном значении как совокупность поведенческих предписаний, ценностных ориентиров и внутренних установок личности, определяющих выбор человеком линии поведения исходя из усвоенных им идеалов, представлений о добродетели и культурного уровня. Если обратиться к положениям диалектического материализма, становится очевидным следующее: в атеистической культуре классического типа доминирование «нравственности» (этот термин нередко используется как синоним слова «мораль») над религиозными установками являлось типичным явлением, демонстрируя превосходство рациональной трактовки добродетели над её мистической интерпретацией [18, с. 11].

Указ президента «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определяет традиционные ценности как нравственные ориентиры, передаваемые от поколения к поколению и нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Национальная идентичность россиян базируется на жизненных ценностях, которые складываются под влиянием этических принципов. Эти принципы способствуют консолидации общества, служат фундаментом для формирования единой культурной среды и общегражданского самосознания жителей Российской Федерации [12, с. 110]

Укрепление гражданской сплочённости происходит благодаря самобытным особенностям, которые переходят от одних поколений к другим и формируют тради-

ционное культурно-историческое и духовное своеобразие государственного пространства.

Защита национальных интересов страны при одновременном укреплении традиционных моральных ценностей, принятых в российском обществе, должна строиться на ряде ключевых основ. Центральное место занимает взаимосвязь между государственной безопасностью и сохранением духовных устоев, что должно находить отражение в законодательных документах различного уровня – от федеральных законов до внутренних положений учебных заведений и других организаций. Российское государство рассматривает духовные и нравственные ценности как основополагающие элементы формирования зрелой личности, признавая, что развитие человека в этом направлении является естественным процессом, который происходит скорее благодаря внутренней потребности индивида, нежели исключительно через государственное регулирование. Взаимосвязь духовного наследия и национальной безопасности определяется полнотой существования морально развитой личности. Единство персональной, социальной и государственной заинтересованности, наряду с разделением обязанностей между индивидом, обществом и властными структурами по защите духовно-нравственных основ, формирует второй базовый постулат. Третьим, по значимости выступает акцент на воспитательных инструментах, направленных на укрепление отечественных нравственных устоев и правового сознания граждан. На четвёртой позиции располагается комплекс положений: превалирование превентивных действий (включая нравственное и правовое просвещение) над иными способами влияния, недопустимость распространения аморальности, а также государственное содействие лицам, продвигающим духовно-моральное достоинство России. Быстрое реагирование компетентных органов на выявленные риски в сфере морально-этических ценностей и последующая реализация профилак-

тических мероприятий способствуют укреплению государственной безопасности и формированию нравственных ориентиров у граждан. Данный подход, который мы определяем как пятый базовый постулат, подразумевает действия уполномоченных структур с соблюдением международно-признанных стандартов, положений межгосударственных соглашений и требований по защите национальных интересов при противодействии вызовам духовно-нравственного характера.

О. А. Меньшикова трактует духовно-нравственное воспитание как «создание системы общепризнанных ценностей, служащих ориентиром для каждой личности вне зависимости от изменяющихся жизненных условий» [19, с. 209]. Формирование индивидуальных черт характера, включающих гуманность, доброту, почтительное отношение к людям старшего возраста, честность, порядочность, толерантность, дисциплинированность и патриотизм, наряду с правовым самовоспитанием, самовоспитанием и саморазвитием личности – всё это компоненты описываемого процесса. Эта формулировка представляет интерес, поскольку нравственное развитие человека предполагает освоение знаний о культурно-исторических и народных традициях как национального, так и международного характера, а также следование моральным нормам и нравственным постулатам, признанным в социуме.

Однако анализ Федерального закона № 390-ФЗ «О безопасности»¹ показывает, что, несмотря на провозглашённый на высшем стратегическом уровне курс на защиту традиционных ценностей, сам базовый закон в сфере безопасности не содержит прямых отсылок к данной категории. Ст. 2 Закона, закрепляющая основные принципы обеспечения безопасности (такие как соблюдение прав и свобод человека, законность, системность), не включает в их число сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей. Это создаёт нормативный разрыв между стратегическим

¹ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. 2010. № 295.

целеполаганием (Указ № 809) и рамочным правовым регулированием, что затрудняет системную интеграцию ценностной составляющей в деятельность органов публичной власти.

В связи с этим авторами сформулированы следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1) внести изменения в Федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности», дополнив ст. 2 (основные принципы) положением о «сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей как основе национальной безопасности». Это позволит интегрировать ценностную составляющую в базовый закон о безопасности;

2) разработать и утвердить постановлением Правительства РФ «Методику оценки эффективности реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», включающую как количественные (доля граждан, разделяющих традиционные ценности), так и качественные показатели (наличие региональных программ), а также периодичность мониторинга: ежегодная оценка с публикацией отчётов;

3) создать при Совете Безопасности РФ межведомственный координационный орган (комиссию) по вопросам духовно-нравственной безопасности, наделённый полномочиями по оценке законопроектов и разрешению межведомственных разногласий;

4) дополнить федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) требованиями к результатам воспитательной работы в сфере формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей, предусмотрев разработку примерных программ воспитания с учётом региональных особенностей;

5. на уровне субъектов РФ разработать региональные «дорожные карты» по реализации Указа № 809 на основе единой федеральной методики.

Заключение

Опираясь на накопленный культурно-исторический опыт нации и укоренившиеся духовные ценности, граждане России получают возможность адекватно и оперативно противостоять появляющимся вызовам через анализ и переоценку происходящих в обществе культурных процессов и социальных явлений.

В российском обществе особое значение придаётся единству многонационального народа, сохранению традиций и преемственности поколений. Семейные ценности и историческая память занимают центральное место в системе нравственных ориентиров. Моральные принципы, такие как сострадание к ближнему, стремление к справедливости, готовность к взаимопомощи и уважение, глубоко укоренены в культуре страны. Российская культура подчёркивает приоритет духовных ценностей над материальными стремлениями, поощряет коллективную деятельность и человеколюбие. Труд во благо процветания Отечества рассматривается как одна из основополагающих установок. Эти принципы – единство народов в едином государстве, уважение к историческому наследию, солидарность, справедливость, милосердие, гуманизм, духовность, трудовой вклад в развитие страны и крепкие семейные отношения – формируют нравственный фундамент российского общества.

В России официально признанные морально-этические принципы, такие как ценность человеческой жизни, достоинство личности, права и свободы граждан, патриотизм, активная гражданская позиция, преданность государству и осознание личной ответственности за будущее страны, служат основой для защиты государственных интересов. Правовая база государственной стратегии направлена на сохранение и развитие исторически сложившихся ценностных ориентиров, воплощая эти принципы в практической деятельности. Культурное и историческое наследие, накопленное поколениями, вме-

сте с устоявшимися ценностными установками, становится фундаментом для анализа и нового осмысления разнообразных общественных и культурных явлений современности. Способность российского народа оперативно и эффективно реагировать на возникающие угрозы обеспечивает сохранение его уникальности и национального единства.

Нравственно здоровое общество способно эффективнее противостоять внешним и внутренним угрозам, поддерживать социальный порядок и сплочённость, что, в свою очередь, укрепляет государственное управление и способствует поддержанию стабильности в стране.

К тому же политика мультикультурализма и либерализма из других стран порой вступает в конфликт с российскими нравственными установками; экономические проблемы и социальные изменения также способствуют отходу от традиционных ценностей, поскольку люди ищут пути к личному успеху, иногда игнорируя общественные интересы; отсутствие достаточного внимания и поддержки со стороны государства к культурному наследию и

исторической памяти также представляет собой значительный риск.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1) духовно-нравственные ценности являются сущностным элементом национальной безопасности РФ, что подтверждено на уровне Указа Президента № 809;

2) основными проблемами выступают: неоднозначность терминологии, отсутствие прямых отсылок к традиционным ценностям в базовом Федеральном законе «О безопасности»; отсутствие единой методики оценки, недостаточная координация ведомств и вариативность на региональном уровне;

3) предложенные изменения в законодательство позволят повысить эффективность государственной политики по защите традиционных ценностей.

Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению духовно-нравственного фундамента российского общества, что, в свою очередь, обеспечит устойчивое развитие государства и его способность противостоять современным вызовам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Насакина Л. Н. Национальная безопасность России и пути её укрепления // Научный журнал Дискурс. 2017. № 2. С. 99–110.
2. Нагоева М. А., Бидова Б. Б. Национальный интерес и национальная безопасность: юридические средства противодействия угрозам // Образование и право. 2025. № 4. С. 28–31. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-4-28-31
3. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 1. С. 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4
4. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Антология мировой политической мысли. М.: Наука, 1997. 486 с.
5. Гусаим И. В. История появления и закрепления в законодательстве России и зарубежных стран понятия национальная безопасность: историко-правовое исследование // Проблемы в российском законодательстве. 2025. № 3. С. 17–34. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-3-17-34
6. Степанов М. М. Развитие правовой основы обеспечения государственной безопасности России: ретроспективный анализ // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 31–38. DOI: 10.33184/pravgos-2025.2.4
7. Лукьянова А. В. Генезис развития национальной безопасности в современной России // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 92–95. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_92
8. Кожевников О. А. Национальная безопасность: некоторые вопросы содержания и правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3. С. 89–93.
9. Маслова И. А. О национальной политике безопасности России // Экономические и гуманитарные науки. 2024. № 7. С. 88–96. DOI: 10.33979/2073-7424-2024-390-7-88-96
10. Манжуева Л. Н. Исследование политики национальной безопасности России в современной гео-

- политической обстановке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2024. № 3. С. 105–112. DOI: 10.37468/2307-1400-2024-3-105-112
11. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Проблемы обеспечения экологической и экономической безопасности при реализации государственной политики // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4. С. 38–43.
 12. Герасимов А. П., Пономарева Е. В. О термине «экономическая безопасность» и его законодательном определении // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 1. С. 103–111.
 13. Кондрат Е. Н. Финансовая безопасность и её правовое регулирование: некоторые новые проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4. С. 170–176.
 14. Трофимов Д. А. Транспортная безопасность в системе национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3. С. 122–125.
 15. Охотников И. В., Грибов Е. Е. Энергетическая безопасность как национальный приоритет и основа конкурентоспособности отечественного производства // Экономическая наука и практика: материалы конф. Краснодар: Новация. 2019. С. 15–17.
 16. Шевченко К. В., Болотин Д. Д. Безопасность личности в системе национальной безопасности Российской Федерации: к вопросу о понятии // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 118–122. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_7_118
 17. Гржейщак С. Е., Цебулько А. В. Военная безопасность и экономическая безопасность как составляющие национальной безопасности Российской Федерации // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2018. № 2. С. 16–22. DOI: 10.24143/2073-5537-2018-2-16-22
 18. Горлова И. А. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования // Культурологический журнал. 2021. № 2. С. 10–14. DOI: 10.34685/Н1.2021.95.60.018
 19. Меньшикова О. А. Социально-культурные и педагогические основания понятия «духовно-нравственное воспитание» // Учёные записки университета Лесгафта. 2019. № 3. С. 206–210.

REFERENCES

1. Nasakina, L. N. (2017). National Security of Russia and Ways to Strengthen It. In: *Scientific Journal Discourse*, 2(4), 99–110 (in Russ.).
2. Nagoeva, M. A. & Bidova, B. B. (2025). National Interest and National Security: Legal Means to Counter Threats. In: *Education and Law*, 4, 28–31. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-4-28-31 (in Russ.).
3. Ovchinnikov, A. I. (2022). National Security and Traditional Spiritual and Moral Values: Issues of Legislative Support. In: *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 1, 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4 (in Russ.).
4. Spinoza, B. (1997). *Theological and Political Treatise. Anthology of World Political Thought*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
5. Gusaim, I. V. (2025). History of the Emergence and Consolidation of the Concept of National Security in the Legislation of Russia and Foreign Countries: Historical and Legal Research. In: *Gaps in Russian Legislation*, 3, 17–34. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-3-17-34 (in Russ.).
6. Stepanov, M. M. (2025). Development of the Legal Basis for Ensuring State Security of Russia: Retrospective Analysis. In: *Legal State: Theory and Practice*, 2, 31–38. DOI: 10.33184/pravgos-2025.2.4 (in Russ.).
7. Lukyanova, A. V. (2025). Genesis of the Development of National Security in Modern Russia. In: *Agrarian and Land Law*, 6, 92–95. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_92 (in Russ.).
8. Kozhevnikov, O. A. (2025). National Security: Some Issues of Content and Legal Regulation. In: *Altai Legal Bulletin*, 3, 89–93 (in Russ.).
9. Maslova, I. A. (2024). On the National Security Policy of Russia. In: *Economic and Humanitarian Sciences*, 7, 88–96. DOI: 10.33979/2073-7424-2024-390-7-88-96 (in Russ.).
10. Manzhueva, L. N. (2024). Research of Russia's National Security Policy in a Modern Geopolitical Situation. In: *National Security and Strategic Planning*, 3, 105–112. DOI: 10.37468/2307-1400-2024-3-105-112 (in Russ.).
11. Zhavoronkova, N. G. & Vypkhanova, G. V. Problems of Ensuring Environmental and Economic Safety in the Implementation of State Policy. In: *Rule of Law: Theory and Practice*, 4, 38–43 (in Russ.).
12. Gerasimov, A. P. & Ponomareva, E. V. (2014). On the Term "Economic Security" and Its Legislative Definition. In: *Rule of Law: Theory and Practice*, 1, 103–111 (in Russ.).
13. Kondrat, E. N. (2016). Financial Security and Its Legal Regulation: Some New Problems. In: *Rule of Law:*

- Theory and Practice*, 4, 170–176 (in Russ.).
14. Trofimov, D. A. (2016). Transport Security in the National Security system. In: *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 122–125 (in Russ.).
 15. Okhotnikov, I. V. & Gribov, E. E. (2019). Energy Security as a National Priority and the Basis of Competitiveness of Domestic Production. In: *Economic Science and Practice*. Krasnodar: Novation publ., pp. 15–17 (in Russ.).
 16. Shevchenko, K. V. & Bolotin, D. D. (2025). Personal Security in the National Security System of the Russian Federation: To the Question of the Concept. In: *Agrarian and Land Law*, 7, 118–122. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_7_118 (in Russ.).
 17. Grzheishchak, S. E. & Tsebulko, A. V. (2018). Military Security and Economic Security as Components of the National Security of the Russian Federation. In: *Bulletin of the AGTU. Series: Economics*, 2, 16–22. DOI: 10.24143/2073-5537-2018-2-16-22 (in Russ.).
 18. Gorlova, I. A. (2021). Traditional Spiritual and Moral Values in the Regulatory Documents of the Russian Federation: State and Ways of Improvement. In: *Cultural Journal*, 2, 10–14. DOI: 10.34685/HI.2021.95.60.018 (in Russ.).
 19. Menshikova, O. A. (2019). Socio-Cultural and Pedagogical Foundations of the Concept of "Spiritual and Moral Education". In: *Scientific notes of the University of Lesgaft*, 3, 206–210 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бидова Бэла Бертовна (г. Нальчик, г. Пятигорск) – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, профессор кафедры правовых дисциплин филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Пятигорск);
e-mail: bela_007@bk.ru; ORCID: 0000-0003-0702-9183

Быстрова Юлия Викторовна (г. Нальчик) – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева;
e-mail: zukova57@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2022-5234

Ганаева Есита Эминовна (г. Грозный) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова;
e-mail: esita4me@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8631-7647

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bela B. Bidova (Nalchik) – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov; Prof., Department of Legal Disciplines, Branch of the Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk;
e-mail: bela_007@bk.ru; ORCID: 0000-0003-0702-9183

Yulia V. Bystrova (Nalchik) – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Senior Researcher, Legal Research Center, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Departmentally Head, Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Oryol State University named after I. S. Turgenyev;
e-mail: zukova57@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2022-5234

Esita E. Ganaeva (Grozny) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Procedure and National Security, Kadyrov Chechen State University;
e-mail: esita4me@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8631-7647

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 347.73

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-18-25

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Крохина Ю. А.

*Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: jkrokhina@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.04.2026

После доработки 12.05.2026

Принята к публикации 18.05.2026

Аннотация

Цель. Выявить сущность и роль национальных проектов как формально-определённых документов в правовом механизме стратегического планирования. Рассмотреть особенности юридической силы актов, фиксирующих содержание национальных проектов в целях уяснения правомерности расходования бюджетных средств.

Процедура и методы. Использованы общенаучные методы (наблюдение, сравнение), логические методы (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция), частнонаучные методы (системный, структурно-функциональный), специальные методы (формально-юридический, правовой герменевтики).

Результаты. Обоснованы место и сущность национальных проектов в системе источников бюджетного права. Национальные проекты представляют собой один из ключевых инструментов реализации стратегического развития Российской Федерации, обеспечивая выполнение приоритетных целей государственной политики. Они охватывают различные сферы общественной жизни, в т. ч.: экономику, социальную защиту, образование, здравоохранение и инновационные технологии. Одновременно национальные проекты обладают высокой степенью нормативной значимости. Реализация заданных проектных целей требует значительных бюджетных ассигнований и эффективного управления финансовыми ресурсами, поскольку бюджетные риски могут привести не только к значительным бюджетным потерям, но и к неисполнению поставленных задач. Правовые средства призваны обеспечить достижение поставленных целей национальных проектов в срок и с рациональным использованием бюджетных ресурсов. Национальные проекты в Российской Федерации представляют сложный правовой феномен, сочетающий элементы стратегического управления, программного планирования и публично-правового регулирования. Обоснована возможность отнесения национальных проектов к особому правовому институту в системе источников бюджетного права. Данный правовой феномен занимает промежуточное положение между нормативными правовыми актами и программными документами государственного управления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Понимание юридических признаков национальных проектов дополняет доктринальную концепцию о системе источников бюджетного права,

позволяет совершенствовать законодательство в области бюджетного регулирования и финансового контроля, поскольку существующие механизмы не всегда позволяют своевременно выявить и минимизировать угрозы, возникающие на различных этапах реализации национальных программ. Правовое закрепление целевых расходов служит действенным механизмом финансового контроля, поскольку любые попытки перенаправить либо израсходовать средства национального проекта не по назначению оперативно выявляются контрольными органами.

Ключевые слова: бюджетное регулирование, бюджетный риск, бюджетные средства, источник бюджетного права, национальные проекты, программное планирование, стратегическое управление

Для цитирования:

Крохина Ю. А. Национальные проекты в правовом механизме стратегического планирования // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 18–25. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-18-25>.

Original research article

NATIONAL PROJECTS IN THE LEGAL MECHANISM OF STRATEGIC PLANNING

Yu. Krokhina

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

e-mail: jkrokhina@mail.ru

Received by the editorial office 27.04.2026

Revised by the author 12.05.2026

Accepted for publication 18.05.2026

Abstract

Aim. To identify the essence and role of national projects as formally defined documents within the legal framework of strategic planning, to examine the legal force of acts establishing the content of national projects in order to clarify the legality of budget expenditures.

Methodology. General scientific methods (observation, comparison), logical methods (analysis, synthesis, generalization, induction, deduction), specific scientific methods (systemic, structural-functional), and specialized methods (formal-legal, legal hermeneutics) were used.

Results. The place and essence of national projects within the system of budget law sources is substantiated. National projects represent one of the key instruments for implementing the strategic development of the Russian Federation, ensuring the achievement of priority state policy goals. They cover various areas of public life, including the economy, social protection, education, healthcare, and innovative technologies. At the same time, national projects have a high degree of normative significance. Achieving project goals requires significant budgetary allocations and effective financial resource management, as budget risks can lead not only to significant budget losses but also to the failure to achieve the stated objectives. Legal measures are designed to ensure the achievement of national project goals on time and with the rational use of budgetary resources. National projects in the Russian Federation represent a complex legal phenomenon, combining elements of strategic management, program planning, and public law regulation. The possibility of classifying national projects as a special legal institution within the system of budgetary law sources is substantiated. This legal phenomenon occupies an intermediate position between regulatory legal acts and programmatic documents of public administration.

Research implications. Understanding the legal characteristics of national projects complements the doctrinal concept of the system of budgetary law sources and allows for the improvement of legislation in the area of budgetary regulation and financial control, as existing mechanisms do not always allow for the timely identification and mitigation of threats arising at various stages of national

program implementation. Legally defining targeted expenditures serves as an effective financial control mechanism, as any attempts to divert or misuse national project funds are promptly identified by oversight bodies.

Keywords: budget regulation, budget risk, budget funds, source of budget law, national projects, program planning, strategic management

For citation:

Krokhina, Yu. A. (2026). National Projects in the Legal Mechanism of Strategic Planning. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 19–26. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-19-26>.

Введение

В условиях глобальных социально-экономических вызовов Российская Федерация реализует масштабные национальные (федеральные) проекты, направленные на стратегическое развитие страны. Данные проекты охватывают ключевые сферы жизни и деятельности общества. Успешная реализация данных актов требует не только значительных финансовых ресурсов, но и эффективного управления бюджетными средствами, что неминуемо связано с возникновением различных бюджетных рисков, которые могут включать в себя неэффективное использование средств, несбалансированность бюджета, угрозы коррупционного характера и иные, влияющие на реализацию национальных проектов [1].

Указом президента № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.»¹ были установлены ключевые государственные цели: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие талантов, воспитание патриотичной и социально-ответственной личности; технологическое лидерство и иные. На основании названного акта началась деятельность по разработке новых национальных программ. Было принято 20 национальных программ, некоторые из

которых стали продолжением ранее принятых.

Национальные проекты на период 2025–2030 гг. являются одним из ключевых инструментов стратегического развития Российской Федерации, направленных на достижение приоритетных целей государственной политики. В новом цикле национальных проектов произошло как продление и обновление ранее действовавших программ, так и формирования принципиально новых проектов, отражающих приоритеты грядущего десятилетия.

Портфель национальных проектов 2026 г.

В 2026 г. портфель национальных проектов РФ включает направления по демографическому развитию и здравоохранению, улучшению условий жизни, развитию человеческого капитала, обеспечению технологического и кадрового суверенитета. Новая система национальных проектов сочетает преемственность и инновации, что должно обеспечить актуальность проектной деятельности на ближайшие годы.

Правовые средства в рамках рассматриваемого вопроса призваны обеспечить достижение поставленных целей в срок и с рациональным использованием ресурсов.

Так, внедряются современные подходы проектного управления и стратегического планирования на основе единых стандартов. С учётом анализа опыта прошлых периодов разработан стандарт «Новые национальные проекты на период 2025–2030 годов» (далее – Стандарт), устанавливающий общие правила планирования, мониторинга и управления новыми про-

¹ Указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024 г. "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. // СПС Консультант Плюс.

ектами. Данный Стандарт носит методический характер, однако его положения фактически обязательны для федеральных органов исполнительной власти, они применяются при формировании новых паспортов проектов и организации системы управлений ими.

Стандарт регламентирует порядок разработки национального проекта, чёткое определение целей, показателей, этапов и мероприятий, а также проведение многоэтапной экспертизы с участием всех заинтересованных сторон¹.

С введением данного акта образуется единообразная методология проектного менеджмента в государственном секторе [2]. При этом Стандарт уделяет особое внимание управлению рисками: определяются ключевые риски проектов и меры реагирования на них, а информация об угрозах срыва сроков или невыполнения показателей подлежит немедленному сообщению руководству.

Майским Указом президента РФ 2024 г. скорректированы бюджетная классификация и планирование расходов для учёта продления и реформирования проектов, что выразилось во внесении изменений в Приказ Минфина России № 82н, в рамках которого раскрываются коды расходов, закреплённых за каждым национальным проектом².

Правовой статус национальных проектов определяется через нормативные акты, регулирующие процесс их формирования, реализацию и контроль. Основу данной системы составляют указы президента Российской Федерации, постановления правительства и иные нормативные акты [3]. При этом важно отметить, что национальные программы являются не только инструментом государственного управ-

ления, но и особой формой социального контракта, поскольку их успешность зависит от активного участия частного сектора [4]. Государство активно применяет механизмы общественного контроля, такие как независимая оценка эффективности проектов, а также общественные опросы и экспертные комиссии [5]. Однако открытым остаётся вопрос их правовой природы – являются ли национальные (федеральные) проекты исключительно инструментом государственного управления или возможно их рассмотрение как особой формы социального контракта между государством и обществом?

Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к историческому опыту России в области стратегического планирования.

В качестве ранних актов планирования в СССР можно выделить так называемые «пятилетки». Ключевыми направлениями пятилеток выступали тяжёлая промышленность, сельское хозяйство, образование и здравоохранение. Юридическая обоснованность пятилеток в СССР была чётко зафиксирована в законодательных актах, таких как Конституция СССР, в соответствии с которой экономика носила плановый характер. Данные планы действовали на всех уровнях. В то же время существовали и директивы, на основе которых государственные органы, предприятия и учреждения обязаны были достигать поставленных целей. То есть данные акты носили строго императивный характер, за неисполнение лица привлекались к ответственности [6]. Не могла идти речь о государственно-частных отношениях, поскольку экономический строй того времени не предусматривал частный сектор в целом.

Актом, имеющим схожую правовую природу с современными национальными проектами, можно считать Указ президента РФ № 1248. Данный акт закреплял механизм координации между федеральными и региональными органами власти, научным сообществом и общественными организациями, обеспечивая их взаимодействие

¹ Новые национальные проекты на период 2025-2030 годов. Стандарт. Утв. Правительством Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/410620598/> (дата обращения: 26.03.2026).

² О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения. Приказ Минфина России от 24.05.2022 № 82н // СПС Консультант Плюс.

в вопросах реализации стратегических инициатив. В рамках правового регулирования Указ предусматривал учреждение Совета как консультативного органа, что позволяло государству гибко реагировать на вызовы, связанные с выполнением национальных программ. Юридически данный акт не устанавливал конкретных обязательств, а лишь создавал координационный инструмент, способствующий интеграции различных уровней власти в процесс управления приоритетными направлениями развития страны¹.

Основополагающим актом в области планирования в России можно назвать Федеральный закон № 172-ФЗ², в котором раскрывается перечень необходимых понятий, к таковым относятся: стратегическое планирование, целеполагание, планирование, система стратегического планирования и иные. Также в указанном акте раскрываются принципы, участники и задачи планирования.

В отличие от Указа 2012 г., который обеспечивал исключительно координационную функцию, современные проекты включают детально проработанные механизмы финансирования, мониторинга и отчетности, основанные на федеральном законодательстве. Это повышает их юридическую значимость. Кроме того, современные проекты ориентированы на достижение конкретных национальных целей, сформулированных в стратегических документах. Например, национальная цель «устойчивая и динамичная экономика» реализуется через проекты, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства, промышленности, а также экспорта.

Не менее важной отличительной чертой является степень императивности рассматриваемых актов. В то время как

Акт президента 2012 г. имел скорее рамочный характер, определяя лишь базовые механизмы координации, современные национальные проекты закреплены в системе государственного планирования, что делает их исполнение обязательным для всех участников процесса. Кроме того, современные инструменты управления федеральными программами включают цифровой мониторинг и элементы государственно-частного партнёрства, что обеспечивает их большую прозрачность и эффективность. Например, государственная информационная система «Электронный бюджет» позволяет в режиме реального времени отслеживать эффективность использования выделенных средств, минимизируя коррупционные риски.

Отличительными чертами современных программ от пятилеток являются: более гибкий характер (возможность корректировок в зависимости от текущих изменений в экономике и политике); ориентированность на долгосрочные цели; децентрализованность (выражается во взаимодействии между всеми уровнями власти, а также частным сектором).

Сущность национальных проектов

Исходя из положений Постановления Правительства РФ № 1288³, национальные проекты представляют собой комплекс мероприятий, направленных на достижение национальных целей, поставленных в соответствующих указах Президента РФ. Фундаментальной правовой основой для реализации настоящих программ является Указ Президента РФ № 309, который содержит в себе основные направления создания и реализации национальных проектов. При этом важную роль играет механизм межведомственного взаимодействия, обеспечивающий координацию между федеральными, региональными и муниципальными органами власти.

¹ Указ Президента РФ от 31.08.2012 № 1248 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 36. Ст. 4871.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

³ Постановления Правительства РФ № 1288 от 31.10.2018 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

С юридической точки зрения, национальный проект может быть охарактеризован как акт государственного стратегического планирования, включающий в себя конкретные мероприятия, механизмы финансирования и ответственности.

Возвращаясь к вопросу правового статуса национальных (федеральных) проектов необходимо указать на его неопределённость, что обуславливается отсутствием самостоятельной юридической силы, но при этом таковые обладают высокой степенью нормативной значимости.

Рассматриваемые акты стратегического планирования имеют особое место в системе стратегического планирования государства, поскольку основываются на следующих характеристиках:

– *функция целевой ориентации*, что выражается в направленности на достижение целей, указанных в стратегических актах;

– *инструментальный характер* – национальные программы являются средством реализации государственных программ, обеспечивая системный подход к развитию государства;

– *правовая обоснованность*: реализация проектов основана на ряде нормативных правовых актов, регламентирующих процесс планирования, бюджетирования и контроля;

– *долгосрочное влияние* – национальные проекты ориентированы на устойчивое развитие, что соответствует задачам стратегического планирования [7].

Официально¹ определено понимание национальных проектов: это важный механизм достижения целей, определённых президентом РФ, и реализации программы социально-экономического развития России до 2030 г. Эти проекты включают в себя основные инициативы, направленные на усиление экономики, обеспечение технологической независимости и повышение качества жизни населения. В данном

толковании основной акцент делается на причастность президента к данному акту.

Анализ нормативно-правовой базы регулирования даёт основания полагать, что законодатель под национальным проектом понимает акт долгосрочного стратегического планирования, содержащий комплекс мероприятий, направленных на достижение национальных целей и задач, имеющий определённые формы отчётности и финансирования.

В экономической литературе национальные программы рассматриваются как значимый инструмент социально-экономического развития государства, который включает все отрасли экономики страны и направлен на улучшение экономических показателей и повышение благосостояния граждан [8]; как система специальным образом упорядоченных и институционально закреплённых мероприятий, направленных на достижение национальных целей развития [9]. Данные походы к толкованию имеют больше сходств с ранее рассмотренными нами «пятилетками», в связи с чем необходимо понимать, что федеральные программы не являются механизмом исключительно экономического развития.

Каждый проект определённым образом связан с экономическим сектором, что естественно. Однако не каждый проект включает в себя задачи по экономическому развитию государства. Так, например, действующий национальный проект «Космос» имеет своей основной целью достижение технологического лидерства в космической деятельности.

Другие авторы, исследуя правовой статус национальных проектов, придают им характер нормативного документа, обладающего подзаконным статусом и содержащего установленные правовые нормы общего характера. Его основная роль заключается в стратегическом прогнозировании и целеполагании, выступая инструментом правового регулирования, способствующего значимым научно-технологическим и социально-экономическим достижениям, что благоприятно по-

¹ Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения: 24.03.2026).

влияет на качество жизни населения [10]. На наш взгляд, данный подход теоретически не обоснован, поскольку национальный проект никак не может быть подзаконным актом, он носит исключительно плановый характер. В рамках его реализации принимаются соответствующие нормативные правовые акты, которые способствуют реализации поставленных целей и задач.

Национальные проекты обладают признаками актов стратегического планирования, имеют обязательный характер для органов государственной власти, но при этом не имеют самостоятельной нормативной силы, что делает их отличными от традиционных правовых актов, обладающих прямым регулирующим эффектом. В данном контексте их можно охарактеризовать как юридически значимые программные документы, опосредующие реализацию публичных функций государства в большинстве сфер жизни и деятельности общества.

Заключение

Таким образом, основываясь на нормативных и доктринальных разработках,

целесообразно предложить следующую дефиницию: национальный (федеральный) проект – это акт стратегического планирования, включающий комплекс мероприятий, направленных на достижение приоритетных национальных целей в социально-экономической, технологической и инфраструктурной сферах. Он основан на принципах целевого планирования, нормативной регламентации, межведомственной координации и публично-частного партнёрства, обеспечивая долгосрочное развитие государства и повышение качества жизни населения.

Национальные проекты в современной России представляют собой правовой институт в системе источников бюджетного права, занимающий промежуточное положение между нормативными правовыми актами и программными документами государственного управления. Их успешная реализация требует не только строгого следования правовым нормам, но и эффективного взаимодействия государства, общества и частного сектора, что подтверждает их комплексный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таймасханова, Х. З. Национальные проекты: криминальные риски и пути их устранения // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 4. С. 434–436. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_4_434
2. Богданов В. С., Почестнев А. А. Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024. Т. 24. № 3. С. 699–714. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-699-714
3. Лысенко А. А., Шайбакова Л. Ф. Проблемы при реализации национальных проектов Российской Федерации // *Вопросы студенческой науки*. 2021. № 1. С. 234–238.
4. Руднева Д. В. Экосистема управления рисками реализации национальных проектов // *Учёт и статистика*. 2025. № 2. С. 116–124. DOI: 10.54220/1994-0874.2025.42.82.013
5. Попов Е. В., Челак И. П., Власов С. В. Трансакционное конфигурирование реализации национальных проектов // *Экономика и управление*. 2025. Т. 31. № 12. С. 1516–1524. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-12-1516-1524
6. Прокопов Е. Е., Степанов П. Г. Первые советские пятилетки: достижения и просчёты // *Роль и значение советских пятилеток в развитии страны (к 90-летию первого пятилетнего плана): матлы конф.* Орёл: Университетская книга, 2019. С. 119–121.
7. Бердняков А. С., Миэринь Л. А. Национальные проекты России: проблемы и решения // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2019. № 4. С. 20–25.
8. Городкова С. А., Макарова М. В., Малышев Е. А. Национальные проекты России как механизм устойчивого промышленного развития // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2022. Т. 28. № 8. С. 114–123. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-114-123
9. Плотников В. А., Саркисов В. А. Национальные проекты и их вклад в обеспечение национальной экономической безопасности // *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2024. № 1. С. 79–83.

10. Кутузова Н. С. Сущность и правовые аспекты национального проекта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 1. С. 96–102. DOI: 10.14529/law210114

REFERENCES

1. Taimaskhanova, Kh. Z. (2025). National Projects: Criminal Risks and Ways to Eliminate Them. In: *Agrarian and Land Law*, 4, 434–436. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_4_434 (in Russ.).
2. Bogdanov, V. S. & Pochestnev, A. A. (2024). Remote Social Examination of National Projects. In: *RUDN Journal of Sociology*, 24 (3), 699–714. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-699-714 (in Russ.).
3. Lysenko, A. A. & Shaibakova, L. F. (2021). Problems in the Implementation of National Projects of the Russian Federation. In: *Issues of Student Science*, 1, 234–238 (in Russ.).
4. Rudneva, D. V. (2025). Ecosystem of Risk Management for the Implementation of National Projects. In: *Accounting and Statistics*, 2, 116–124. DOI: 10.54220/1994-0874.2025.42.82.013 (in Russ.).
5. Popov, E. V., Chelak, I. P. & Vlasov, S. V. (2025). Transactional Configuration of the Implementation of National Projects. In: *Economics and Management*, 31 (12), 1516–1524. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-12-1516-1524 (in Russ.).
6. Prokopov, E. E. & Stepanov, P. G. (2019). The First Soviet Five-year Plans: Achievements and Miscalculations. In: *The Role and Significance of Soviet Five-year Plans in the Development of the Country (To the 90th Anniversary of the First Five-year Plan)*. Eagle: University Book CJSC, pp. 119–121 (in Russ.).
7. Berdnyakov, A. S. & Mierin, L. A. (2019). National Projects of Russia: Problems and Solutions. In: *News of the St. Petersburg State Economic University*, 4, 20–25 (in Russ.).
8. Gorodkova, S. A., Makarova, M. V. & Malyshev, E. A. (2022). National Projects of Russia as a Mechanism for Sustainable Industrial Development. In: *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 28 (8), 114–123. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-114-123 (in Russ.).
9. Plotnikov, V. A. & Sarkisov, V. A. (2024). National Projects and Their Contribution to Ensuring National Economic Security. In: *Technical and Technological Problems of Service*, 1, 79–83 (in Russ.).
10. Kutuzova, N. S. (2021). Essence and Legal Aspects of the National Project. In: *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 21 (1), 96–102. DOI: 10.14529/law210114 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крохина Юлия Александровна (г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Плеханова; e-mail: jkrokhina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia A. Krokhina (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics; e-mail: jkrokhina@mail.ru

Научная статья

УДК 34.047

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-26-36

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЁННОСТИ ОБЪЕКТОВ И ТЕРРИТОРИЙ

Миц Д. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: a-83@bk.ru

Поступила в редакцию 17.03.2026

После доработки 30.03.2026

Принята к публикации 10.04.2026

Аннотация

Цель. Исследование организационно-правовых и концептуальных особенностей в системе анти-террористической защищённости объектов и территорий в Российской Федерации, выявление проблем, разработка рекомендаций по оптимизации организационно-правового обеспечения антитеррористической безопасности.

Процедура и методы. Анализ специфики правового и концептуального обеспечения антитеррористической безопасности, а также научных публикаций в области оптимизации национальной безопасности. Используются методы моделирования и практикоориентированного анализа актуальных подходов по совершенствованию организационно-правовых основ противодействия терроризму в Российской Федерации.

Результат. Выявленные особенности антитеррористической защищённости в Российской Федерации способствовали формированию гипотезы предвидения признаков, указывающих на появление угрожающих факторов для антитеррористической защищённости объектов и территорий. Данная гипотеза подтверждается научной разработанностью антитеррористической функции государства и рассмотренными в статье технологиями прямого и скрытого воздействия на государственность, национальную идентичность, антитеррористическое сознание населения. Ценность рассмотренной антитеррористической функции государства связана с полезностью для обеспечения национальной безопасности, т. е. элементом, фиксирующим полноту. В статье это алгоритм и механизм концептуальной оптимизации рассматриваемого объектового и зонального режима в следующих условиях цифровизации и в целом устойчивого развития социального и правового современного государства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в объективности научно обоснованных критериев рассмотренной сферы, которые зависят от реального и в меньшей степени на практике от потенциального ущерба для интересов личности, общества и государства. Авторский подход, рассмотренный в статье, предлагает акцентировать внимание экспертов, разработчиков актов, правоприменителей на значении наступательных мер в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: антитеррористическая защищённость, антитеррористическая функция государства, комплекс мер, наступательность, правовое обеспечение, реагирование

Благодарности и источники финансирования: статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования:

Миц Д. С. Концептуальная оптимизация системы антитеррористической защищённости объектов и территорий // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 26–36. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-26-36>.

Original research article

CONCEPTUAL OPTIMISATION OF THE ANTI-TERRORIST PROTECTION SYSTEM AIMED AT OBJECTS AND TERRITORIES

D. Mits

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation
e-mail: a-83@bk.ru*

Received by the editorial office 17.03.2026

Revised by the author 30.03.2026

Accepted for publication 10.04.2026

Abstract

Aim. To study organisational, legal and conceptual features in the system of anti-terrorist protection of facilities and territories in the Russian Federation, to identify problems, development of recommendations on optimization of organizational and legal provision of anti-terrorist security.

Methodology. Analysis of the specifics of legal and conceptual provision of anti-terrorist security, as well as scientific publications in the field of optimization of national security, was conducted. The methods of modeling and practice-oriented analysis of relevant approaches to improve the organisational and legal framework for countering terrorism in the Russian Federation were used.

Result. The identified features of anti-terrorist security in the Russian Federation contributed to the formation of the hypothesis of anticipating signs indicating the formation of threat-forming factors for the anti-terrorist security of facilities and territories. This hypothesis is confirmed by the scientific development of the anti-terrorist function of the state and the technologies of direct and hidden impact on statehood, national identity, and the anti-terrorist consciousness of the population considered in the article. The value of the considered anti-terrorist function of the state is related to its usefulness for ensuring national security, that is, an element that captures completeness. In the article, this is an algorithm and a mechanism for conceptual optimization of the considered object and zonal regime in the following conditions of digitalization, and in general, the sustainable development of a modern social and legal state.

Research implications. The theoretical significance of the work lies in the objectivity of the scientifically based criteria of the considered field, which depend on the real and, to a lesser extent in practice, on the potential damage to the interests of the individual, society and the state. The author's approach, considered in the article, suggests focusing the attention of experts, developers of acts, and law enforcement officers on the importance of offensive measures in the field under consideration.

Keywords: a set of measures, anti-terrorist function of the state, anti-terrorist security, legal support, offensive, response

Acknowledgments: this article was prepared within the framework of a state assignment from RANEPА.

For citation:

Mits, D. S. (2026). Conceptual Optimisation Of the Anti-Terrorist Protection System Aimed At Objects and Territories. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 26–36, <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-26-36>.

Введение

Аналитические, организационные и правовые модели антитеррористической защищённости объектов и территорий закрепляются в концептуальных и стра-

тегических актах, которые способствуют оптимизации функций организационных звеньев. При этом оценочный функционал управленческих звеньев позволяет определить наступательность в комплексе мер

как залог успешности антитеррористической функции государства в современных условиях. Оперативная локализация негативных террористических факторов разного уровня опасности зависит от круга задействования заинтересованных сил и средств обеспечения безопасности, а также их допуска к сведениям по планированию и реализации указанного функционала. Должностные (уполномоченные) лица при этом должны обладать антитеррористическим сознанием, профессионализмом и навыками внедрения научных результатов.

Внимание специалистов в области антитеррористической защищённости объектов и территорий акцентируется на учёте смежных научно-практических закономерностях, не различая террористическую природу угрожающих факторов от иных криминальных угроз национальной безопасности. Подобные концептуальные расхождения не способствуют формированию искомого подхода для детализации законодательных основ в подзаконной нормативно-правовой базе.

Полномочия (правомочия) заинтересованных в рассматриваемой сфере антитеррористических субъектов делятся на группы выявления, устранения, профилактики нарушений (локализации условий для этого) в данной сфере. При этом каждая из групп имеет свою уникальную специфику, в т. ч. указывающую на устойчивую проблематику дублирования основных компетенций.

Прогнозирование в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий

Успехи в реализации антитеррористической функции государства указывают на целесообразность укрепления баланса в законодательном обеспечении в связи с тенденциями разделения организационно-правовых мер воздействия на однородные угрозы национальной безопасности. Меры противодействия терроризму отделены от антиэкстремистских мер, а с началом проведения специальной военной операции

на Украине законодательно выделяются меры против диверсионной деятельности.

Ценность упорядочивания антитеррористических организационно-правовых мер независимо от влияния положительных и негативных тенденций заключается в устойчивости антитеррористических мероприятий по выявлению изменений в динамике оперативной обстановки и на этой основе выработки обновлённых стандартов для антитеррористической защищённости объектов и территорий.

Для предвидения террористической активности необходима качественная работа с прогнозной информацией [1, с. 162], которая актуализируется в соответствии с установленными требованиями и стандартами информационно-аналитической деятельности.

Террористические проявления активно направлены на создание угроз инфраструктуре различных сфер в ущерб национальным интересам. Данные обстоятельства во многом связаны с активизацией специальной военной операции на Украине. При этом отделяя комплексный подход, направленный на реализацию мер антитеррористической защищённости объектов и территорий от антиэкстремистских мер, а с некоторых пор и антидиверсионных мер, всё это создаёт под предлогом детализации и персонализации ответственности условия для организационной и правовой уязвимости в системе обеспечения противодействия угрозам национальной безопасности. В этой связи важна научно обоснованная антитеррористическая правовая политика, которая будет способствовать формированию эффективных инструментариев локализации угроз безопасности личности, общества и государства.

Террористическое воздействие на государственность

Террористическая политика коллективного запада является ключевым инструментом «теневой дипломатии» [2, с. 479–480]. В этой связи элементом уязвимости в

системе антитеррористической защищённости объектов и территории обозначается социально-культурная среда, которая формирует и поддерживает национальную идентичность. Стирание идентичности остаётся основной целью для всего террористического и экстремистского блока антироссийской направленности.

Российская Федерация как социальное государство поддерживает условие для защиты национальной идентичности как важного показателя устойчивости государственности. В арсенале законодателя достаточно много способов реализации этого, однако для наибольшей детализации важно оптимизировать меры антитеррористической защищённости объектов культурной сферы.

Информационная борьба, осуществляемая террористами, будет нивелироваться при актуализации информационно-аналитического обеспечения антитеррористической защищённости объектов и территорий. Все имеющиеся силы и средства обеспечения национальной безопасности должны быть рассмотрены в качестве главных элементов противодействия любым деструктивным проявлениям.

Терроризм – наиболее эффективный деструктивный способ политической борьбы [3, с. 94]. Однако порядок планирования этапов обеспечения антитеррористической защищённости объектов и территорий не предполагает оперативную корректировку руководящих документов под влиянием динамики террористического потенциала и безопасности стратегической инфраструктуры. Различие в концептуальных подходах без учёта преобладания принципа комплексности над остальными не будет способствовать укреплению комплексных национальных интересов.

Идентичность в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий

Для укрепления государственности важна идеология государства. Конституционный запрет на государствен-

ную идеологию компенсируется концептуальным закреплением национальных интересов. При этом идеологическая составляющая национальной безопасности зависит от выраженности национальных интересов, которые обеспечиваются с помощью информационно-культурных мер. Активность мер зависит от уровня социокультурного развития населения.

Социальная активность государства возможна при наличии идеологического обеспечения [4, с. 147]. Конкуренция организационно-правовых обстоятельств разного уровня влияет на эффективность обеспечения антитеррористической защищённости объектов и территорий. Это указывает на недостаточную связь с взаимодействующими субъектами, а также на неполноту нормативно-правовой базы независимо от поставленных функциональных задач перед субъектами обеспечения. Рост гражданской активности, направленной на нейтрализацию попыток манипуляции сознания населения с помощью информационных технологий, позволяет концептуально моделировать новые формы правового обеспечения государственно-общественного антитеррористического и антиэкстремистского взаимодействия [5, с. 7].

Социокультурное взаимодействие населения позволяет эффективно формировать обратную связь в обеспечении антитеррористической функции государства. Отставание национальных интересов в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий определяется добросовестностью взаимодействия антитеррористических сил. От такого качества взаимодействия зависит полнота оптимизации антитеррористической защищённости объектов культурной сферы.

Формирование условий для реализации национальных интересов возможно наиболее качественно при наличии добросовестной системы идеологического обеспечения [6, с. 257]. При этом диверсионно-террористическо-экстремистская активность в ущерб интересам объектов и территорий, безусловно, требует детали-

зации в системе обеспечения административно-правового режима с учётом разницы в устремлениях и целях противника. Данные свойства следует учитывать при усилении антитеррористического наступательного подхода.

Процессуализация проверочных мероприятий в рамках обеспечения антитеррористической защищённости объектов и территорий без использования на постоянной основе алгоритмов мониторинга применяемых средств локализации организационно-правовых ошибок, создающие управленческие сложности, не способствуют повышению эффективности антитеррористической функции государства.

Антитеррористическое правовое сознание

Оптимальная балансировка нормативной правовой активности [7, с. 71] в системе обеспечения антитеррористической функции государства предполагает наличие процесса устойчивой апробации проектов организационно-правовых мер. Данный процесс позволяет локализовать условия для реализации управленческих ошибок антитеррористической и антиэкстремистской направленности.

Оптимальная модель антитеррористической защищённости объектов, в т. ч. культурной сферы (которая становится наиболее уязвимой в современных условиях), связана с пониманием актуальности для теории и практики антитеррористической деятельности политико-правового обеспечения социокультурной и иной инфраструктуры. Для этого важен баланс реальности и потенциальности угроз безопасности личности, общества и государства. Существующие закономерности и зависимости между элементами обеспечения национальной безопасности являются концептуальной базой, необходимой для учёта, в нормативно-правовой системе как составляющей для искомых условий, направленных на оптимизацию и совершенствование системы управленческих звеньев.

Фактическая нормативность системы правоотношений является базовым фактором для правопорядка [8, с. 17], от которого зависит состояние обеспечения безопасности личности, общества и государства. Научное обоснование комплексного антитеррористического подхода применяемого в системе обеспечения антитеррористической защищённости объектов и территорий актуализируется в современных условиях. Научное обеспечение указывает на существующие общественные закономерности, социальную и иную ментальность, а также правовую культуру.

Правовая культура зависит от национальной ментальности [9, с. 8]. Юридическое мышление в организационном обеспечении различных звеньев антитеррористической защищённости объектов и территорий накладывает на ментальность отдельных категорий населения. Оценка эффективности антитеррористической безопасности указанных объектов и территорий зависит от успешности сформированной системы правового обеспечения и состояния оперативной обстановки, т. е. совокупности ключевых факторов в динамике.

Антитеррористическое воспитание – это вид правового воспитания. Его направленность обусловлена форматом обучения личности навыкам применения оценочного состояния [10, с. 476]. Умение поиска уязвимых элементов в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий при успешном поддержании уровня обеспечения комплексной безопасности не может решаться в рамках только частных заданий и задач. Кроме того, заслуживает внимания задействование участников рассматриваемого обеспечения, отличающихся своими полномочиями (правомочиями), а главное – и правовым сознанием. Система антитеррористической защищённости объектов и территорий представлена детализацией компетенции взаимодействующих субъектов без указания на порядок выявления признаков, указывающих на формирующую

щиеся условия для дублирования полномочий (правомочий).

Функция правосознания обозначает состояние развития личности и правовой культуры в обществе [11, с. 64]. Обеспечение антитеррористической защищённости объектов и территорий является составной частью функции государства, но развитие данной составляющей зависит от участия в антитеррористической безопасности со стороны общества. Объективность полученных сигналов, указывающих на уязвимость или успех в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий, а также реальность подобного ущерба и расстановку приоритетов реагирования при взаимодействии всех антитеррористических направлений формируют признаковую базу. Потенциальная уязвимость указывает на необходимость применения подходов в области наступательных мер. Отстаивание наступательности является наиболее насущным комплексом в антитеррористической безопасности личности, общества и государства.

Для объективности оценки правовой реальности важными факторами остаются экономика, политика и идеология [12, с. 112]. Подмена специальных мер антитеррористической защищённости объектов и территорий мозаичными мерами общественной безопасности позволяет усилить террористические риски, создаёт блокировку для актуализации антитеррористической функции государства, а также усиливает политику императивного реагирования без учёта актуальной политики наступательности.

Правоприменитель логично склоняется в сторону усиления технологий обезвреживания террористических вызовов, но если данную функцию вменить в профессиональную обязанность руководящего звена, будет меняться функционал плановой и текущей работы с повышением организационной нагрузки для личного состава, а значит, потребуются более высококвалифицированные кадры, а также последуют штатные изменения и рост оплаты труда.

Публично-правовые ценности

Современное государство, сталкиваясь с деструктивными рисками и угрозами, защищается от них, задействуя власть и общество. Данное реагирование не определяется правом выбора, а является обязанностью [13, с. 214].

Сталкивание корпоративных (ведомственных) интересов, связанных с организацией антитеррористической защищённости объектов и территорий, – слабо учитываемый риск в системе обеспечения национальной безопасности, который игнорируется при оптимизации нормативно-правовой базы. Назначение законодателем головных структур, связанных с реализацией полномочий антитеррористической защищённости объектов и территорий, создают дублирование системных полномочий, что указывает на проблемы в правовых основах.

Публично-правовые основы институализируют системы правового обеспечения [14, с. 915]. Государство несёт ответственность перед своими гражданами за эффективное обеспечение национальной безопасности и реализацию национальных интересов. При этом в рамках указанных государственных функций в современных условиях преобладают социально-экономическая и социально-культурная устойчивость развития личности, общества и государства. Влияние вражеской идеологии на указанную устойчивость обозначает целесообразность дальнейшей актуализации антитеррористических подходов к общим, специальным и частным мерам.

Публично-правовые ценности формируют правовую идеологию для укрепления антитеррористических позиций общества [15, с. 66]. Правовая идея антитеррористической защищённости объектов и территорий влияет на унификацию в подходах формирования мер реагирования и наступательности. При этом правовая среда, определяющая диапазон имеющихся мер, может быстро терять актуальность. Важна в этой связи обратная связь, обозначающая позитивные и негативные стороны

механизмов оптимизации антитеррористической защищённости объектов и территорий.

Публично-правовые ценности проникают в правовую реальность через законодательное обеспечение [16, с. 29]. Однако антитеррористические способы защиты объектов и территорий не всегда являются предметом подобного обеспечения. При этом арсенал правовых возможностей на подзаконном уровне не указывает законодателю на целесообразность снижения оптимизации антитеррористических правовых мер.

Следует отметить, что правовые риски возникают из-за отсутствия нормативно-правовой системности в сфере антитеррористической защищённости объектов и территорий, в т. ч. под влиянием потерявших актуальность или временных интересов различных управленческих кругов.

Система антитеррористической защищённости объектов и территорий в условиях цифровизации

В эпоху цифровизации разрастается тенденция дезинформирования населения в качестве негативного фактора, способствующего усилению деструктивных проявлений в ущерб национальной безопасности России [17, с. 14]. Правовая система призвана быть устойчивой перед многими вызовами и рисками современности. Прогнозируемое превалирование негласных мер над гласными в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий не будет указывать на упущения в векторе достижений правового государства и на незаконность в принимаемых решениях. Существуют пределы для правоотношений в этой сфере, которые в подобных условиях дополняются влиянием организационно-правовой политики и системы сдержек и противовесов.

Тотальная цифровизация общественных отношений влияет частично и на информатизацию антитеррористической защищённости объектов и территорий. При этом планируется задействование техно-

логий искусственного интеллекта и других аналитических возможностей. В этой связи научная апробация применения средств по нейтрализации нового вызова современности, а также стандартизации различных мер подтверждает недопустимость упрощения существующих антитеррористических механизмов обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Антитеррористическая функция социального государства и антитеррористическая защищённость объектов и территорий

Фиксация факторов социальной нормативности зависит от условий развития правовой реальности [18, с. 19]. Концептуальная апробация научных разработок в области оптимизации антитеррористической защищённости объектов и территорий, учитывая идеи социальной справедливости в ходе реализации новых подходов, определяет важность использования и иных критериев потенциального ущерба для личности, общества и государства.

Сущность антитеррористического противодействия указывает на существенные различия в направлениях такого противодействия, особенно в условиях трансформации терроризма и экстремизма. Существующая направленность границ ответственности не позволяет правовому обеспечению применять отстающую от современных реалий юридическую технологию.

Социокультурная парадигма под воздействием права способствовала становлению и развитию социальной ответственности [19, с. 128]. В условиях такого развития координация антитеррористических сил и средств будет отличаться элементами взаимодействия обеспечительных средств, особенно в интересах антитеррористической защищённости объектов и территорий, а также функциональностью системы сдержек и противовесов. Корректировка их возможностей дополнительно нагружает единую систему обеспечения национальной безопасности.

Неделимые интересы личности, общества и государства в совокупности образуют национальные интересы [20, с. 184]. Процедура планирования в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий сталкивается с процессом согласования с различными взаимодействующими субъектами, что не способствует оперативной оптимизации, особенно в условиях корректировки различных комплексов показателей, указывающих на признаки роста деструктивной активности и недостаточно выстроенной обратной связи с населением.

Система сдержек и противовесов, направленная на корректировку преобладающих государственных интересов над общественными и личными интересами, слабо дополняется современной прокурорской и иной контрольно-надзорной деятельностью. Показателем эффективности подобной системы остаётся устойчивый рост благосостояния у населения. Любая концепция в области обеспечения национальной безопасности должна учитывать сущность рассматриваемых показателей. Направлений обеспечения национальной безопасности становится достаточно много, но они должны дополнять друг друга, а не способствовать функциональному дублированию.

Концепция государственного благосостояния как направление совершенствования системы обеспечения национальной безопасности занимает существенное место в системе взглядов, в т. ч. в сфере оптимизации комплекса мер антитеррористической защищённости объектов и территорий. Однако указанный комплекс должен учитывать сущность терроризма. Без этого обстоятельства не будет эффективной апробации проектов мер, т. к. не будут обозначены новые свойства. В системе антитеррористической защищённости объектов и территорий антитеррористический подход должен преобладать над антикриминальным. Обеспечение антитеррористической безопасности совершенствуется при реализации национальных интересов, которые направлены

на укрепление устойчивого социально-экономического и социокультурного развития государства.

Основные результаты и выводы

Запретительные меры антитеррористической защищённости объектов и территорий, определяющие режимные мероприятия, могли бы иметь компенсацию выстроенной обратной связи с населением. Комплекс различных мер включён в систему антитеррористической защищённости объектов и территорий по принципу градаций эффективности. При этом отсутствует критерий, указывающий на целесообразность дальнейшего задействования дополнительных антитеррористических мер.

Зависимые друг от друга основные подходы, определяющие политику обеспечения национальной безопасности, имеют общие закономерности, которые обозначены антитеррористической выраженностью при сравнении. Передовой опыт в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий оказывает помощь в работе по реализации смежных правовых режимов. Информирование задействованных антитеррористических субъектов сведениями, указывающими на динамику оперативной обстановки, будет полным при мониторинге всех факторных групп, в т. ч. культурной направленности.

Активность государственного аппарата не будет иметь должный эффект без задействованного населения в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий через информационную, культурную, социальную и иную коммуникацию. Обстоятельства, мешающие подобному задействованию, имеют разные уровни причин, которые группируются по зонам ответственности и предвидения эффективности.

Организационно-правовые связи в системе антитеррористической защищённости объектов и территорий в современных условиях указывают на мозаичность в способах взаимодействия различных субъек-

ектов. Данные сложности усиливаются недостатками в теоретико-методологическом обеспечении антитеррористической функции государства, а также подходов к формированию и оптимизации данной функции.

Заключение

Отставание законодательной базы антитеррористической защищённости объектов и территорий в системе правового обеспечения антитеррористической безопасности корректируется:

- добросовестностью правоприменителя в антитеррористических правоотношениях;
- детализацией норм подзаконного уровня;
- правовой культурой;
- профессионализмом;
- полнотой научного обеспечения.

Активность общественных структур в системе обеспечения антитеррористической защищённости объектов и территорий объективно формирует повестку более активной оптимизации антитеррористической безопасности. В настоящее время реагирование построено на системном анализе вероятности реального и потенциального ущерба для личности, общества и государства, что не свойственно наступательному подходу, который направлен на усиление мер реагирования на ранних стадиях террористического риска.

Алгоритм и механизм антитеррористической защищённости объектов и территорий практически полностью соответствуют идеальной правовой модели. При этом продолжается работа, направленная

на реализацию данного алгоритма и механизма на новых российских территориях.

Успех рассматриваемых алгоритма и механизма достигается:

- эффективными контрольными проверками;
- моделированием и прогнозированием угроз;
- корректировкой подходов в зависимости от организационных свойств инфраструктуры;
- оптимального финансового обеспечения.

Баланс частных и государственных интересов при реализации антитеррористической защищённости объектов и территорий не будет устойчив в условиях острой террористической опасности. Важным остаётся умение оперативно корректировать политику антитеррористической защищённости объектов и территорий, обращая внимания на следующие особенности:

- наличие правовых вызовов и рисков;
- доступность для внедрения передового опыта;
- детализация компетенции исполнительных и управленческих звеньев.

Субъекты научного обеспечения антитеррористической защищённости объектов и территорий фиксируют закономерности и систематизируют их. Научная ментальность, задействованная в рассматриваемой проблематике, обладает контекстом оценки обеспечения государственной, общественной безопасности либо национальной безопасности; от данных научных профессиональных настроек будет зависеть оптимальная модель антитеррористической защищённости объектов и территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клеймёнов М. П. Предмет криминологического прогнозирования // Правоприменение в публичном и частном праве: сб. конф. Омск, 2025. С. 161-163.
2. Бидова Б. Б., Алиев М. К., Абаев Н. Б. Воздействие террористической активности на глобальную международную стабильность современности // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 478-481. DOI: 10.47643/1815-1329-2025-9-478
3. Коновальчиков Я. А. Феномен политической борьбы в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Новосибирск: Манускрипт, 2025. 264 с.

4. Лексин И. В. Государственность: юридическая, идеологическая, религиозная составляющая // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 3. С. 142–152.
5. Осипенко А. Л. Участие граждан в противодействии преступности в сфере информационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 2. С. 6–15.
6. Золотухин В. М. Влияние социальных коммуникаций на социокультурную идентичность // Социальные коммуникации: философские, культурологические, исторические, психологические, политические, религиозные измерения: сб. конф. Кемерово, 2025. С. 254–260.
7. Юртаева Е. А. Юридическая наука и концептуальное обоснование законодательной деятельности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3. С. 65–76.
8. Иванов Р. Л. Нормативность права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22. № 4. С. 12–21. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(4).12-21
9. Рыбаков В. А. Рецепция права: достоинства и недостатки // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22. № 4. С. 5–11. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(4).5-11
10. Волкова Н. С. Дениализм как социальная деформация и правовые средства его преодоления // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 474–484. DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484
11. Правосознание и информационная безопасность в цифровую эпоху: учеб. пособие / Е. В. Розанова, С. В. Куликова, С. Ю. Нарциссова, А. А. Соловьев. М.: Эдитус, 2025. 250 с.
12. Кондрат И. Н., Масленников Д. В., Третьяков И. Л. Право будущего века // Мониторинг правоприменения. 2025. № 1. С. 110–117. DOI: 10.24412/2226-0692-2025-1-110-117
13. Трофимов В. В. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как символ современной демократической правовой республики: опыт научного обоснования // Юридическая техника. 2026. № 20. С. 211–216.
14. Кабышев С. В. Конституционный диалог: к обоснованию доктрины // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. Вып. 4. С. 905–919.
15. Немытина М. В. Истоки и источники конституционализма и прав человека в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3. С. 62–71. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3s.062-071
16. Костюков А. Н. Конституционное развитие современной России // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 3. С. 25–31. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).25-31
17. Осипенко А. Л. Дезинформация в криминальной деятельности и противодействия ей в условиях цифровизации // Общество и право. 2025. № 1. С. 14–23.
18. Сигалов К. Е. Язык права как понимание символов // Язык и коммуникация (памяти профессора В. М. Курицына): сб. конф. М., 2025. С. 18–21.
19. Ильина О. Ю. Социальное партнёрство как инструмент гармонизации индивидуального и коллективного начал в конституционализации основ российского общества // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: сб. конф. М.: Юрист, 2025. С. 125–130.
20. Федотова Ю. Г. Роль правового института участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства: в поисках национальной идентичности // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 25. М.: Юрист, 2025. С. 183–188.

REFERENCES

1. Kleimenov, M. P. (2025). Subject of Criminological Forecasting. In: *Law Enforcement in Public and Private Law*. Omsk, 161–163 (in Russ.).
2. Bidova, V. B., Aliyev, M. K. & Abaev, N. B. (2025). The Impact of Terrorist Activity on the Global International Stability of Our Time. In: *Agrarian And Land Law*, 9, 478–481. DOI: 10.47643/1815-1329-2025-9-478 (in Russ.).
3. Konovalchikov, Ya. A. (2025). *The Phenomenon of Political Struggle in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research*. Novosibirsk: Manuscript publ. (in Russ.).
4. Lexin, I. V. (2025). Statehood: Legal, Ideological, Religious Component. In: *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 142–152 (in Russ.).
5. Osipenko, A. L. (2025). Participation of Citizens in Combating Crime in the Field of Information Technology. In: *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2, 6–15 (in Russ.).
6. Zolotukhin, V. M. (2025). The Influence Of Social Communications On Sociocultural Identity. In:

- Social Communications: Philosophical, Cultural, Historical, Psychological, Political, Religious Dimensions*. Kemerovo, 254–260 (in Russ.).
7. Yurtaeva, E. A. (2025). Legal Science and Conceptual Justification of Legislative Activity. In: *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*, 3, 65–76 (in Russ.).
 8. Ivanov, R. L. (2025). Normative Law. In: *Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 22 (4), 12–21. Doi: 10.24147/1990-5173.2025.22(4).12-21 (in Russ.).
 9. Rybakov, V. A. (2025). Reception Of Law: Advantages And Disadvantages. In: *Bulletin Of Omsk University. Series: Law*, 22 (4), 5–11. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(4).5-11 (in Russ.).
 10. Volkova, N. S. (2025). Denialism as a Social Deformation and Legal Means of Overcoming It. In: *Actual Problems of the State and Law*, 9 (4), 474–484. DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484 (in Russ.).
 11. Rozanova, E. V., Kulikova, S. V., Narcissova, S. Yu. & Soloviev, A. A. (2025). *Legal Awareness And Information Security in the Digital Age*. Moscow: Editus publ. (in Russ.).
 12. Kondrat, I. N., Maslennikov, D. V. & Tretyakov, I. L. (2025). The Law Of The Future Century. In: *Monitoring Of Law Enforcement*, 1, 110–117. DOI: 10.24412/2226-0692-2025-1-110-117 (in Russ.).
 13. Trofimov, V. V. (2026). Legal Co-Creation of Public Power and Civil Society as a Symbol of a Modern Democratic Legal Republic: The Experience of Scientific Justification. In: *Legal Technique*, 20, 211–216 (in Russ.).
 14. Kabyshev, S. V. (2025). Constitutional Dialogue: To Substantiate the Doctrine. In: *Bulletin of St. Petersburg University. Law*, 16-4, 905–919 (in Russ.).
 15. Nemytina, M. V. (2025). Origins and Sources of Constitutionalism and Human Rights in Russia. In: *Bulletin of The Kutafin University*, 3, 62–71. Doi: 10.17803/2311-5998.2025.127.3S.062-071 (in Russ.).
 16. Kostyukov, A. N. (2025). Constitutional Development of Modern Russia. In: *Law Enforcement*, 9 (3), 25–31. Doi: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).25-31 (in Russ.).
 17. Osipenko, A. L. (2025). Disinformation In Criminal Activity and Countering It in the Context of Digitalization. In: *Society and Law*, 1, 14–23 (in Russ.).
 18. Sigalov, K. E. (2025). The Language of Law as an Understanding Of Symbols. In: *Language and Communication (In Memory of Prof. V. M. Kuritsyn)*. Moscow, pp. 18–21 (in Russ.).
 19. Пыина, О. Ю. (2025). Social Partnership as a Tool For Harmonizing Individual and Collective Principles in the Constitutionalisation of the Foundations of Russian Society. In: *Russian Legal System: In Search of National Identity*. Moscow: Yurist publ., 125–130 (in Russ.).
 20. Fedotova, Yu. G. (2025). The Role of the Legal Institution of Citizens' Participation in Ensuring the Country's Defense and State Security: In Search of National Identity. In: *Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences*. Iss. 25. Moscow: Yurist publ., pp. 183–188 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миц Денис Сергеевич (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка юридического факультета им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ORCID: 0000-0002-6238-8501; e-mail: a-83@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis S. Mits (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Legal Support for National Security, Law and Order, M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; ORCID: 0000-0002-6238-8501; e-mail: a-83@bk.ru

Научная статья
УДК 341.1/8, 341.24
DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-37-53

БУДУЩЕЕ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ РОССИИ: УРОВНИ, ФОРМЫ И ЮРИДИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Савельева Н. В.

*Институт физики Земли имени Шмидта Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: nasa2000@yandex.ru*

Поступила в редакцию 20.04.2026

После доработки 11.05.2026

Принята к публикации 20.05.2026

Аннотация

Цель. Анализ международного опыта с целью выявления моделей международного сотрудничества, способных вывести космическую программу России на новый уровень, при условии сохранения и развития текущих космических проектов и ключевых активов.

Процедура и методы. В качестве основного метода исследования использован анализ форм международного сотрудничества в области исследования космоса с участием России. Проанализированы наиболее значимые космические проекты, реализованные после распада СССР. Проведена классификация проектов по степени охвата (национальный, региональный, глобальный уровни), а также субъектному составу участников (публичный, частный сектор).

Результаты. Предложены варианты развития национального космического проекта России за счёт более активного использования институциональных моделей, расширения охвата сотрудничества на региональном и глобальном уровне.

Теоретическая и/или практическая значимость. Привлечено внимание общественных и политических деятелей к теме освоения космоса и ключевой роли национальной космической программы в обеспечении технологического суверенитета страны. Показана необходимость пересмотра концепции международного сотрудничества в космосе, в которой основной акцент должен быть сделан на региональные проекты, направленные на формирование собственного технологического блока России, с опорой на имеющийся задел и уникальное расположение космодрома Байконур. Подчёркнута важность дополнения космической программы проектами глобального уровня.

Ключевые слова: космическое право, модели международного сотрудничества, национальная космическая программа

Для цитирования:

Савельева Н. В. Будущее космической программы России: уровни, формы и юридические модели международного сотрудничества // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 37–53. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-37-53>.

Original research article

FUTURE OF RUSSIA'S SPACE PROGRAM: LEVELS, FORMS AND LEGAL MODELS OF INTERNATIONAL COOPERATION

N. Savelyeva

*Schmidt Institute of the Physics of the Earth of Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation
e-mail: nasa2000@yandex.ru*

© CC BY Савельева Н. В., 2026.

Received by the editorial office 20.04.2026

Revised by the author 11.05.2026

Accepted for publication 20.05.2026

Abstract

Aim. To analyse international cooperation projects in exploration to identify the new forms, methods and levels of international cooperation capable of bringing the Russian space program to a new level, provided that current space projects and key assets are preserved and developed.

Methodology. Analysis of forms of international cooperation of the Russian Federation in the field of space exploration was used as main research method was conducted. The most significant space projects implemented after the collapse of the USSR have been analysed. Classification of those projects by coverage (national, regional, global levels), and by subjects (public, private sector) was carried out.

Results. Options for development of the Russian national space project are proposed through the more active use of institutional models, and expansion of cooperation at the regional and global levels.

Research implications. Practical significance of this research lies in drawing attention of public and political actors to the topic of space exploration and the key role of the national space program in ensuring the technological sovereignty of the country. Necessity of revising the concept of international cooperation in space is shown, with emphasis on the regional projects, facilitating creation of the Russia's own technological block, based on the strong technological background and the unique location of the Baikonur cosmodrome. The importance of supplementing the space program with global-level projects is emphasized.

Keywords: space law, models of international cooperation, national space program

For citation:

Savelyeva, N. V. (2026). Future of Russia's Space Program: Levels, Forms and Legal Models of International Cooperation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 37–53. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-37-53>.

Введение

Технологический суверенитет государства стоит на «трёх китах»: ключевые технологии (которые нельзя купить за деньги), драйверы развития (миссия, идея, цель, то, что увлекает группы людей) и стратегические союзы («технологический зонтик»). Технологии рождаются, живут и умирают. Для сохранения технологического суверенитета необходимо постоянное обновление технологической базы. Исторически суверенитет нашей страны строился за счёт развития космического и атомного проектов, которые стали источником ключевых технологий и драйвером развития промышленности. Успехи и достижения в области исследования космоса важны с точки зрения развития человеческого потенциала, так как являются мощным мотивирующим стимулом, способным привлечь в отрасль наиболее ценные кадры.

В 2025 г. распоряжением президента России В. Путина инициирован национальный проект «Космос»¹ с целью обеспечить технологическую независимость и конкурентоспособность России в ракетно-космической отрасли. Возникает вопрос, возможно ли в современном мире развивать полноценную космическую программу силами одной страны? Стоит ли отказываться от планов расширения национальной космической программы на региональный и глобальный уровни, построения собственного технологического блока? Какие ресурсы и возможности можно использовать для вывода национальной космической программы России на новый уровень?

¹ Национальный проект «Развитие космической деятельности Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Проект паспорта [Электронный ресурс]. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2025/08/proekt_cosmos.pdf?ysclid=mo60s8wfig294850299 (дата обращения: 19.04.2026).

Геополитический анализ космических программ

В первой «космической гонке» принимали участие всего две супердержавы, СССР и США, космические проекты которых носили поистине прорывной и глобальный характер. В 1975 г. было создано первое региональное Европейское космическое агентство (ESA)¹. В 1993 г. началась реализация глобального космического проекта международной космической станции (МКС)² уже силами нескольких стран: проект был разработан в СССР, продолжен Россией при финансовой поддержке США, с участием Канады, Японии и ESA³. В XXI в. структура государственных космических программ крайне усложнилась. Помимо национальных космических агентств, число которых перевалило за 100⁴, появился целый список региональных. Помимо МКС, заявлен ряд глобальных инициатив в области освоения Луны. Рассмотрим примеры организаций, действующих на трёх указанных уровнях (табл. 1).

Данные таблицы 1 проиллюстрированы на рисунке 1. На левой панели зелёным показаны страны, имеющие национальные космические агентства, более тёмным зелёным цветом выделены государства, имеющие собственные пусковые мощности (космодромы). На правой панели выделены участники различных региональных космических агентств. Сопоставление 2 рисунков даёт представление о центрах, вокруг которых формируются региональные космические объединения – это страны, имеющие собственные пусковые мощности.

На создание глобального «технологического зонтика» сегодня претендуют

США и Китай. На рисунке 2 слева фиолетовым выделены государства-участники «Соглашений Артемиды» под руководством США, цветом морской волны обозначены государства-участники проекта Международной научной лунной станции (МНЛС) под эгидой Китая. На карте справа показаны существующие региональные космические «техноблоки» ЕС, России и Китая. В отличие от региональных космических агентств (рис. 2), «техноблок» подразумевает не просто наличие космической программы и (или) агентства, но и обязательное владение полным технологическим циклом, от обучения кадров и проектирования, до производства и эксплуатации космической техники и связанной инфраструктуры.

Геополитический анализ (рис. 2–3) позволяет выявить возможные конфликты интересов государств при реализации космических проектов. К примеру, в состав ESA входят Канада и Гренландия (как автономная территория в составе Дании), что стало яблоком раздора между США и ЕС. Перу является участником APSCO, Венесуэла, Никарагуа – участниками МНЛС, что отражает стремление Китая упрочить сотрудничество со странами Южной Америки, которую США рассматривают исключительно как часть своей сферы влияния. Армения является участником СНГ и ЕАЭС, при этом принимает участие в «Соглашениях Артемиды» и заявляет о своём стремлении вступить в ЕС. В целом можно выделить следующие области конфликта интересов в космической гонке нового века: США и Китай – Латинская Америка, Ближний восток, Африка, Азиатско-тихоокеанский регион и Австралия; США и ЕС – Канада, Гренландия; США и Россия – Восточная Европа, Ближний восток, возможно, Африка, а также Индия, которая в настоящий момент является участником «Соглашений Артемиды», сохраняя тесные связи с Россией в плане передачи технологий и покупки услуг по созданию космической инфраструктуры и техники.

¹ ESA учреждено 30 мая 1975 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.esa.int/About_Us/Corporate_news/ESA_facts (дата обращения: 19.04.2026).

² История проекта Международной космической станции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/30171/> (дата обращения: 19.04.2026).

³ Соглашение по МКС // Роскосмос: [сайт]. URL: <https://www.roscosmos.ru/2315/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Worldwide Space Agencies // UNOOSA: [сайт]. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/space-agencies.html> (дата обращения: 19.04.2026).

Таблица 1 / Table 1

Три уровня реализации космических программ в современном мире / Three levels of space programs in the modern world

Национальный	Региональный	Глобальный
Национальные космические агентства суверенных государств	Межгосударственный совет по космосу стран СНГ (МСК СНГ) ¹ Азиатско-Тихоокеанская организация космического сотрудничества (APSCO) ² Европейское космическое агентство (ESA) ³ Латиноамериканское и Карибское космическое агентство (ALCE) ⁴ Арабское космическое агентство на базе Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (GCC) ⁵ Африканское космическое агентство (ASA) ⁶	Международная космическая станция (Россия, США, Канада, Япония, ESA) «Соглашения Артемиды» (США и 58 государств-подписантов) ⁷ Проект Международной научной лунной станции (основные участники Китай и Россия ⁸ , помимо которых планируется привлечь 50 государств, 500 институтов и 5 000 учёных со всего мира ⁹)

Источник: данные автора.

Уровни и формы международного сотрудничества США, ЕС и Китая в области освоения космоса

Кратко очертим уровни и формы международного сотрудничества США, Китая и ЕС.

Для США космос – стратегический ресурс. Основная идея космической программы США – глобальное лидерство, присутствие на орбитах вокруг Земли и

первенство в освоении небесных тел и ресурсов. При анализе космических проектов США важно иметь ввиду 2 аспекта. Во-первых, исключительное внимание к проблеме защиты технологий, что является определяющим фактором принятия решения о допустимости участия других стран в проектах под руководством США. Такой подход существенно ограничивает

¹ Учреждён на основании Соглашения об осуществлении совместной деятельности государств-участников СНГ в области исследования и использования космического пространства в мирных целях от 2 ноября 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201912230036> (дата обращения: 19.04.2026)

² Asia-Pacific Space Cooperation Organization (APSCO): [сайт]. URL: http://www.apsco.int/html/comp1/channel/Member_States/25.shtml (дата обращения: 19.04.2026).

³ European Space Agency (ESA): [сайт]. URL: <https://www.esa.int/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Latin American and Caribbean Space Agency (ALCE). 67th session of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space [Электронный ресурс]. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/2024/Technical_Presentations/24AM/3_Item_5_-_Technical_Presentation_Mexico_-_Final_Version_1.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

⁵ Gulf Cooperation Council (GCC): [сайт]. URL: <https://www.gcc-sg.org/en/AboutUs/MemberStates/Pages/default.aspx> (дата обращения: 19.04.2026).

⁶ African Space Agency (ASA): [сайт]. URL: <https://africanspaceagency.org/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁷ The Artemis Accords. National Aeronautics and Space Agency (NASA) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁸ International Lunar Research Station (ILRS). Guide for Partnership [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6812150/content.html> (дата обращения: 19.04.2026).

⁹ Круг государств-участников, а также организаций-партнёров проекта постоянно растёт. Так на конференции в Хуаншане в 2024 году были подписаны меморандумы о взаимопонимании с рядом научных институтов и других организаций из разных стран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3277742/details-chinas-lunar-station-revealed-project-expands-dozen-new-partners> (дата обращения: 19.04.2026).

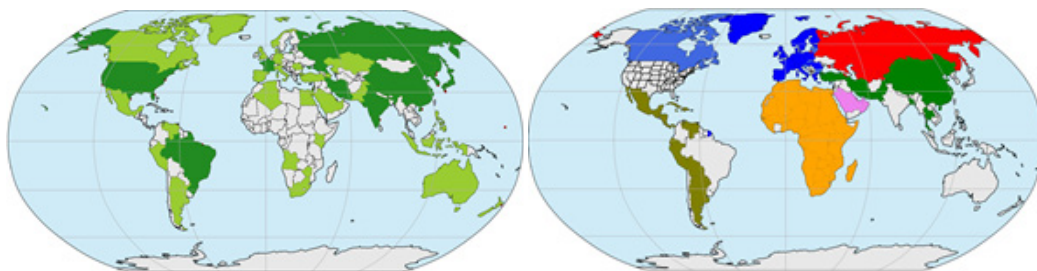

Рис. 1 / Fig. 1. Слева: цветом выделены государства, имеющие собственные космические агентства, среди которых тёмно-зелёным выделены государства, имеющие собственные пусковые мощности (космодромы). Слева: региональные космические агентства: красный – МСК СНГ, синий – ESA, зелёный – APSCO, оливковый – ALCE, оранжевый – ASA, фиолетовый – GCC / On the left: States having got their own space agencies are highlighted in green, among which the States possessing their own launch facilities (spaceports) are highlighted in dark green. On the left: regional space agencies: red – MSC CIS, blue – ESA, green – APSCO, olive – ALCE, orange – ASA, purple – GCC.

Источник: составлено автором.

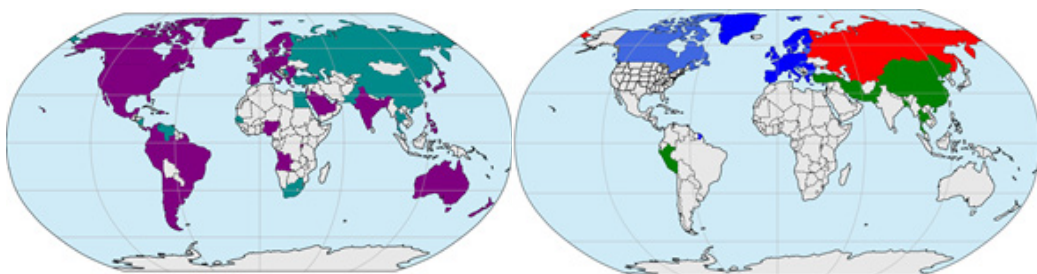

Рис. 2 / Fig. 2. Слева: два глобальных «техноблока»: США через «соглашения Артемиды» (фиолетовый) и Китая через проект МНЛС (морской волны). Справа: три региональных «техноблока»: красный – СНГ/ЕАЭС (Россия), синий – ЕС/ESA (основными донорами являются Германия, Франция), зелёный – APSCO (Китай) / On the left: two global "technoblocks": the United States through the Artemis Agreements (purple) and China through the MNLS (sea wave) project. On the right: Three regional "technoblocks": krasny – CIS/EAEU (Russia), blue – EU/ESA (the main donors are Germany, France), green – APSCO (China).

Источник: составлено автором.

круг партнёров NASA, куда входят ESA и космические агентства Японии, Канады, Франции¹. Во-вторых, разработкой космической политики занимается орган исполнительной власти США, ведущую роль в котором играет президент, при этом утверждение политики и бюджета на реализацию конкретных программ является прерогативой Конгресса, в котором большим весом обладают лобби крупных американских корпораций, не заинтересованных в передаче финансирования

конкурентам. Более того, в США введены многочисленные ограничения на сотрудничество с Китаем (например, «поправка Вульфа»²), Россией, Ираном и т. д. Учитывая эти 2 фактора, иностранным участникам, даже из ЕС, крайне сложно «попасть» в космические проекты NASA. Институт лоббизма в Конгрессе стремится удержать финансовые потоки внутри страны, поэтому неуклонно растёт доля про-

¹ К примеру, проект окололунной станции Gateway реализуется с участием ESA, Японии и Канады, программа «возвращения на Луну» под названием «Артемиды» – с участием ESA, Канады и Японии и т. д.

² Поправка, запрещающая NASA сотрудничать с Китаем и любыми китайскими компаниями, см. Sec. 1340. Department of Defense and Full-Year Continuing Appropriations Act, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/pub110/PLAW-112publ10.htm> (дата обращения: 19.04.2026).

дуктов и услуг, которые NASA закупает у частных подрядчиков, а также количество частных проектов, в которых NASA выступает со-инвестором, к примеру, орбитальных станций¹.

Космическая программа ЕС делится на 2 части. Спутниковой связью и навигацией занимается космическое агентство Европейского союза (EUSPA), созданное в 2021 г. Все прочие проекты реализуются Европейским космическим агентством (ESA). Это международная межправительственная организация (ММПО), участниками которой являются не только страны ЕС (см. рис. 1 выше). Часть программ ESA финансируется из бюджетных средств, а часть – путём предоставления грантов на конкурсной основе. Примерно 70% бюджета ESA вносят Франция, Германия, Италия и Британия. Основными партнёрами ЕС являются космические агентства США, Канады, Японии и Китая. Внутри ЕС наиболее мощной национальной космической программой обладает Франция, также существенные средства на собственные космические программы выделяют Германия и Италия².

Китай активно и последовательно развивает международное сотрудничество на нескольких уровнях. На межгосударственном уровне Китай заключил 135 соглашений о сотрудничестве³ в области освоения космоса с 46 странами и 6 международными организациями⁴. Сотрудничество США

в лице NASA с государственными органами Китая и любыми компаниями, находящимися в собственности Китая, ограничено т. н. «поправкой Вольфа»⁵, которая была принята в 2011 г. с целью защиты американских технологий. Аналогичной политики придерживается космическое агентство Японии (JAXA), в то время как ESA продолжает сотрудничество с Китаем⁶. На региональном уровне Китай формирует свой «технологический зонтик» через специализированный региональный орган (APSCO), в состав которого помимо региональных участников входит Перу (Южная Америка). На глобальном уровне Китай в партнёрстве с Россией реализует масштабный проект Международной научной лунной станции (МНЛС), в котором могут принимать участие государства и международные организации путём заключения международного договора⁷. В перспективе Китай планирует привлечь к сотрудничеству научные институты и даже отдельных учёных. Помимо этого, Китай планирует открыть доступ к своей орбитальной стан-

english.scio.gov.cn/whitepapers/2022-01/28/content_78016877_7.htm (дата обращения: 19.04.2026).

¹ Axiom Station от Axiom Space: [сайт]. URL: <https://www.axiomspace.com/axiom-station> (дата обращения: 19.04.2026); Orbital Reef от Blue Origin и Sierra Space: [сайт]. URL: <https://www.sierraspace.com/commercial-space-stations/orbital-reef-space-station/> (дата обращения: 19.04.2026).

² См. расходы ведущих космических агентств мира по данным консалтинговой компании «НоваСпейс». URL: <https://nova.space/hub/product/government-space-programs/> (дата обращения: 19.04.2026).

³ Доклад Департамента международного сотрудничества CNSA на ассамблее COPUOS за 2023 год: [Электронный ресурс]. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/2023/TPs/China_Space_International_CooperationFuture_Plans_and_Prospects.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Космическая программа Китая, раздел VI (международное сотрудничество), раздел 2 (основные достижения) [Электронный ресурс]. URL: <http://>

⁵ См. Sec. 1340. Department of Defense and Full-Year Continuing Appropriations Act, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ10/PLAW-112publ10.htm> (дата обращения: 19.04.2026).

⁶ К примеру, на данный момент ESA и CAS реализуют совместный проект SMILE в области исследования магнитного поля Земли [Электронный ресурс]. URL: https://www.esa.int/Science_Exploration/Space_Science/Smile, <https://english.nssc.cas.cn/smile/> (дата обращения: 26.01.2026).

Панее был успешно реализован совместный проект Double Star URL: <https://sci.esa.int/web/double-star/-/28517-double-star> (дата обращения: 19.04.2026). При этом ESA отказались от участия в Международной лунной исследовательской станции, отправки астронавтов на орбитальную станцию «Тяньгун», участия в «лунных» миссиях Китая «Chang'e-7» в 2026» и «Chang'e-8».

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции от 25 ноября 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/61731/ (дата обращения: 19.04.2026).

ции «Тяньгун» для реализации международной программы, участие в которой могут принять любые страны-члены ООН. Китай активно участвует в продвижении совместных космических проектов в рамках БРИКС¹ и ШОС, в реализации концепции «глобального управления» исследованием и использованием космоса на базе ООН², с акцентом на вовлечение развивающихся стран. Таким образом, Китай при построении своего «техноблока» в равной степени активен на всех 3 уровнях (национальном, региональном, глобальном), использует различные модели международного сотрудничества.

Основные особенности космических программ ЕС, США и Китая в зависимости от уровня реализации приведены в таблице 2. Всего выделено 3 уровня: глобальный, внешний (отношения с иностранными партнёрами либо странами, не входящими в союз, в случае ЕС), внутренний (отношения с внутренними резидентами государства или союза в случае ЕС).

Уровни и формы международного сотрудничества России в области освоения космоса

Перейдём к анализу уровней и субъектно-го состава международного сотрудничества России. Стоит отметить успешный российско-германский проект «Спектр Рентген-Гамма» («Спектр-РГ»)³, соединивший на одном космическом аппарате 2 ультра-современных космических телескопа, российский «ART-XC» и немецкий eROSITA.

¹ К примеру, проект BRICS “Remote Sensing Satellite Constellation”, включающий 6 спутников и 5 наземных станций Китая, Индии, России, Бразилии [Электронный ресурс]. URL: <https://bricstoday.com/brics-remote-sensing-satellite-constellation/> (дата обращения: 26.01.2026).

² Указанная концепция явным образом предусмотрена в базовых принципах Космической программы Китая, раздел VI (международное сотрудничество), раздел 1 (основные политики) [Электронный ресурс]. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2022-01/28/content_78016877_7.htm (дата обращения: 26.01.2026).

³ Российская космическая обсерватория «Спектр-РГ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roscosmos.ru/srg/> (дата обращения: 19.04.2026).

Успешно завершён первый этап совместного с ESA⁴ проекта «ЭкзоМАРС»⁵ (второй этап не состоялся из-за отказа ESA использовать российскую посадочную платформу). Успешный совместный проект Роскосмоса и ESA «Союз в Гвианском космическом центре»⁶ («Союз в ГКЦ») был заложен в 2003 г. Российская сторона обеспечила возведение стартового комплекса и поставку ракетноносителей (РН). Всего с 2011 по 2022 г. было выполнено 26 успешных запусков ракетноносителей «Союз-СТ» в интересах ESA. В 2022 г. по инициативе европейской стороны проект был прекращён.

Россия также принимала участие в международном проекте орбитальной обсерватории INTEGRAL⁷ в части вывода обсерватории на орбиту. Взамен российские учёные получили 25% наблюдательного времени. Обсерватория проработала на орбите с 2002 по 2025 г.

Публично-частный проект «Морской старт»⁸ не увенчался успехом, хотя шанс на возобновление проекта есть (плавучая пусковая платформа находится на судоремонтном заводе на Дальнем Востоке). Не состоялся российско-украинский проект коммерциализации пусковых услуг «Космотрас»⁹. Хорошие шансы на успех

⁴ Проект реализуется в рамках Соглашения между Правительством РФ и ЕКА о сотрудничестве и партнёрстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/2288/> (дата обращения: 20.04.2026).

⁵ Совместный проект Роскосмоса и ESA по исследованию Марса «ЭкзоМарс» [Электронный ресурс]. URL: <https://tsniimash.ru/science/project-office-exomars/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁶ Десять лет с момента исторического пуска РН «Союз» в Гвиане [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russian.space/press-tsentr/novosti/desyat-let-s-momenta-istoricheskogo-puska-rn-soyuz-v-gviane.html> (дата обращения: 19.04.2026).

⁷ «Последний свет» орбитальной обсерватории гамма-лучей INTEGRAL [Электронный ресурс]. URL: <https://new.ras.ru/press-center/posledniy-svet-orbitalnoy-observatorii-gamma-luchey-integral/?ysclid=movvy74gx0123474005> (дата обращения: 19.04.2026).

⁸ Морской старт: [сайт]. URL: <http://sea-launch.info/main.htm> (дата обращения: 19.04.2026).

⁹ ООО «Международная космическая компания “Космотрас”» создана в 1997 г. для проведения работ

Таблица 2 / Table 2

Уровни реализации космических программ в ЕС, США и Китае / The levels of implementation of space programs in the EU, USA and China

	ЕС	США	Китай
Глобальный	—	«Соглашения Артемиды»	– МНЛС; – планы открыть «Тяньгун» для всех стран-участников ООН
Внешний	– ESA (страны-участники ЕС и партнёры, например, Канада); – EUSPA (Космическое агентство ЕС создано в 2021 г. для реализации программ спутниковой связи и навигации)	Международные соглашения, причём круг потенциальных партнёров ограничен ввиду санкций («поправка Вольфа» в отношении Китая и т.п.)	APSCO + 135 двусторонних соглашений о сотрудничестве
Внутренний	Гранты для частных компаний (Thales Alenia проект Ascend в рамках программы Горизонт по выводу ЦОД в космос); Создание новых организационно-правовых форм sui-generis (ERIC10) внутри ЕС для оптимизации логистики, налогообложения, защиты инвестиций	NASA активно покупает услуги частных компаний (SpaceX, Blue Origin, Boeing, Northrop Grumman) по доставке грузов и астронавтов на МКС, созданию модулей Lunar Gateway, Human Landing System для Лунной программы и пр.	Государственная поддержка частных космических компаний и стартапов, которые получают небольшие контракты, субсидии, налоговые льготы и доступ к стартовым мощностям. Доступ к крупным госзаказам, ключевым технологиям имеют только крупные корпорации

Источник: составлено автором.

имеет совместное российско-казахское предприятие «Байтерек»¹, созданное на

по созданию и коммерческой эксплуатации пусковой системы на базе МБР ракет РС-20, на основании Постановления Кабинета министров Украины от 6.11.1997 г. № 1246 и Правительства Российской Федерации от 5.10.1998 г. № 1156. На данный момент деятельность остановлена, держателем 85% акции является АО НПС, группа компаний «Каскол».

¹ АО «Совместное Российско-Казахстанское предприятие "Байтерек"» (далее – СП) учреждено с целью создания и совместной эксплуатации космического ракетного комплекса «Байтерек»: [сайт]. URL: <https://bayterek.kz/> (дата обращения: 19.04.2026).

базе площадки 42 космодрома Байконур², построенной ещё в СССР для запуска ракет «Зенит». На 2026 г. запланирован первый запуск ракетносителя «Союз-5М», созданного в России. Казахская сторона отвечает за подготовку пусковых мощностей.

² Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан о создании на космодроме «Байконур» космического ракетного комплекса «Байтерек» от 15.12.2005, а также Протокол от 22.08.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53693/ (дата обращения: 19.04.2026).

Таблица 3 / Table 3

Уровни международного сотрудничества России при реализации космических проектов / Levels of Russia's international cooperation in the implementation of space projects

	Национальный	Региональный	Глобальный
Публично-публичный	<p>«Байтерек» (Россия-Казахстан)</p> <p>Обсерватория «Спектр-РГ» (Россия-Германия)</p> <p>Обсерватория UNTEGRAL (Россия-ESA)</p> <p>«ЭкзоМАРС» (Россия-ESA)</p> <p>«Космотрас» (Россия-Украина)</p> <p>«Союз в Гвианском космическом центре» (Россия-ESA)</p>	<p>Межгосударственный совет по космосу стран СНГ</p> <p>Совет по космосу стран БРИКС</p> <p>Евразийское космическое агентство ЕАЭС</p>	<p>МКС (Россия, США, Япония, Канада, Германия, ESA)</p> <p>Участие в МНЛС в качестве главного партнёра</p>
Публично-частный	<p>«Морской старт» (Россия, Норвегия, группа «S7»)</p> <p>Государственное финансирование частных проектов внутри РФ («Бюро-1440», «Спутникс», «Ситроникс», «Стилспейс»).</p>	<p>Евразийская технологическая платформа** (данные ДЗЗ)</p>	<p>–</p>

Примечание: жирным шрифтом выделены реализованные проекты (созданные организации), обычным шрифтом – неудавшиеся или только планируемые проекты.

Источник: составлено автором.

Следует отметить, что помимо указанных в таблице, на национальном уровне заключены многочисленные соглашения о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях с десятками государств¹, но далеко не все привели к реальным результатам.

На региональном уровне в 1991 г. был учреждён Межгосударственный совет по космосу стран СНГ. В те времена основной задачей совета была координация использования космической инфраструктуры, унаследованной от СССР. В 2010 г. работа совета была приостановлена, а в 2018 г.

состоялось повторное учреждение совета для реализации совместных космических проектов стран СНГ².

В 2016 г. в рамках ЕАЭС создана Евразийская технологическая платформа «Космические и геоинформационные технологии – продукты глобальной конкурентоспособности», призванная объединить государственные и частные компании участников ЕАЭС, занятые в области сбо-

¹ См. сайт МИД РФ, раздел «двусторонние договоры» по ключевым словам «космос» или «космического пространства». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/ (дата обращения: 19.04.2026).

² В рамках Конвенции СНГ о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях и Соглашения об осуществлении совместной деятельности государств-участников СНГ в области исследования и использования космического пространства в мирных целях от 02.11.2018 г.: [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53457/?ysclid=mo6rp05syy132157200 (дата обращения: 20.04.2026).

ра и обработки данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ)¹. Со временем проект может вырасти в целую экосистему по обмену данными дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). Есть планы создания космического агентства ЕАЭС².

В рамках БРИКС ведётся активное обсуждение необходимости учреждения Совета по космосу стран БРИКС³, проводятся совещания на уровне глав космических агентств⁴.

На глобальном уровне основным достижением России является МКС. К сожалению, после 2030 г. эксплуатация станции вряд ли возможна, а следующая российская орбитальная станция (РОС) реализуется уже в рамках национального (не глобального) проекта. Из будущих проектов глобального уровня необходимо отметить проект Международной научной лунной станции (МНЛС)⁵, инициированный Китаем, в котором Россия выступает в качестве ведущего партнёра⁶.

Рассмотрим классификацию описанных выше проектов (табл. 3) в зависимости от уровня (по горизонтали) и субъектного состава (по вертикали).

Даже при беглом сравнении таблиц 2 и 3 бросается в глаза отсутствие глобального космического проекта под руководством России как на уровне межгосударственных, так и публично-частных отношений. По большому счёту, на региональном уровне также отсутствуют реальные («летающие») проекты, хотя необходимые структуры управления созданы.

Следует отметить скромный репертуар юридических моделей сотрудничества как с иностранными, так и внутренними контрагентами. В основном Роскосмос (как основной исполнитель космической программы) при построении отношений с иностранными контрагентами опирается на конвенционные международные договоры⁷. Однако в современном мире спектр моделей международного сотрудничества существенно шире.

Классификации моделей международного сотрудничества в сфере освоения космоса

Существуют различные классификации форм международного научно-технического сотрудничества [1; 2; 3; 4], включая современные проекты класса «мега-сайенс». Вопросам международного сотрудничества в космосе посвящён ряд работ, ставших классическими [5; 6; 7]. Для целей настоящего исследования представляет интерес не просто классификация международных проектов в области освоения космоса, но выделение юридических моделей, лежащих в их основе. Подобная классификация предложена Н. А. Соколовой и Э. С. Теймуровым [8], которые выделяют 2 модели международного сотрудничества: конвенционную и институционную. В первой отношении сторон регулируются

¹ На её базе реализуется межгосударственная программа «Интегрированная система государств-членов Евразийского экономического союза по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли».

² В ЕАЭС предложили создать Евразийское космическое агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-predlozhili-sozdat-evrazijskoe-kosmicheskoe-agentstvo/?ysclid=mkyewev12j688835199> (дата обращения: 20.04.2026).

³ BRICS countries launch joint committee on space cooperation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/english/n6465668/n6465670/c6840322/content.html> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Главы космических агентств стран БРИКС поддержали создание Совета по космосу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/41490/> (дата обращения: 28.01.2026).

⁵ См. International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6812150/content.html> (дата обращения: 20.04.2026).

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/61731/ (дата обращения: 20.04.2026).

⁷ Полный список прошлых и текущих международных проектов, реализуемых Россией в партнёрстве с другими государствами приведён на сайте ГК «Роскосмос». URL: <https://www.roscosmos.ru/22888/> (дата обращения: 20.04.2026).

международным договором. Для реализации второй необходимо создание нового самостоятельного субъекта («института»).

Космические проекты по сути своей дорогостоящие, масштабные, подразумевающие наличие чётко-определённого результата [9]. Для реализации подобных проектов привлекается множество организаций, подрядчиков. Следовательно, создание дополнительных уровней управления в форме проектных институтов вполне оправданно. Гибкость институциональной модели заключается в свободе выбора организационно-правовой формы создаваемого института. Это может быть самостоятельное юридическое лицо либо организация без образования юридического лица, объединение («коллаборация») существующих институтов по проектному принципу, либо учреждение целой «экосистемы» институтов. Возможны также смешанные формы. К примеру, проект МКС сочетает в себе черты конвенционной и институциональной моделей¹.

Институциональные модели управления используются при реализации научно-исследовательских проектов класса «мега-сайенс». К примеру, проекты в области ядерных исследований [10]: Объединённый институт ядерных исследований² в Дубне, CERN³ в Швейцарии и международный термоядерный реактор ITER⁴ во Франции, для управления кото-

рыми были учреждены соответствующие международные межправительственные организации (ММПО). Такие проекты, как FAIR⁵ в Германии, XFEL⁶ и ESRF⁷ во Франции, также можно отнести к институциональным, т. к. для их реализации были учреждены самостоятельные юридические лица по национальному праву ведущей страны-учредителя [11].

Следует упомянуть международные коллаборации. По своей правовой природе коллаборация представляет собой некоммерческое, объединённое общей целью партнёрство или простое товарищество. Подобные конструкции предусмотрены в законодательстве многих стран, к примеру, Франции и Швейцарии. Наиболее широко данная форма использована в структурах вокруг Большого адронного коллайдера (БАК) [12]. К примеру, для создания и эксплуатации каждого из 4 детекторов в составе БАК (ATLAS, CMS, ALICE, LHCb) создана своя отдельная коллаборация. Членами такой коллаборации являются не государства, а научные организации и финансирующие их учреждения плюс сам CERN на правах «принимающей лаборатории». Коллаборации не являются частью CERN, но существуют как самостоятельные организации со своими руководящими органами. В терминах корпоративного управления CERN присутствует только во «внешнем контуре управления». Учредительным документом коллаборации является один или несколько меморандумов о взаимопонимании (МОВ). МОВ не являются международными договорами, обладающими юридически обязательной силой для сторон. В них закреплены обязательства морально-нрав-

¹ В основе проекта лежит многостороннее межправительственное соглашение, дополненное рядом двусторонних меморандумов; помимо этого, для реализации проекта были созданы органы управления, к примеру, Многосторонний совет по координации, а также советы и комитеты по вопросам деятельности экипажа, медицины и т.д. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/2315/> (дата обращения: 19.04.2026).

² Объединённый институт ядерных исследований: [сайт]. URL: <https://www.jinr.ru/> (дата обращения: 30.01.2026).

³ Официальное сообщение МИД РФ о прекращении действия Соглашения между Правительством РФ и Европейской организацией ядерных исследований (CERN) о научно-техническом сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412180003?ysclid=ml1264ixg116559709> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Международный термоядерный реактор: [сайт].

URL: <https://www.iter.org/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁵ Центр по исследованию ионов и антипротонов в Европе: [сайт]. URL: <https://fair-center.eu/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁶ Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах: [сайт]. URL: https://www.desy.de/research/facilities_projects/european_xfel/index_eng.html (дата обращения: 19.04.2026).

⁷ Европейский источник синхротронного излучения: [сайт]. URL: <https://www.esrf.fr/> (дата обращения: 19.04.2026).

ственного характера, за нарушение которых члена коллаборации нельзя привлечь к уголовной, административной или иной юридической ответственности, но можно подвергнуть исключению из её состава, лишить права на возврат вложенных средств и т. п.

Подобная конструкция обеспечивает гибкость и возможность построения «горизонтальных связей», когда набор организаций, институтов создаёт коллаборацию без необходимости следования крайне сложной и длительной процедуре заключения, ратификации ряда международных договоров.

В космической области указанная форма ещё ждёт своего применения. Субъектный состав участников международных проектов в космической сфере постоянно расширяется. Разработкой спутниковых систем занимаются частные компании¹, а ведущие университеты развивают собственные космические проекты на базе кубсатов для научных и учебных целей².

С точки зрения устойчивости к изменениям политической конъюнктуры и односторонним санкциям, несомненно преимуществом обладают ММПО, наделённые международной правосубъектностью, в отличие от юридических лиц, полностью подчинённых национальным правовым нормам. К примеру, ESA было учреждено именно в форме ММПО с участием ряда стран, не входящих в Евросоюз. Более того, для более эффективного использования преимуществ ММПО в Евросоюзе введены консорциумы исследовательской инфраструктуры ERIC [13], которые, будучи юридическими лицами по национальному праву страны регистрации, наделены рядом привилегий ММПО в рамках

Евросоюза. При разработке нормативно-правовой базы МНЛС китайские коллеги также использовали опыт учреждения ММПО ITER [14].

Конвенционные и институциональные модели: традиция и современность

Как показано выше, международные космические проекты России реализуются преимущественно по конвенционной модели, т. е. на базе международного договора. Перечень международных договоров, представленный на сайте Роскосмоса, широк³. А вот проекты, предусматривающие создание самостоятельной организации, можно пересчитать по пальцам: это СП «Байтерек» на межправительственном уровне, «Морской старт» и «Космотрас» с участием частного капитала. Со стороны Роскосмоса для реализации коммерческих проектов была создана дочерняя структура – АО «Главкосмос», которая, к примеру, выполняла функции проектного интегратора в проекте «Союз в ГКЦ».

Следует отметить, что в настоящей работе не рассматриваются такие формы международного сотрудничества, как участие в Комитете ООН по космосу, КОСПАР, различных межправительственных комиссиях, комитетах, т. е. консультативных органах без образования юридического лица⁴, т. к. указанные площадки экосистемного типа, согласно терминологии [8], не занимают реализацией конкретных проектов, но создают условия для обсуждения оных.

Со времён СССР и вплоть до 2022 г. приверженность конвенционной модели международного сотрудничества была вполне оправдана, ведущая роль ООН не подвергалась сомнению, преданность со-

¹ К примеру, «Бюро 1440» занимается созданием орбитальной группировки для широкополосной передачи данных: [Электронный ресурс]. URL: <https://1440.space/?ysclid=mozia4hzpx442237377> (дата обращения: 19.04.2026).

² Миниатюрные спутники упростят наблюдение за гамма-всплесками в ближнем и дальнем космосе: [Электронный ресурс]. URL: <https://naked-science.ru/article/column/miniaturnyye-sputniki-upr> (дата обращения: 19.04.2026).

³ Договорная база сотрудничества России со странами СНГ. Договорная база по комплексу «Байконур». Список межправительственных соглашений: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/22887/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Межправительственные комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, подкомиссии и рабочие группы: [сайт]. URL: <https://www.roscosmos.ru/22887/> (дата обращения: 19.04.2026).

блюдению норм международного права была всеобщей. Соответственно, международный договор был эффективным инструментом регулирования отношений между партнёрами. В последние годы ситуация быстро меняется. Субъектный состав участников космических проектов претерпел качественные изменения: количество космических держав кратно выросло, появились частные компании, реализующие как собственные космические проекты, а также частные инвестиционные фонды, готовые такие проекты финансировать. Более того, появились качественно-новые формы международного сотрудничества: глобальные коллаборации, сетевые объединения, в которых максимально задействован принцип «горизонтальных» связей. Также выросло число международных организаций различного рода, которые используются как экосистемы для создания условий сотрудничества либо как проектные офисы для управления конкретными проектами. Отказ от использования преимуществ, которыми обладают институциональные модели сотрудничества, лишает Россию конкурентных преимуществ.

Любой, даже наиболее подробный договор не в состоянии покрывать все возможные ситуации, тем более в современной геополитической реальности. Хорошим примером является упомянутый выше проект INTEGRAL. Обсерватория была запущена в 2002 г., работала крайне успешно. Российский вклад в проект заключался в выводе аппарата на орбиту, т. е. предоставление ракетносителя, разгонного блока и пусковых мощностей, за это наши учёные получали 25% наблюдательного времени. Европейская сторона предоставила орбитальный модуль, включая весь комплект научного оборудования (телескопы), и наземную инфраструктуру приёма и обработки данных. По состоянию на 2025 г. телескопы на орбите функционировали без сбоев, для приёма данных использовалась одна антенна, в центре обработки данных были заняты 2 сотрудника, т. е. обсерватория могла проводить наблюдения ещё несколько лет без особых вложе-

ний и затрат. Российские учёные при поддержке европейских коллег настоятельно рекомендовали продлить работу до конца 2027 г. Однако европейская сторона (в лице ESA) предпочла закрыть проект под предлогом, что средства нужны на другие цели. Данное решение вызвало крайне негативную реакцию в научном сообществе, т. к. аналогов обсерватории нет. Россия, будучи полноценным участником проекта, не имела никаких рычагов влияния на принятие решений о судьбе проекта.

Подобные ситуации имели место в проектах «Спектр-РГ», когда немецкая сторона в 2022 г. в одностороннем порядке отключила телескоп eROSITA. Российские участники проекта потеряли наблюдательное время, на которое имели право. По прошествии 5 лет вряд ли получится вернуть прибор к работе, принимая во внимание множественные негативные воздействия на электронику космических лучей. Не состоялся второй этап проекта ExoMARS, который называли апофеозом европейско-российского сотрудничества [15], по причине отказа ESA использовать российские пусковые мощности и посадочную платформу «Казачок». Таким образом, прямые договоры в случае изменения политической конъюнктуры, ввода санкций недостаточно эффективны с точки зрения защиты самого проекта и интересов России, связанных с получением конечного результата проекта: проведение экспериментов, получение новых знаний, участие в интеллектуальной собственности.

Создание самостоятельного юридического лица в некоторых ситуациях предпочтительнее, т. к. обеспечивает возможность приспособиться к новым условиям. Организация обладает таким качеством, как субъектность, что само по себе является дополнительным средством защиты проекта от остановки: ликвидировать организацию или приостановить её работу сложнее, чем выйти из договора, задержать или отменить его ратификацию или приостановить исполнение. Как самостоятельный субъект организация стремится

ся сохраниться, защитить свои интересы. Решения о судьбе организации принимаются учредителями, согласно процедуре, отражённой в учредительных документах. Следовательно, важным фактором является представленность в органах управления организации, причём не только во внешней контуре (совет директоров, наблюдательный совет), но и на внутреннем (оперативного управления).

До недавнего времени космические проекты были делом исключительно публичного сектора, реализация соответствующих международных межправительственных соглашений подразумевала участие государственных корпораций, национальных научных учреждений, которые выполняют публичные функции, делегированные государством. Времена меняются, компании частного сектора начинают активно занимать различные ниши, связанные проектированием, производством космических аппаратов, инфраструктуры и пусковых мощностей [16].

Одним из принципов государственной политики в области использования результатов космической деятельности, утверждённой в 2014 г., является формирование конкурентной среды и вовлечение предприятий малого и среднего бизнеса¹.

В 2015 г. был принят Федеральный закон о государственно-частном партнёрстве², который создаёт правовую основу для реализации проектов с участием частных партнёров, требования к которым изложены в ч. 3 ст. 5 указанного закона. Объектами соглашений государственно-частного партнёрства, помимо прочих, могут быть недвижимые объекты космической инфраструктуры и технологически связанные с ними космические объекты (ч. 24 ст. 7). Таким образом, была создана

основа для привлечения частных инвесторов в космические проекты России, связанные с созданием и развитием космической инфраструктуры, как на Земле, так и в космосе, что дало толчок к развитию нескольких отечественных частных проектов в последние годы.

Ввиду отсутствия в них международного участия указанные проекты на стали предметом настоящего исследования. Тем не менее ряд проектов обладает хорошим потенциалом выхода на международный уровень, к примеру, упомянутая выше низкоорбитальная группировка широкополосной связи «Бюро 1440»³.

Заключение

Весной 2025 г. была обновлена концепция международного научно-технического сотрудничества России⁴. В ст. 16 перечислены национальные интересы России при реализации международных проектов, на первом месте стоит *обеспечение технологического суверенитета*. В ст. 18 указано на необходимость создания новых форм международного научно-технического сотрудничества, отвечающих современным вызовам, а в разделе V приводится обзор форм международного научно-технического сотрудничества, подчёркивается важность разработки новых механизмов такого сотрудничества (ст. 32), локализации на территории России инновационной инфраструктуры (ст. 33) и реализации глобальных горизонтальных и сетевых форм взаимодействия (ст. 35).

По сути, указанная выше концепция положила начало коренной перестройке всей системы международного научно-технического сотрудничества, сложившейся после распада СССР, в которой России отводи-

¹ Основы государственной политики в области использования результатов космической деятельности в интересах модернизации экономики Российской Федерации и развития её регионов на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 14 января 2014 г. № Пр-51) // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве» // СПС Консультант Плюс.

³ Бюро 1440. Российская аэрокосмическая компания: [Электронный ресурс]. URL: <https://1440.space/?ysclid=mp10k8uox936229291> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 16.05.2025 г. №1218-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/1591112/> (дата обращения: 19.04.2026).

лась роль источника финансовых средств, поставщика кадров и некоторых технологий в обмен на крайне ограниченный доступ к проектам на территории «развитых» стран. После каскадного ввода санкций в 2022 г. против российских учёных и институтов, отказа в предоставлении доступа практически ко всем мага-сайенс проектам на территории ЕС, несмотря на колоссальный вклад России, назрела необходимость изменения самой концепции сотрудничества, что и было сделано.

В сфере космических проектов также пришло время пересмотра концепции международного сотрудничества. Приведённый выше анализ позволяет сделать несколько важных для этой цели выводов.

Во-первых, необходимо подчеркнуть важность развития международного сотрудничества на нескольких уровнях. Крайне настораживает отсутствие у России своего глобального проекта. Сейчас таким проектом является МКС, но после сведения её с орбиты в 2030 г., в России не останется проекта, который можно представить миру как «системообразующий», способный объединить вокруг себя региональных партнёров из числа «дружественных стран», без которых невозможно построение собственного технологического блока, а также увлечь умы и направить усилия собственных учёных и специалистов космической отрасли.

Проектируемая Российская орбитальная станция уже не может претендовать на глобальность, т. к. на орбите уже работает китайская станция. Основой глобального проекта может стать нечто качественно новое, например, новые источники энергии для космоса, двигатели на новых принципах, спутниковые платформы, научные институты, госпитали или даже заводы по сборке спутников на орбите. На данный момент достаточно прорывной идеи, способной увлечь умы исследователей, нет. Следует отметить, что глобальный проект не является самоцелью и не означает смещения приоритетов с регионального уровня на глобальный. Несомненно, стратегической задачей является обеспечение

технологического суверенитета России, что подразумевает создание собственного технологического блока. Логично, что наибольшее внимание на данный момент сосредоточено на выстраивании отношений в рамках региональных объединений. Выше упомянуты инициативы по созданию советов по космосу БРИКС и ЕАЭС, также существует совет по космосу стран СНГ, а также несколько десятков двусторонних комиссий и комитетов¹. Глобальный проект необходим как задел на будущее.

Во-вторых, при анализе нормативно-правовой базы международного сотрудничества ГК «Роскосмос» бросается в глаза ориентация на конвенционные (договорные) формы сотрудничества в ущерб институциональным, которые обладают высоким потенциалом, как показывает опыт реализации проектов класса «мега-сайенс». К примеру, учреждение ММПО, обладающей международной правосубъектностью, хотя и ограниченной, что служит защитой от односторонних санкций в отношении одного из государств-участников. Использование юридических лиц по национальному праву одного из партнёров позволяет избежать сложностей и проволочек при регистрации, при этом чётко обозначая права учредителей при принятии решений. Создание международных коллабораций позволяет существенно расширить круг потенциальных участников проекта, выстроить те самые глобальные горизонтальные и сетевые связи, упомянутые в ст. 35 Концепции международного научно-технического сотрудничества России. Также возможна разработка новых организационно-правовых форм, возможно, существующих в рамках экспериментальных правовых режимов с учётом специфики космической отрасли.

В-третьих, следует отметить важность эффективного использования «задела», созданного в СССР. Байконур – отправная

¹ Межправительственные комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, подкомиссии и рабочие группы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roscosmos.ru/22887/> (дата обращения: 19.04.2026).

точка советской и российской космической программы [17]. Это не просто «ещё один» космодром, это символ эпохи, достижений и грандиозного успеха. Это место, откуда человек шагнул в космос. Гагаринский старт и ещё десятки объектов Байконура – наше национальное, историческое, культурное наследие. Сам факт расположения Байконура в Казахстане открывает широкие возможности для сотрудничества с региональными партнёрами при ведущей роли Российской Федерации и Казахстана как принимающей стороны. Особый статус Байконура, который находится в аренде до 2050 г., позволяет вводить экспериментальные правовые и экономические режимы, столько необходимые в текущей геополитической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриева Л. П. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 175–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.175-186
2. Соколова Н. А. Международно-правовые вопросы реализации научно-технического сотрудничества // Lex russica. 2019. № 9. С. 146–157. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157
3. Ильина И. Е., Андрианов В. Л., Васильева И. Н. и др. Формы и модели международного научно-технического сотрудничества в России. Москва: IMG Print, 2020. 45 с
4. Сенцов С. В. Трансформация международного научно-технического сотрудничества в условиях глобализации и предпосылки интеграции в него России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 211 с.
5. Колосов Ю. М. Борьба за мирный космос: правовые вопросы. М.: Статут, 2014. 173 с.
6. Верещетин В. С. Международное сотрудничество в космосе. Правовые вопросы. М.: Наука, 1977. 264 с.
7. Каменецкая Е. П. Сотрудничество государств в освоении космоса в рамках международных организаций: международно-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. 201 с.
8. Соколова Н. А., Теймуров Э. С. Правовые модели международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований // Lex russica. 2022. Т. 75. № 3. С. 128–141. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.128-141
9. Ганиева И. А., Мартынюк Г. В., Шепелев Г. В. Проектный и процессный подходы в науке. Обзор крупных научно-технических проектов // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 2. С. 30–48. DOI: 10.19181/sntp.2023.5.2.3
10. Теймуров Э. С., Кожеуров Я. С. Организационно-правовые модели научно-технического сотрудничества по созданию и эксплуатации глобальной исследовательской инфраструктуры в ядерной сфере // Международное право и международные организации. 2020. № 3. С. 21–35. DOI: 10.7256/2454-0633.2020.3.33961
11. Четвериков А. О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Часть I. Мегасайенс как научное и правовое явление. Правовые аспекты функционирования мегасайенс в форме международных межправительственных организаций и национальных юридических лиц // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 13–27.
12. Четвериков А. О. Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Lex Russica. 2019. № 4. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.151-169
13. Четвериков А. О. Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 141–150. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.141-150
14. Fengna X., Jun O. Promoting international cooperation on the International Lunar Research Station: Inspiration from the ITER // Acta Astronautica. 2023. Vol. 203. P. 341–350. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.12.004
15. Harvey B. European-Russian Space Cooperation. From de Gaulle to ExoMars. Springer Praxis Books, 2021. 406 p. DOI: 10.1007/978-3-030-67686-5
16. Исполинов А. С. Международное космическое право эпохи начала бизнес-колонизации космоса // Международное правосудие. 2020. № 4. С. 24–25. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-22-44
17. НИИП-5 Мо (Байконур). Покоряя космос... Архивные материалы. М.: АО "Красная звезда", 2021. 402 с.

REFERENCES

1. Anufrieva, L. P. (2018). Principles and Legal Forms of Cooperation in the Field of Science, Technology and Innovation Between Russia and the European Countries. In: *Current Problems of Russian Law*, 12, 175–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.175-186 (in Russ.).
2. Sokolova, N. A. (2019). International Legal Issues of the Implementation of Scientific and Technical Cooperation. In: *Lex Russica*, 9, 146–157. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157 (in Russ.).
3. Ilyina, I. E., Andrianov, V. L., Vasilyeva, I. N., et al. (2020). *Forms and Models of International Scientific and Technical Cooperation in Russia*. Moscow: Img print publ. (in Russ.).
4. Sentsov, S. V. (2006). *Transformation of International Scientific and Technical Cooperation in the Context of Globalization and the Prerequisites for Russia's Integration into It*: [Dissertation]. Moscow (in Russ.).
5. Kolosov, Yu. M. (2014). *Struggle For Peaceful Space: Legal Issues*. Moscow: Statute publ. (in Russ.).
6. Vereshchetin, V. S. (1977). *International Cooperation in Space. Legal Issues*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
7. Kamenetskaya, E. P. (1976). *Cooperation of States in Space Exploration within the Framework of International Organizations: International Legal Problems*: [Dissertation]. Moscow (in Russ.).
8. Sokolova, N. A. & Teymurov, E. S. (2022). Legal Models of International Scientific and Technical Cooperation in the Field of Space Research. In: *Lex Russica*, 75 (3), 128–141. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.128-141 (in Russ.).
9. Ganieva, I. A., Martynyuk, G. V. & Shepelev, G. V. (2023). Design And Process Approaches In Science. Overview Of Large Scientific And Technical Projects. In: *Science Management: Theory And Practice*, 5 (2), 30–48. Doi: 10.19181/Smtp.2023.5.2.3 (In Russ.).
10. Teymurov, E. S. & Kozheurov, Y. S. (2020). Organizational and Legal Models of Scientific and Technical Cooperation for the Creation and Operation of Global Research Infrastructure in the Nuclear Field. In: *International Law and International Organizations*, 3, 21–35. DOI: 10.7256/2454-0633.2020.3.33961 (in Russ.).
11. Chetverikov, A. O. (2018). Organizational and Legal Forms of Big Science (Megascience) in the Context of International Integration: Comparative Research. Part I. Megascience as a Scientific and Legal Phenomenon. Legal Aspects of The Functioning of Mega-Science in the Form of International Intergovernmental Organizations and National Legal Entities. In: *Legal Science*, 1, 13–27 (in Russ.).
12. Chetverikov, A. O. (2019). Large Hadron Collider as a Legal Phenomenon. In: *Lex Russica*, 4. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.151-169 (in Russ.).
13. Chetverikov, A. O. (2019). European Research Infrastructure Consortia: International Organizations under European Law Or Legal Entities Sui Generis? In: *Lex Russica*, 7, 141–150. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.141-150 (in Russ.).
14. Fengna, X. & Jun, O. (2023). Promoting International Cooperation on the International Lunar Research Station: Inspiration From The Iter. In: *Acta Astronautica*, 203, 341–350. DOI: 10.1016/J.actaastro.2022.12.004 (in Russ.).
15. Harvey, B. (2021). *European-Russian Space Cooperation. From De Gaulle To Exomars*. Springer Praxis Books. DOI: 10.1007/978-3-030-67686-5 (in Russ.).
16. Ispolinov, A. S. (2020). International Space Law of the Era of the Beginning of Business Colonization of Space. In: *International Justice*, 4, 24–25. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-22-44 (in Russ.).
17. (2021). *Niip-5 Mo (Baikonur). Conquering Space... Archival Materials*. Moscow: Red Star publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельева Наталья Валерьевна (г. Зеленоград) – научный сотрудник Института физики Земли им. О. Ю. Шмидта Российской академии наук;
ORCID: 0000-0002-2382-2694; e-mail: nasa2000@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Savelyeva (Zelenograd) – Researcher, Schmidt Institute of the Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences;
ORCID: 0000-0002-2382-2694; e-mail: nasa2000@yandex.ru

Научная статья
УДК 342/4 + 342.734
DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-54-64

БАЛАНС КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СОЛИДАРНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕННОСТИ СВОБОДЫ ТРУДА)

Сагандыков М. С.

*Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация
e-mail: sagandykovms@susu.ru*

Поступила в редакцию 24.02.2026

После доработки 15.03.2026

Принята к публикации 22.03.2026

Аннотация

Цель. Выявить методы и критерии установления баланса конституционных ценностей в контексте концепции солидарности на примере ценности свободы труда.

Процедура и методы. Системный анализ и формально-юридический метод позволили выявить закономерности в механизме взаимодействия ценностей свободы труда и свободы экономической деятельности. На основе метода индукции, путём обобщения судебной практики и мнений учёных сделаны выводы о методах, субъектах, критериях установления баланса конституционных ценностей.

Результаты. Сделан вывод о том, что баланс конституционных ценностей устанавливается не только Конституционным Судом РФ, но и другими судебными органами, а в первую очередь законодателем, определяющим пределы судебной интерпретации правовых норм. Баланс, отвечающий принципам справедливости и соразмерности, в условиях солидарности не может сводиться к «ограничениям» одних конституционных ценностей в угоду другим и должен способствовать сотрудничеству субъектов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены методы, критерии установления баланса конституционных ценностей, определены особенности их реализации в контексте концепции солидарности.

Ключевые слова: баланс конституционных ценностей, свобода труда, свобода экономической деятельности, солидарность, соразмерность, справедливость

Для цитирования:

Сагандыков М. С. Баланс конституционных ценностей в контексте концепции солидарности (на примере ценности свободы труда) // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 54–64. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-54-64>.

Original research article

BALANCE OF CONSTITUTIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF SOLIDARITY (ON THE EXAMPLE OF THE FREEDOM OF LABOR VALUE)

M. Sagandykov

*South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
e-mail: sagandykovms@susu.ru*

Received by the editorial office 24.02.2026

Revised by the author 15.03.2026

Accepted for publication 22.03.2026

Abstract

Aim. To identify the methods and criteria for establishing a balance of constitutional values in the context of the concept of solidarity using the example of the value of freedom of labor.

Methodology. A systems analysis and formal legal approach helped us to identify patterns in the interaction between the values of freedom of labor and freedom of economic activity. Using induction, generalising judicial practice and scholarly opinions, we drew conclusions about the methods, subjects, and criteria for establishing a balance of constitutional values.

Results. It is concluded that the balance of constitutional values is established not only by the Constitutional Court of the Russian Federation, but also by other judicial bodies, and, first and foremost, by the legislature, which defines the limits of judicial interpretation of legal norms. A balance consistent with the principles of fairness and proportionality, in a context of solidarity, cannot be reduced to "restrictions" on some constitutional values in favor of others and should promote cooperation among constituent entities.

Research implications. Methods, criteria for establishing a balance of constitutional values were identified, the peculiarities of their implementation in the context of the concept of solidarity were determined..

Keywords: balance of constitutional values, freedom of labor, freedom of economic activity, solidarity, proportionality, justice

For citation:

Sagandykov, M. S. (2026). Balance of Constitutional Values in the Context of the Concept of Solidarity (On the Example of the Freedom of Labor Value). In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 54–64. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-54-64>.

Введение

Баланс конституционных ценностей – основополагающая категория, используемая Конституционным Судом Российской Федерации для «взвешивания»¹ в рамках конкретного правоотношения отдельных прав, свобод, интересов личности, общества и государства, определения допустимой степени ограничения содержания конституционных ценностей и пределов их реализации в отраслевом законодательстве.

Конституционно-правовую категорию «баланс» в науке и практике рассматривают в 2 проекциях:

- соотношение двух, реже нескольких конституционных прав и свобод человека;
- соотношение частных и публичных интересов, где частные интересы – это

конкретное право (свобода) человека, а публичные интересы – права и свободы неопределённого круга лиц либо государственно-правовые ценности, указанные в гл. 1 Конституции².

Вместе с тем остаётся немало вопросов, ответы на которые позволили бы точнее выявить правовую и социальную суть категории «баланс конституционных ценностей». Во-первых, необходимо определиться с методами, которыми достигается указанный баланс, и властными субъектами, наделёнными соответствующими возможностями. Во-вторых, баланс конституционных ценностей должен быть основан на общеизвестных критериях,

¹ Термин используется многими российскими и зарубежными авторами. Это явление называется также «тестом на пропорциональность» [1, с. 57–67; 2, с. 56–63].

² А. А. Кондрашев, в частности, относит к ценностям государственно-правового характера правовую государственность, разделение властей, самостоятельность местного самоуправления, суверенитет, народовластие, республиканскую форму правления, федеративную и демократическую государственность [3, с. 8–9].

обеспечивающих социально-правовую логику процесса «взвешивания» ценностей. В-третьих, баланс конституционных ценностей непосредственно связан с концепцией солидарности, получившей в 2020 г. конституционное закрепление¹.

В 2023 г. КС опубликовал аналитическое исследование, посвящённое конституционно-правовым аспектам обеспечения политической, социальной и экономической солидарности². В нём красной нитью проходит идея о том, что принцип солидарности выражен, прежде всего, в поддержании баланса различных конституционных ценностей, публичных и частных интересов, неразрывно связан с конституционными принципами равенства и справедливости.

Методы определения баланса конституционных ценностей

Первый метод – закрепление содержания конституционных ценностей в текущем законодательстве, как и внесение в него изменений под воздействием практики судебных органов и достижений юридической науки.

Так, право работников на самозащиту при задержке выплаты заработной платы долгое время полноценно не могло быть реализовано, поскольку суды нередко не признавали за работником права на получение заработной платы за период приостановки работы. Однако Верховный Суд РФ в ряде своих решений подтвердил право работника на получение заработка за период приостановки работы³, что нашло отражение в

указанной статье, а именно в ч. 5⁴. Другими словами, был установлен баланс свободы труда, включая запрет принудительного труда, и свободы экономической и предпринимательской деятельности, частной собственности. Изначально соотношение ценностей выглядело так: работник вправе отказаться от работы, но претензия на выплаты за этот период накладывает «непосильные обременения» на собственника. Однако очевидно, что приостановка работы без оплаты данного периода не имеет смысла, т. к. работник в такой ситуации «наказывает» скорее себя, поскольку работодатель может привлечь к выполнению работы других лиц и с финансовой точки зрения издержек не несёт. Свобода труда, выраженная в т. ч. в справедливой оплате за труд, концентрируемая в категорию «достойный труд», не может предполагать хоть какие-либо основания, по которым работник может остаться без дохода по вине работодателя. Именно такое понимание ситуации Верховным Судом и законодателем обеспечивает не просто баланс прав и свобод, а их полноценную суть. Свобода экономической деятельности в своём позитивном режиме есть не только право, но и обязанность по отношению к используемым для реализации этой свободы лицам (работникам), социальная ответственность, что составляет основу конституционно закреплённой в 2020 г. солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ).

Нельзя не согласиться с Н. С. Бондарем и Н. С. Малютиным в том, что парламент в силу разных причин, в т. ч. политического характера, не всегда в состоянии обеспечить баланс конституционных ценностей, который оперативно может быть достигнут практикой судебных органов [4, с. 8].

Второй метод обеспечения баланса конституционных ценностей – их интерпретация Конституционным Судом, которая может протекать в 2 формах и иметь разные последствия.

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 гг.): Информация Конституционного Суда РФ. Одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 // СПС Консультант Плюс.

³ Определение Верховного Суда РФ от 03.09.2010 № 19-В10-10 // СПС Консультант Плюс.

⁴ Федеральный закон от 30.12.2015 № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 142 Трудового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть 1). Ст. 54.

Во-первых, актом КС может быть решена ситуативная проблема, не влияющая на баланс конституционных ценностей, точнее, подтверждающая его неизменность. Примером может служить Определение КС 2007 г.¹ Работодатель должен исполнить свои обязанности в связи с расторжением трудового договора, а работник имеет право отозвать своё заявление об увольнении лишь до начала отпуска. Здесь не наблюдается смещения центра баланса между конституционными ценностями, а подтверждается его правильное положение. Никаких дополнительных возможностей такие решения КС сторонам не дают, но предотвращают возможные конфликты. Разъясняется порядок реализации прав и свобод, а не их содержание.

Во-вторых, актом КС может быть изменён баланс конституционных ценностей. Такие решения не всегда предполагают внесения изменений в законодательство, но так или иначе они фактически формируют содержание конкретных прав и свобод и тем самым воздействуют на их соотношение с другими правами (свободами) и публичными интересами. К этим решениям относятся все постановления КС и некоторые определения «с положительным содержанием», когда КС даёт такие разъяснения действующего законодательства, которые влияют на содержание прав и свобод и меняют баланс конституционных ценностей.

Стоит отметить, что в определениях КС баланс ценностей затрагивается крайне редко, ведь конституционность нормативных положений в них не проверяется²,

даже если для принятия такого решения необходимо выявить конституционно-правовой смысл и целевое назначение той или иной нормы закона³.

В качестве примеров определений КС, в которых баланс конституционных ценностей смещается в пользу свободы труда, можно назвать 2 решения 2009 г., посвящённых соотношению минимального размера оплаты труда и компенсационных выплат. Конституционный Суд, в частности, указал, что при разработке системы оплаты труда работодатель должен вводить обоснованную дифференциацию оплаты труда, в т. ч. в зависимости от условий, в которых осуществляется трудовая деятельность, в т. ч. вредных и опасных условий. Большого эффекта данное определение не оказало, но как минимум привело к тому, что заставило работодателей учитывать неблагоприятные условия труда при установлении заработной платы⁴.

Стоит привести одно из недавних решений 3-го Кассационного суда общей юрисдикции, в котором признаны обоснованными выводы нижестоящих судов о том, что доплаты за работу с вредными и (или) опасными условиями труда не должны включаться в состав минимального размера оплаты труда, который гарантирован каждому работнику, от-

но не соответствующим Конституции по аналогии с таким же правилом, касающимся заведующего кафедрой. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В. П. Малкова и Ю. А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» // СЗ РФ. 2000. № 3. Ст. 354.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 421-О «По запросу Первомайского районного суда г. Пензы о проверке конституционности части первой статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 № 1160-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1557-О-О // СПС Консультант Плюс.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2007 г. № 131-О-О // СПС Консультант Плюс.

² В определениях может подниматься вопрос о конституционности нормы закона, когда она аналогична другой норме, вопрос о соответствии Конституции которой рассматривался в ранее принятом Постановлении. См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 213-О «По жалобе гражданина Щеренко Александра Павловича на нарушение его конституционных прав положениями части четвёртой статьи 332 и пункта 3 статьи 336 Трудового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4285. Здесь правило о предельном возрасте (65 лет) для замещения должности декана факультета вуза призна-

работавшему норму рабочего времени в нормальных условиях труда¹.

Примером смещения баланса в пользу свободы экономической деятельности и частной собственности является толкование КС нормы ст. 134 ТК, устанавливающей правила индексации заработной платы. В одном из решений 2014 г. назначением этой нормы названо не только предоставление работнику соответствующих гарантий, но и недопущение возложения на работодателя «непосильных обременений»². Эти же тезисы в 2019 г. были высказаны КС ещё раз³. Используя данную позицию, Верховный Суд фактически признал правомочным устанавливать в локальных актах условие индексации – достижение экономических показателей⁴. Соответственно, при невыполнении данного условия работодатель вправе индексацию не проводить⁵.

Такая позиция Конституционного и Верховного Судов – один из примеров нарушения баланса конституционных ценностей свободы труда и частной собственности, свободы экономической деятельности в ущерб первой ценности.

Согласитесь, столь же логичной и обоснованной, как и представленная выше, могла бы выглядеть позиция КС, в соответствии с которой частный работодатель осуществляет свою деятельность на свой страх и риск, а значит, несёт экономические риски, в т. ч. и в случае выполнения продиктованной ТК обязанности об индексации заработной платы. Более того, в практике КС имеется решение, в котором были поддержаны права работника при схожих, можно сказать, аналогичных об-

стоятельствах. Речь идёт о Постановлении 2012 г., в котором оспаривалась конституционность ч. 8 ст. 325 Трудового кодекса, которая, как и в случае с индексацией заработной платы, предусматривает особый способ установления компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в зависимости от формы финансирования работодателя.

Точно так же, как и в ст. 134, в ч. 8 ст. 325 ТК у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, размер, условия и порядок компенсации устанавливаются коллективными договорами, локальными нормативными актами, принимаемыми с учётом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами. В Постановлении сначала приводятся те же самые доводы о необходимости учёта особенностей таких работодателей, риска их экономической и предпринимательской деятельности, но вывод сделан совершенно другой, на наш взгляд. Даже реальные экономические возможности работодателя не могут служить основанием для полного отказа от компенсации или её неоправданного занижения. Кроме того, КС допускает установление минимального размера указанной компенсации независимо от вида работодателя⁶, что, впрочем, сделано не было.

Считаем, что установление подобных правил применительно к индексации заработной платы было бы логичным, правильным и обеспечило бы справедливый баланс конституционных ценностей.

Уникальным в некотором смысле является Определение КС 2003 г. В нём фактически делается заключение, свойственное постановлениям: подтверждается кон-

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2025 № 88-9121/2025 (УИД 11RS0002-01-2024-002744-53) // СПС Консультант Плюс.

² Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1707-О // СПС Консультант Плюс.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1269-О // СПС Консультант Плюс.

⁴ Постановление Верховного Суда РФ от 17.05.2017 № 46-АД17-24 // СПС Консультант Плюс.

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.04.2017 № 18-КГ17-10 // СПС Консультант Плюс.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.02.2012 № 2-П «По делу о проверке конституционности положения части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой» // СЗ РФ. 27.02.2012. № 9. Ст. 1152 (Постановление).

ституционность требования положения ст. 374 ТК о необходимости получения согласия вышестоящей профсоюзной организации на увольнение руководителя (его заместителя) выборного органа первичной профсоюзной организации по сокращению численности или штата работников (п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК). Более того, Конституционный Суд по существу пытается установить баланс прав и интересов работников и работодателей в этом вопросе, обязывая работодателя доказать реальную хозяйственную цель сокращения штата, а профсоюз – факт дискриминации работника по причине его профсоюзной деятельности.

Можно ли считать сделанные КС выводы установлением подлинного баланса конституционных ценностей свободы труда и свободы экономической деятельности – вопрос спорный. Сомнения, в частности, высказывали Н. Л. Лютов, Е. С. Герасимова, справедливо обратившие внимание, что доказать факт дискриминации в отношении руководителя профсоюза может быть крайне проблематичным, практически невозможным [5, с. 102]. В то же время работодателю доказывать ничего особенно и не нужно. Достаточно подтвердить факт сокращения штата соответствующими документами¹.

Считаем, что содержание и смысл указанного Определения соответствует требованиям, которые предъявляются к постановлениям КС, поскольку не только была оценена конституционность нормы ст. 374 ТК, но и выявлены условия, при которых данная норма может считаться соответствующей Конституции.

Дискуссионным остаётся вопрос о праве судов общей юрисдикции непосредственно применять нормы Конституции при разрешении дел, т. е. фактически влиять на баланс конститу-

ционных ценностей. Так, Г. А. Гаджиев и Н. Д. Железнова считают, что суд не только вправе, но и обязан оценивать конституционность закона, подлежащего применению в конкретном деле [6, с. 11; 7, с. 107]. Вместе с тем Постановление Пленума ВС РФ № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»² в действующей редакции, фактически, лишает суды общей юрисдикции возможности оценки соответствия той или иной нормы закона Конституции РФ.

В то же время имеются примеры, когда позиция Верховного Суда по тому или иному вопросу является одним из факторов, порой существенных, при формировании Конституционным Судом своей правовой позиции при оценке соответствия соответствующей нормы Конституции. Одним из немногих таких примеров является использование КС выводов о возможности признания срочных трудовых договоров заключёнными на неопределённый срок в случае обоснованной многократности оформления таких договоров³.

Именно неоднократность заключения с работником трудовых договоров на определённый срок в первую очередь свидетельствует об отсутствии оснований для придания трудовым отношениям срочного характера, что и отражено в Постановлении КС 2020 г.⁴ и в многочисленных определениях Конституционного

¹ Выводы подтверждаются многочисленной судебной практикой. См., например: Определение Московского городского суда от 19.05.2017 № 4г-5418/2017; Определение Ивановского областного суда от 19.04.2017 по делу № 33-897/2017 // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

³ Абз. 4 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева» // СЗ РФ. 25.05.2020. № 21. Ст. 3375.

Суда по ситуациям, связанным со ст. 59 ТК¹.

Смещение таким решениями баланса конституционных ценностей в пользу свободы труда считаем очевидным. Для работодателя возможность заключения срочных трудовых договоров – огромное преимущество, т. к. позволяет безболезненно прекращать трудовые договоры с работниками. Сужение пределов такого права – важная гарантия для работников.

Другими словами, практика Верховного Суда также является одним из факторов, обеспечивающих баланс конституционных ценностей. Это третий метод.

Баланс конституционных ценностей – это средство, инструмент, с помощью которого реализуется потенциал конституционной солидарности. Её природа, в свою очередь, по верному определению Б. С. Эбзеева, состоит в том, что конституционное и отраслевое наполнение и реализация всех прав и обязанностей подчиняется требованию сочетания свободы личности и коллективных интересов [8, с. 988].

Баланс нельзя рассматривать лишь как способ смещения центра между ценностями в чью-то пользу. В таком качестве баланс отвечал бы только критерию негативной свободы и был бы направлен исключительно на уменьшение/увеличение пределов этой свободы. Позитивная свобода, также (и в первую очередь) наполняющая сущность солидарности, предполагает ответственность заинтересованных субъектов. При соединении негативной и позитивной свободы умаление свободы в угоду равенству и справедливости не происходит. Баланс конституционных ценностей выполняет важнейшую функцию. Он должен обеспечить суть солидарности, а ею (сутью) является не компромисс, а сотрудничество, достигаемое путём удовлетворения прав и свобод заинтересованных субъектов, включая государство, наиболее оптимальным для всех способом [8, с. 992].

Критерии обеспечения баланса конституционных ценностей

Конституционный Суд, считаем, выработал критерии, следование которым должно обеспечить действенный баланс прав и интересов субъектов правоотношений. Такими критериями выступают соразмерность и справедливость.

Соразмерность в практике КС выражается в обоснованных ограничениях прав граждан, компетенции государственных органов и должностных лиц [9, с. 85], не нарушающих при этом «конституционный запрет чрезмерности» [10, с. 65]. Критерий соразмерности при этом отталкивается от конституционного принципа справедливости, который, по верному замечанию В. Д. Зорькина, выражен не только в формальном равенстве субъектов перед законом и судом, но и в пропорциональном распределении благ и воздаяний за деяния [11, с. 9].

Значение принципа соразмерности в указанном выше значении трудно переоценить. Благодаря ему сужение или увеличение пределов реализации конституционных прав и свобод, чтобы, во-первых, не приводит к их умалению [11, с. 9], а, напротив, гарантирует их эффективную реализацию; максимально увеличивает пределы реализации прав и свобод других лиц, с которыми первое лицо взаимодействует; обеспечивает минимально необходимые условия для реализации публичных, государственно-правовых ценностей. Неприменение или некорректное применение принципа соразмерности приводит к плачевным последствиям. Примеры этому имеются, особенно в правотворчестве, ведь баланс конституционных ценностей обеспечивается законодателем в первую очередь. Конституционный Суд лишь вносит необходимые коррективы.

Ярким примером нарушения конституционного принципа соразмерности могут служить связанные с судимостью или фактом уголовного преследования ограничения права на работу в органи-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2025 № 1224-О // СПС Консультант Плюс.

зациях, оказывающих услуги несовершеннолетним (ч. 2 ст. 331 и ст. 351.1 ТК). Первоначальные ограничения были очень жёсткими¹. Однако в 2013 г., благодаря Постановлению Конституционного Суда², некоторые послабления были сделаны. В сложившейся реальности КС предпринял усилия для максимального обеспечения свободы труда педагогов и других работников, сохранив при этом и оптимальный уровень права и свобод несовершеннолетних. А именно: лица, имевшие судимость за совершение некоторых преступлений небольшой и средней тяжести, уголовное преследование в отношении которых по обвинению в совершении этих преступлений прекращено по реабилитирующим основаниям, могут быть допущены к педагогической деятельности при наличии решения комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав о допуске их к педагогической деятельности.

В то же время считаем, что баланс в соотношении рассматриваемых конституционных ценностей до сих пор не выстроен. Пределы реализации свободы труда указанных категорий работников по-прежнему необоснованно сужены, что является поводом для дальнейших научных исследований.

Примером, когда баланс конституционных ценностей смещается в пользу прав и свобод работников и при этом неоправданно ограничивается свобода экономической деятельности работодателя, является практика судов по делам об увольнении работника за нарушение трудовой дисциплины. Верховный Суд РФ

и Конституционный Суд РФ призывают принимать во внимание в таких ситуациях не только обстоятельства, которые указаны в законе (ч. 5 ст. 192 ТК), но и те, что напрямую с проступком не связаны, например, предшествующее поведение работника, его отношение к труду³.

С началом пандемии COVID-19 суды общей юрисдикции пошли ещё дальше и стали брать во внимание семейное и материальное положение работника, иные обстоятельства, связанные с личностью работника⁴. С. Ю. Головина и Н. Л. Лютов видят в этом тенденцию к «гуманизации судебных решений» в отношении работников для смягчения ситуации на рынке труда [12, с. 64].

По верному замечанию М. А. Жильцова и Ю. В. Жильцовой, подобными решениями судебные органы «настолько изменяют смысл той или иной нормы права, что речь идёт уже о внесении изменений в законодательство, а не в правоприменительную практику» [13, с. 226]. Отвечает ли такая позиция судов критериям солидарности, свободы труда, соразмерности – вопрос спорный⁵.

Заключение

Методология обеспечения баланса конституционных ценностей формируется под влиянием многих факторов, диалектически выраженных в деятельности законодателя, Конституционного и Верховного судов, других судебных органов, находящихся под влиянием доктрины.

¹ Федеральный закон от 23.12.2010 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 7002.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьей части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // СЗ РФ. 2013. № 30 (часть II). Ст. 4189.

³ Пункт 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6; Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 50-О // СПС Консультант Плюс.

⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8.11.2021 г. № 88-24212/2021 // СПС Консультант Плюс.

⁵ Подробнее об использовании судами дополнительных по сравнению с ч. 5 ст. 192 Трудового кодекса обстоятельств при вынесении решений по делам об увольнении работников за нарушение трудовой дисциплины [14, с. 62–66].

Балансировка – это конституционно-правовой инструмент в руках не только Конституционного Суда, но и законодателя. Именно закон придаёт балансу устойчивый характер. В то же время необходимость правотворчества может быть обусловлена разными факторами: практикой ВС, КС и других судебных органов, научными исследованиями, наконец, деятельностью субъектов законодательной инициативы.

Баланс ценностей может быть изменён и без корректировки законодательства. Анализ судебной практики показывает, что соответствующие возможности имеются не только у КС, но и у ВС, который в ряде решений интерпретирует законодательство таким образом, что по существу меняет правовое регулирование.

Принимая во внимание правовые позиции, высказанные судебными органами, напрашивается вывод, что основой для применения принципа соразмерности должен быть закон. Законодатель не должен создавать простор для чрезмерной интерпретации судебными органами, в т. ч. Конституционным Судом, норм права.

В частности, по ситуации с увольнением работников за нарушение трудовой дисциплины считаем, что не имеющие отношение к работе и не указанные в законе обстоятельства не должны служить критериями для признания правомерным

решения работодателя о применении к работнику дисциплинарного взыскания, в т. ч. в форме увольнения. В Трудовом кодексе содержатся конкретные гарантии для беременных женщин, лиц с семейными обязанностями, несовершеннолетних, в т. ч. связанные с их увольнением (ст. ст. 261 и 269 ТК). Вряд ли правоприменитель вправе расширять круг лиц, обладающих фактически таким же гарантиями?

Принцип соразмерности в условиях солидарности – среды для формирования и реализации конституционных ценностей – приобретает дополнительное значение. Баланс конституционных ценностей в таких условиях – это не «уравновешивание» ценностей. Соразмерность способствует созданию таких пределов реализации конституционных ценностей, при которых они остаются эффективным источником сотрудничества между заинтересованными субъектами.

Баланс всегда ассоциируется с «ограничениями» реализации одних конституционных ценностей в угоду другим. Предлагаем другой подход. В контексте конституционного принципа солидарности пределы реализации конституционных ценностей посредством балансировки могут увеличиваться. Соответственно, граница взаимодействия двух и более ценностей может становиться больше, что способствует сотрудничеству субъектов, а не их противопоставлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова Н. В. Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. 2022. № 6. С. 57–67. DOI: 10.31857/S102694520020489-8
2. Teófilo B. G. The Theory of Weighting in Robert Alexy, an Approach to Equity in the Electoral Contest in Mexico // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. 2022. № 1. P. 56–63. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-56-6
3. Кондрашев А. А. Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 6–13.
4. Бондарь Н. С., Малютин Н. С. Поиск баланса конституционных ценностей в системе правосудия: теория и практика // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 9. С. 7–16. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-9-7-16
5. Лютов Н. Л., Герасимова Е. С. Дискриминация в сфере труда: вопросы эффективности норм и правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 100–108.
6. Гаджиев Г. А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000–2002 годов) // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 9–17.

7. Железнова Н. Д. Прямое действие Конституции Российской Федерации в правоприменительной практике судов общей юрисдикции // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2000. № 1. С. 101–107.
8. Эбзеев Б. С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма ответственного конституционализма // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6. С. 986–999.
9. Подмарев А. А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 83–91. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91
10. Должиков А. В. Принцип соразмерности и основы конституционного строя // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 56–69. DOI: 10.17223/22253513/36/6
11. Зорькин В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 7–20.
12. Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права? // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 52–67. DOI: 10.12737/jrl.2022.105
13. Жильцов М. А., Жильцова Ю. В. Выявление судебной практикой проблем правоприменения // Российский ежегодник трудового права. 2007. № 2. С. 215–226.
14. Сагандыков М. С. Реализация конституционных принципов справедливости и соразмерности при увольнении работника за появление на работе в состоянии опьянения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 3. С. 60–67. DOI: 10.14529/law230310

REFERENCES

1. Varlamova, N. V. (2022). Value Discourse in Modern Constitutional Law. In: *State and Law*, 6, 57–67. DOI: 10.31857/S102694520020489-8 (in Russ.).
2. Teófilo, B. G. (2022). The Theory of Weighting in Robert Alexy, an Approach to Equity in the Electoral Contest in Mexico. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 1, 56–63. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-56-6 (in Russ.).
3. Kondrashev, A. A. (2017). Constitutional Values in the Modern Russian State: On Conflicts and Devaluations. In: *Constitutional And Municipal Law*, 1, 6–13 (in Russ.).
4. Bondar, N. S. & Malyutin, N. S. (2025). Finding a Balance of Constitutional Values in the Justice System: Theory and Practice. In: *Constitutional and Municipal Law*, 9, 7–16. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-9-7-16 (in Russ.).
5. Lyutov, N. L. & Gerasimova, E. S. (2016). Discrimination in the Field of Labor: Issues of Effectiveness of Norms and Law Enforcement Practice. In: *Actual Problems of Russian Law*, 3, 100–108 (in Russ.).
6. Hajiyev, G. A. (2003). The Constitutional Principle of Independence of the Judiciary in the Russian Federation (Based on Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2000–2002). In: *Journal of Russian Law*, 1, 9–17 (in Russ.).
7. Zheleznova, N. D. (2000). Direct Effect of the Constitution of the Russian Federation in the Law Enforcement Practice of Courts of General Jurisdiction. In: *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Law*, 1, 101–107 (in Russ.).
8. Ebzееv, B. S. (2013). State and Personality in Russia: Social Solidarity as a Paradigm of Domestic Constitutionalism. In: *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 6, 986–999 (in Russ.).
9. Podmarev, A. A. (2021). Proportionality as a Constitutional Principle of Restriction of Rights and Freedoms. In: *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 21 (1), 83–91. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91 (in Russ.).
10. Dolzhikov, A. V. (2020). The Principle of Proportionality and the Basis of the Constitutional Order. In: *Bulletin of Tomsk State University. Law*, 36, 56–69. DOI: 10.17223/22253513/36/6 (in Russ.).
11. Zorkin, V. D. (2008). Axiological Aspects of the Constitution of Russia. In: *Comparative Constitutional Review*, 4, 7–20 (in Russ.).
12. Golovina, S. Yu. & Lyutov, N. L. (2022). Is Supreme Court of The Russian Federation a Legislator in the Field of Labor Law? In: *Journal of Russian Law*, 10, 52–67. DOI: 10.12737/jrl.2022.105 (in Russ.).
13. Zhiltsov, M. A. & Zhiltsova, Yu. V. (2007). Identification of Law Enforcement Problems by Judicial Practice. In: *Russian Yearbook of Labor Law*, 2, 215–226 (in Russ.).

14. Sagandykov, M. S. (2023). Implementation of the Constitutional Principles Of Justice And Proportionality When Dismissing an Employee for Appearing at Work While Intoxicated. In: *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 23 (3), 60–67. DOI: 10.14529/Law230310 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сагандыков Михаил Сергеевич (г. Челябинск) – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета);

ORCID: 0000-0002-5510-817X; e-mail: sagandykovms@susu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Sagandykov (Chelyabinsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Theory of the State and Law and Labor Law, South Ural State University (National Research University);

ORCID: 0000-0002-5510-817X; e-mail: sagandykovms@susu.ru

Научная статья

УДК 34.09

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-65-75

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сапронов Д. Ю.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: braingeek@mail.ru

Поступила в редакцию 13.04.2026

После доработки 26.04.2026

Принята к публикации 04.05.2026

Аннотация

Цель. Выявить тенденции и особенности, которые стали причиной серьёзной трансформации общественных отношений и появления новых вызовов в области информационной безопасности, и определить, какое воздействие это оказывает на сферу национальной безопасности и информационной безопасности государства.

Процедуры и методы. Используются методы анализа и синтеза, системного анализа и др. В работе рассмотрен вопрос влияния цифровой обработки персональных данных на безопасность личности и государства, что особенно актуально в связи с обострением геополитической обстановки и ростом числа атак на информационную инфраструктуру нашей страны, в том числе и на информационные системы, которые обрабатывают персональные данные. Кроме этого, жертвы мошеннических действий под принуждением злоумышленников могут совершать различные противоправные действия, которые направлены в т. ч. и на государственные органы. Это требует совершенствования подходов государства к защите персональных данных физических лиц.

Результаты. Доказан вывод о том, что цифровизация обработки данных о физических лицах в значительной степени повлияла на общественные отношения и стала затрагивать не только права личности, но и национальную безопасность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Актуализирована проблематика, связанная с необходимостью защиты интересов и безопасности государства в области охраны персональных данных, которая выходит на первый план по причине того, что постоянные утечки информации о физических лицах не только создают напряжение в обществе, отрицательно сказываясь на защищённости прав человека, но и оказывают отрицательное влияние на национальную безопасность. Обоснована необходимость актуализации документов стратегического планирования в области национальной и информационной безопасности с учётом появления новых угроз и вызовов.

Ключевые слова: персональные данные, защита личной жизни, защита персональных данных, информационное право, информационная безопасность, национальная безопасность, безопасность государства, совершенствование законодательства, цифровые сервисы, цифровой след, цифровое право, права человека

Для цитирования:

Сапронов Д. Ю. Правовая защита персональных данных и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: информационно-правовой аспект // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 65–75. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-65-75>.

Original research article

LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA AND ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: INFORMATION AND LEGAL ASPECT

D. Sapronov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: braingeek@mail.ru

Received by the editorial office 13.04.2026

Revised by the author 26.04.2026

Accepted for publication 04.05.2026

Abstract

Aim. To identify the trends and features that have caused a serious transformation of public relations and the emergence of new challenges in the field of information security, and what impact these changes have on the field of facial security.

Methodology. Various methods were used in the article. such as analysis and synthesis, system analysis and others. The paper considers the impact of digital processing of personal data on the security of individuals and the state, which is especially important due to the aggravation of the geopolitical situation and the increasing number of attacks on the information infrastructure of our country, including information systems that process personal data. In addition, victims of fraudulent actions under the coercion of intruders can commit various illegal actions, including those directed at government agencies. All this, in turn, requires improvement of the state's approaches to the protection of personal data of individuals.

Results. The conclusion is proved that the digitalization of data processing about individuals has significantly affected public relations and has begun to affect not only individual rights, but also national security.

Research implications lies in the fact that the problems related to the need to protect the interests and security of the state in the field of personal data protection have been actualized, which comes to the fore due to the fact that constant leaks of information about individuals not only create tension in society and negatively affect the business climate, but also affect the level of protection of human rights and national security. The necessity of tightening the legislation that regulates relations in the field of personal data protection is justified.

Keywords: personal data, protection of personal life, protection of personal data, information law, information security, national security, state security, improvement of legislation, digital services, digital footprint, digital law, human rights

For citation:

Sapronov, D. Yu. (2026). Legal Protection of Personal Data and Ensuring National Security of the Russian Federation: Information and Legal Aspect. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 66–76. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-66-76>.

Введение

Анализ генезиса понятия «национальная безопасность» в юридической науке требует первоочередного обращения к концепции общественного договора Т. Гоббса, сформировавшейся в эпоху Нового времени. Одной из ключевых причин заключения общественного договора выступает

необходимость обеспечения безопасности государства: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путём взаимного договора между собой и огромным множеством людей с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтёт необходимым для мира и общей защиты»

[1, с. 260]. Сама суть концепции Гоббса заключается в обеспечении безопасности индивидуумов, осуществивших заключение общественного договора.

В дальнейшем с развитием права идеи концепции общественного договора стали тем фундаментом, на котором базируется конституционализм. Становление государства и принятия Конституции – писанного акта, который принимается всеобщим голосованием и является воплощением идеи Т. Гоббса об общественном договоре. Конституция закрепляет среди приоритетов и безопасность личности, общества и государства¹. Именно они стали ключевыми для большинства Конституций развитых стран. Государство силой своего принуждения обеспечивает состояние защищённости интересов личности, государства и общества, а также баланс между ними.

Исторически понятие «национальная безопасность» берёт своё начало в 1904 г. с его фиксации в послании президента США Т. Рузвельта Конгрессу. В дальнейшем произошла институционализация термина, в рамках которой его содержание оформилось как системное обеспечение безопасности 3 взаимосвязанных уровней: граждан, общества и государства: «"традиционная концепция национальной безопасности фокусируется на выживании государства": аспекты физической безопасности государства от внешних угроз (преимущественно военного реагирования), включают национальную оборону, национальную целостность и национальный суверенитет» [2, с. 15].

Правовое обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации

В российской правовой системе понятие «национальная безопасность» получило нормативное закрепление в середине 1990-х гг. – спустя чуть более четверти

века после распада советской системы. Его появление ознаменовало смену концептуальной парадигмы: на смену доминировавшему в советской правовой науке и законодательстве термину «государственная безопасность» пришла более комплексная категория, отражающая новые политико-правовые реалии. Впервые это понятие было закреплено в Федеральном законе № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»², в дальнейшем понятию «национальная безопасность» было дано следующее определение: «это состояние защищённости национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства»³.

С течением времени отечественная теория национальной безопасности развивалась и совершенствовалась, с момента появления в правовом поле этого понятия были приняты следующие нормативные акты: Закон РФ № 2446-1⁴, позднее на смену которому был принят Федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности»⁵. Кроме этого, принимались различные стратегические документы: первым таким актом стала «Концепция национальной безопасности Российской Федерации»⁶, принятая в 1997 г., затем её заменила «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020»⁷, которой позднее пришла на смену «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁷.

¹ Ст. 79.1 Конституция Российской Федерации (1993). Новая редакция: с комментариями Конституционного суда РФ. М.: Проспект, 2022. 116 с.

² Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Российская газета. 1995. № 39.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О национальной безопасности» от 13 июля 1996 г. // Российская газета. 1996. № 17.

⁴ Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

⁵ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Парламентская газета. 2011. № 1-2.

⁶ Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российские вести. 1997. № 239.

⁷ Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года" // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

Федерации»¹ принятая в 2015 г., к 2021 г. ситуация в мире и вокруг нашей страны вновь потребовала коренных изменений в доктринальных источниках, связанных с национальной безопасностью, что потребовало принятия новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»².

Постоянное совершенствование стратегических документов в области национальной безопасности обусловлено динамикой внешних и внутренних вызовов, изменением сущности и масштабов угроз.

Своевременная реакция государственных органов и нормативно-правовое закрепление новых приоритетов становятся необходимыми условиями эффективного противодействия рискам. Эволюция доктринальных источников в этой сфере свидетельствует о формировании целостной системы взглядов государства на ключевые аспекты обеспечения национальной безопасности: понятийный аппарат, типологию угроз, стратегические приоритеты и механизмы защиты национальных интересов.

Взаимосвязь информационной сферы и национальной безопасности

Обеспечение национальной безопасности в существенной степени зависит от эффективной защиты государственных интересов в информационной сфере, что обусловлено возрастающей ролью информации и цифровых технологий в современном мире. Отечественные специалисты по информационной безопасности отмечают, что «Информация – это та субстанция, которая сопровождает нас всю жизнь. Информация позволяет человеку познавать мир и ощущать себя его частью, общаться с другими людьми, воспитывать детей, решать бытовые проблемы, заниматься хозяйствен-

ной деятельностью, творческим трудом... Информационная сфера в настоящее время стала системообразующим фактором жизни общества, и чем активнее эта сфера общественных отношений развивается, тем больше политическая, экономическая, оборонная и другие составляющие национальной безопасности любого государства будут зависеть от информационной безопасности, и в ходе развития технического прогресса эта зависимость будет всё более возрастать» [3, с. 5].

Отечественная «Доктрина информационной безопасности» впервые была принята в декабре 2000 г.³, этот документ закреплял правовое определение понятия «информационная безопасность»: «Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищённости её национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»⁴. Среди национальных интересов Российской Федерации Доктрина особо подчёркивала необходимость соблюдения конституционных прав и свобод граждан в области доступа к информации как значимого элемента государственной политики в информационной сфере.

Дополнительно следует отметить, что угроза соблюдению конституционных прав и свобод человека и гражданина нормативно выделена в качестве первоочередной и занимает лидирующую позицию в перечне угроз. В результате в российском правовом поле впервые на доктринальном уровне оформилась концептуальная взаимосвязь между обеспечением информационной безопасности государства и защитой конституционных прав личности, что акцентировало значимость их охраны в информационной сфере. Кроме этого, в документе говорилось: «закреплённые в Конституции Российской Федерации права граждан на неприкосновенность част-

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 1 (ч. II). Ст. 212.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. № 187.

⁴ Там же. Ст. 8.

ной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки практически не имеют достаточного правового, организационного и технического обеспечения»¹. В связи с этим возникла необходимость совершенствования правовых механизмов защиты конституционных прав, в т. ч. механизмов правовой защиты персональных данных. Позднее был принят федеральный закон, регулирующий данную сферу.

Доктрина заложила стратегическую основу для интеграции сферы информационной безопасности в систему национальной безопасности государства. Впервые на официальном уровне эти направления были юридически связаны в рамках единой непротиворечивой иерархической структуры, что позволило выстроить последовательную политику обеспечения безопасности с учётом современных вызовов и угроз: «Информационная безопасность Российской Федерации является одной из составляющих национальной безопасности Российской Федерации и оказывает влияние на защищённость национальных интересов Российской Федерации в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. Угрозы информационной безопасности Российской Федерации и методы её обеспечения являются общими для этих сфер»².

В документе был отмечен факт недостаточной защищённости персональных данных граждан: «неудовлетворительно организована защита собираемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления данных о физических лицах (персональных данных)»³. Таким образом, документ не только оговаривал актуальные на тот момент угрозы и вызовы для информационной безопасности, но и предугадал будущие изменения, обусловленные стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий.

Эволюция угроз в сфере информационной безопасности в течение 16-летнего периода привела к тому, что к 2016 г. возникла объективная потребность в обновлении концептуальных подходов государства к данной проблематике. В целях отражения новых вызовов и рисков была утверждена новая «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»⁴, которая и действует по настоящее время. Документ выстраивает целостную систему правовых дефиниций в сфере информационной безопасности, закрепляя толкование взаимосвязанных понятий. К ним относятся: «национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере», «угроза информационной безопасности Российской Федерации», «обеспечение информационной безопасности», «система обеспечения информационной безопасности». Также нормативно фиксируется содержание собственно базового понятия, обеспечивающего единство терминологического аппарата: «информационная безопасность Российской Федерации (далее – информационная безопасность) – состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»⁵, в рамках доктринального подхода были институционализированы и нормативно закреплены основополагающие правовые понятия, составляющие понятийный аппарат сферы информационной безопасности. И на понятийном уровне закреплён приоритет защиты конституционных прав граждан

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. № 187. Ст. 4.

² Там же. Ст. 6.

³ Там же. Ст. 4.

⁴ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁵ Там же. Ст. 2.

как составного элемента информационной безопасности государства.

Кроме этого, рассматриваемый документ закрепляет глобальность и неотъемлемость информационных технологий как части всех сфер деятельности, относящихся к личности обществу и государству.

В перечне национальных интересов РФ в информационной сфере приоритетное место отведено защите конституционных прав и свобод граждан в части доступа к информации и её использования, обеспечению неприкосновенности частной жизни в условиях развития и становления информационного общества, а также информационной поддержке демократических институтов¹. Данный факт ещё раз демонстрирует значимость защиты прав и свобод личности в информационной сфере как неотъемлемого элемента национальной безопасности. Одновременно подчёркивается необходимость обеспечения устойчивой работы и развития информационной инфраструктуры, стимулирования отечественной отрасли информационных технологий, а также участия в построении системы международной информационной безопасности.

Среди угроз информационной безопасности в документе выделен ряд ключевых факторов: применение новых технологий в государственном управлении, которое, хотя и способствует развитию соответствующих институтов, одновременно порождает новые риски и вызовы; наращивание зарубежными странами возможностей по информационному воздействию на информационно-техническую инфраструктуру оппонентов и их стремление использовать достижения в области развития информационно-коммуникационных технологий для доминирования в информационном пространстве; использование современных информационных технологий террористическими и преступными организациями; увеличение числа скоордини-

рованных атак на объекты критической инфраструктуры нашей страны. Кроме того, в документе акцентируется внимание на низкой конкурентоспособности отечественных информационных технологий и электроники, а также на зависимости от зарубежной вычислительной техники и информационных технологий.

В качестве ещё одного элемента пространства угроз Доктрина определяет низкую осведомлённость граждан в вопросах, связанных с информационной безопасностью.

Рассматриваемый стратегический документ фиксирует угрозы конституционным правам граждан и подчёркивает опасность использования информационных технологий для несанкционированного доступа к персональным данным физических лиц.

Последующие годы продемонстрировали резкий рост числа преступлений в данной области, причём многие из них связаны с хищением финансовых средств у граждан с применением их персональных данных. Подобная угроза информационной безопасности приобрела значительные масштабы и представляет опасность не только для личной безопасности граждан, но и для национальной безопасности в целом. Более того, незаконно полученные финансовые ресурсы нередко используются для финансирования экстремистской и террористической деятельности, что усугубляет негативные последствия таких преступлений: «Возрастают масштабы компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в т. ч. в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий. При этом методы, способы и средства совершения таких преступлений становятся всё изощрённее»². В доктрине

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 8.

² Ст.17, Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074

была успешно спрогнозирована тенденция к усложнению и повышению убедительности преступлений, совершаемых с применением информационных технологий. В первую очередь, это относится к мошеническим схемам, нацеленным на изъятие финансовых средств у граждан.

Таким образом, с течением времени взгляды государства на вызовы и угрозы в информационной сфере, стали видоизменяться и расширяться. В частности, действующая Доктрина информационной безопасности систематизирует и конкретизирует перечень угроз конституционным правам и свободам граждан, при этом акцентируя внимание на важности обеспечения надёжной защиты персональных данных как одного из ключевых элементов информационной безопасности. Помимо прочего, в структуре обеспечения информационной безопасности особое место занимает защита интересов личности – этот аспект выделен как одно из основополагающих направлений, которое определяет «обеспечение защищённости граждан от информационных угроз, в т. ч. за счёт формирования культуры личной информационной безопасности»¹, сложившаяся ситуация ставит перед государством комплексную задачу по созданию эффективной системы информирования населения.

Такая система призвана решать 2 взаимосвязанные задачи:

- доносить до граждан актуальные способы защиты их персональных данных;
- формировать у населения навыки безопасного поведения и цифровой грамотности в условиях динамичного становления информационного общества.

Важным аспектом является то, что Доктрина определяет данное направление как стратегически значимое – в числе основных приоритетов обеспечения информационной безопасности «повышение эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием

информационных технологий, и противодействия таким правонарушениям»², такой подход устанавливает принцип выстраивания системы информационной безопасности, которая была бы ориентирована на предотвращение инцидентов, связанных с возникновением различных инцидентов безопасности. Благодаря этому становится возможным выстроить систему правовой защиты персональных данных, формирующую у операторов стимулы к целенаправленным инвестициям в обеспечение безопасности информации и профилактику утечек. Ст. 30 Доктрины закрепляет принцип иерархичности в вопросе соотношения понятий «система информационной безопасности» и «система национальной безопасности»: «Система обеспечения информационной безопасности является частью системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»³, данный факт ещё раз демонстрирует причинно-следственную связь: эффективная защита национальных интересов в информационной сфере выступает неотъемлемым элементом обеспечения национальной безопасности государства.

Защита персональных данных как один из элементов информационной безопасности государства

С системной точки зрения технологический прогресс выступает одновременно и драйвером экономического развития, и фактором трансформации рисков в информационной сфере. Автоматизация процессов и внедрение механизмов удалённого совершения юридически значимых действий, стимулируя рост экономики и оптимизируя народное хозяйство, одновременно расширяют поверхность атак для киберпреступников. Следствием этого становится повышенный интерес злоумышленников к получению доступа к персональным данным физических лиц как ключевому ресурсу для реализации противоправных схем.

¹ Ст.17, Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 25.

² Там же. Ст. 7074

³ Там же. Ст. 30.

Как зафиксировано в рассмотренных стратегических документах, информационно-коммуникационные технологии прочно интегрировались в различные сферы общественной жизни. Данный процесс выступил ключевым фактором становления информационного общества и развития цифровой экономики, одновременно спровоцировав трансформацию общественных отношений, в т. ч. в информационной сфере, где изменились модели взаимодействия субъектов, механизмы обмена данными и способы доступа к информации.

Развитие правового регулирования в этой сфере в нашей стране было непростым: оно началось с разрозненных правовых норм, которые не были связаны общей концепцией или структурой, и постепенно шло к формированию целостной системы, «до принятия базового Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и разработки концепции Информационного кодекса и Цифрового кодекса, а так же принятия "Доктрины информационной безопасности Российской Федерации"» [4, с. 59]. С системной точки зрения внедрение автоматизированных информационных систем в процессы обработки персональных данных инициировало трансформацию соответствующих общественных отношений. Переход от ручных методов к цифровым технологиям изменил масштаб и характер рисков: регулирование оборота данных перестало быть узкоотраслевой задачей и стало элементом системы национальной безопасности. В Доктрине данный аспект закреплён как один из приоритетов, подчёркивая взаимосвязь между защитой персональных данных и обеспечением суверенитета государства. В. А. Вайпан в своих работах подчёркивает важность регламентации защиты персональных данных: «Для права особое значение имеют регулирование сбора и оборота больших данных, формирование и обработка обезличенных данных, защита персональных данных и т. п.» [5, с. 12].

Автоматизация процессов обработки персональных данных обусловила существенные изменения в характере общественных отношений, складывающихся в этой сфере [6, с. 29]. Развитие технологий привело к тому, что удалённый и практически мгновенный доступ к данным о физических лицах стал ключевой особенностью их оборота. С одной стороны, это открыло новые возможности: множество услуг и сервисов теперь доступны из любой точки мира. С другой – упростило злоумышленникам доступ к персональным данным, из-за чего количество случаев их несанкционированного получения заметно возросло.

Т. А. Полякова отмечает следующее: «Сегодня процесс формирования цифровой среды создаёт запрос на развитие системы организационных и правовых механизмов взаимодействия субъектов информационного и цифрового обмена, оборота цифровых данных в различных сферах нашей жизни» [7, с. 32]. В условиях активной цифровизации общественных отношений перед профессиональным юридическим сообществом встаёт принципиально важная задача – обеспечить адаптацию действующего законодательства к современным вызовам, связанным с развитием информационных технологий и изменением форматов взаимодействия субъектов права.

Повсеместная цифровизация актуализировала необходимость пересмотра существующих подходов к обеспечению информационной безопасности. Ключевым фактором, обуславливающим эту потребность, выступает устойчивый рост количества инцидентов, связанных с утечками персональных данных, что свидетельствует о недостаточности традиционных методов защиты в современных условиях¹. Центральный банк отмечает тревожную динамику утечек персональных данных

¹ В Сбербанке крупнейшая утечка в истории российского банковского сектора // CNEWS: [сайт]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-10-03_sberbank_dopustil_krupnejshuyu (дата обращения: 15.10.2024).

в России. В I полугодии 2023 г. количество таких инцидентов достигло 76 — это в 4 раза больше, чем за первые 6 месяцев 2022 г. (19 утечек)¹.

Трансформация геополитической обстановки инициировала рост числа кибератак на государственные организации. Ключевой целью злоумышленников выступает получение доступа к персональным данным, что обусловлено их высокой ценностью в современных условиях², включая передачу сведений разведывательным организациям стран, отношения с которыми характеризуются как недружественные.

Процесс цифровизации хранения и обработки персональных данных, наряду с позитивными трансформациями во всех сферах общественной жизни, обусловил появление новых вызовов и угроз для национальной безопасности государства. Данный тезис находит отражение в научных работах российских исследователей, в частности А. В. Морозова: «В центре внимания всех мероприятий по обеспечению ИБ, прежде всего, должна находиться информационная среда системы органов государственной власти. Это объясняется тем, что их деятельность по управлению государством и обществом обеспечивает создание реальных гарантий свобод и прав человека, защиту интересов граждан страны и их социально значимых ассоциаций» [8, с. 25]. Персональные данные физических лиц, попавшие в руки злоумышленников, могут быть использованы для совершения противоправных действий.

Согласно официальным данным, в 2022 г. объём финансовых хищений у клиентов банков составил 14,1 млрд руб., что является максимальным показателем начиная с 2019 г. При этом годовой прирост объёма хищений составил 4,29%, что коррелирует с активным развитием дистанци-

онных платёжных сервисов и увеличением объёма операций с использованием электронных средств платежа³.

Использование злоумышленниками украденных персональных данных для совершения противоправных действий имеет многоуровневые последствия. Во-первых, это непосредственно угрожает безопасности физических лиц. Во-вторых, провоцирует социальную напряжённость в обществе, что негативно отражается на имидже государства и уровне защищённости его интересов в информационной сфере. В конечном счёте это подрывает национальную безопасность. Кроме того, финансовые средства, полученные в результате мошенничества, могут быть направлены на финансирование террористических и экстремистских группировок, а также использоваться иностранными спецслужбами в их деятельности. В последнее время участились случаи принуждения мошенниками своих жертв к совершению противоправных действий⁴, в т. ч. и против государственных органов⁵.

Доступ злоумышленников к персональным данным угрожает безопасности государства: они не только наносят финансовый ущерб гражданам, но и с помощью социальной инженерии принуждают жертв к противоправным действиям, вредящим национальной безопасности. Например, участились атаки на логистическую и железнодорожную инфраструктуру⁶.

³ Россияне сдали мошенникам рекордные ₽14 млрд // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/02/15/63eb5da89a794701b759621f> (дата обращения: 25.10.2024).

⁴ Мошенники убедили жительницу Казани перевести им 750 тыс. рублей и устроить пожар в отеле // Московский Комсомолец: [сайт]. URL: <https://kazan.mk.ru/incident/2023/11/02/moshenniki-ubedili-zhitelnicu-kazani-perevesti-im-750-tys-rublej-i-ustroit-pozhar-v-otele.html> (дата обращения: 27.10.2024).

⁵ На Урале зафиксировали случаи принуждения жертв мошенников к поджогам военкоматов // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/17567183> (дата обращения: 27.10.2024).

⁶ По статье «Диверсия» // Гудок: [сайт]. URL: <https://gudok.ru/zdr/173/?ID=1637772> (дата обращения: 27.10.2024).

¹ Роскомнадзор сообщил о росте утечек данных в четыре раза в I полугодии // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18333157> (дата обращения: 15.10.2024).

² Хакеры взломали сайт МосгортБТИ // Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/494123-hakery-vzломali-sajt-mosgorbti> (дата обращения: 25.10.2024).

Заключение

Проведённый анализ свидетельствует о многокомпонентном характере ущерба, наносимого утечками персональных данных. Подобные инциденты не ограничиваются нарушением безопасности отдельных лиц, но также создают риски для национальной безопасности государства. Это демонстрирует неразрывную связь между уровнем защищённости личной информации граждан и устойчивостью информационной инфраструктуры страны. В связи с этим возникает объективная необходимость разработки обновлённых подходов к регулированию оборота персональных данных, в т. ч. закрепления приоритета их защиты в рамках доктринальных документов.

На рассматриваемом уровне регулирования представляется необходимым институционально зафиксировать стратегическую роль персональных данных в системе национальной безопасности, а также подчеркнуть критическую важность их надёжной защиты как элемента обеспечения государственных интересов. «Информация о юридических и физических лицах, в т. ч. персональные данные, в современных условиях являются стратегически важным ресурсом, безопасность которого имеет критическое значение для национальной безопасности», данное положение могло бы быть зафиксировано в разделе «Информационная безопасность» «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», это позволило бы на доктринальном уровне подчеркнуть связь защищённости персональных данных и национальной безопасности, это акцентирует внимание на стратегической важности вопроса защиты персональных данных для безопасности государства.

Кроме этого, в «Доктрину национальной безопасности Российской Федерации»,

также следует внести ряд дополнений, связанных с защитой персональных данных. Например, в ст. 8, посвящённую национальным интересам в информационной сфере, следующее дополнение: «Обеспечение всесторонней защиты персональных данных физических лиц, особенно при обработке которых используются автоматизированные информационные технологии, кроме этого особое внимание должно быть уделено защите информационных систем в которых производится обработка персональных данных». В п. «ж» ст. 23 Доктрины следует после слов «иной информации ограниченного доступа и распространения» добавить фразу «...а также персональных данных», таким образом пункт целиком приобретёт следующий вид «обеспечение защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, иной информации ограниченного доступа и распространения, а также персональных данных, в т. ч. за счёт повышения защищённости соответствующих информационных технологий».

В ст. 25 целесообразно также акцентировать внимание на необходимости снижения числа мошенничеств в информационной сфере. Данные дополнения позволяют на доктринальном уровне закрепить необходимость повышенного внимания к защите персональных данных, что будет способствовать повышению безопасности оборота и хранения персональных данных на системном уровне.

Обеспечение защиты персональных данных представляет собой комплексную многокомпонентную задачу, решение которой имеет принципиальное значение для двух взаимосвязанных уровней безопасности: индивидуальной защиты прав и свобод граждан, а также обеспечения национальной безопасности государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1991. 503 с.
2. Khan E. M. Comprehensive national security: contemporary discourse // Margalla Papers. 2022. Iss. I. P. 1–17. DOI: 10.54690/margallapapers.26.i.94
3. Шерстюк В. П., Информационная безопасность в системе обеспечения национальной безопас-

- ности России, федеральные и региональные аспекты обеспечения информационной безопасности // Информационное общество. 1999. № 5. С. 3–5
4. Минбалеев А. В., Защита прав субъектов генетической информации в правовом государстве в условиях развития информационного общества // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 57–68. DOI: 10.33184/pravgos-2020.2.6
 5. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5–27.
 6. Тедеев А. А. К вопросу о трансформации системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. трудов / под ред. Т. А. Поляковой, В. Б. Наумова, А. В. Минбалеева. М.: ИГП РАН, 2018. С. 25–39.
 7. Полякова Т. А., Бойченко И. С., Особенности взаимодействия и правового обеспечения информационной безопасности в единой биометрической системе в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 26–34. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-3-26-34
 8. Малюк А. А., Морозов А. В. Формирование цифровой экономики и проблемы совершенствования нормативно-правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности // Безопасность информационных технологий. 2019. Т. 26. № 4. С. 21–36. DOI: 10.26583/bit.2019.4.02

REFERENCES

1. Hobbes, T. (1991). *Leviathan, or Matter, the Form and Power of the State of Church and Civil*. Moscow: Sotsekgiz publ. (in Russ.).
2. Khan, E. M. (2022). Comprehensive National Security: Contemporary Discourse. In: *Margalla Papers*, 1, 1–17. DOI: 10.54690/Margallapapers.26.1.94
3. Sherstyuk, V. P. (1999). Information Security in the National Security System of Russia, Federal and Regional Aspects of Information Security. In: *Information Society*, 5, 3–5 (in Russ.).
4. Minbaleev, A. V. (2020). Protection of the Rights of Subjects of Genetic Information in a Legal State in the Context of the Development of an Information Society. In: *Legal State: Theory And Practice*, 2, 57–68. Dor: 10.33184/Pravgos-2020.2.6 (in Russ.).
5. Vaipan, V. A. (2024). Digital Law: Origins, Concept and Place in the Legal System. In: *Law and Economics*, 1, 5–27 (in Russ.).
6. Tedeev, A. A. (2018). On the Transformation of the Legal System in the Context of the Development of Information and Communication Technologies: Posing a Problem. In: Polyakova, T. A., Naumova, V. B. & Minbaleeva, A. V., Eds. *Information Space: Ensuring Information Security And Law*. Moscow: Igp Ras, 25–39 (in Russ.).
7. Polyakova, T. A. & Boychenko, I. S. (2023). Features of Interaction and Legal Support of Information Security in a Single Biometric System in the Russian Federation. In: *Legal Policy and Legal Life*, 3, 26–34. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-3-26-34 (in Russ.).
8. Malyuk, A. A. & Morozov, A. V. (2019). The Formation of a Digital Economy and the Problems of Improving Regulatory Regulation in the Field of Information Security. In: *Information Technology Security*, 26 (4), 21–36. DOI: 10.26583/Bit.2019.4.02 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапронов Дмитрий Юрьевич (г. Москва) – научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем (ЦСИ ИМИСС) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ведущий инженер отдела МТО Высшей школы государственного аудита МГУ,
ORCID:0000-0002-4465-1978; e-mail: braingeek@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry Yu. Saproinov (Moscow) – Scientific Researcher, Center for Strategic Studies, Institute for Mathematical Research of Complex Systems; Senior Engineer, Tech Department, Higher School of State Audit, Lomonosov Moscow State University;
ORCID:0000-0002-4465-1978; e-mail: braingeek@mail.ru

Научная статья

УДК 342.5

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-76-84

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ДОКТРИНА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ПРИКЛАДНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Старшова У. А.

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

e-mail: uastarshova@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.02.2026

После доработки 27.02.2026

Принята к публикации 10.03.2026

Аннотация

Цель. Теоретическое осмысление и обоснование конституционной доктрины социального государства в конституционном праве.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ правовой доктрины в части доктрины социального государства и её места в конституционном праве. Проанализированы и обобщены сложившиеся в научной литературе позиции по данному вопросу.

Результаты. На основе изучения установлено, что конституционная доктрина социального государства – это специально-юридический термин, обозначающий некую систему признаков и свойств. Доктрина социального государства выражает процесс формирования о ценностной составляющей государственного устройства и дальнейшего закрепления данных представлений в праве, обладает определёнными свойствами. Конституционная доктрина социального государства – это определённая система взглядов, предписаний и идей, которые научно обоснованы, официально признаны и соответствуют потребностям общества и человека в социальной сфере; действенной государственной социальной политики, обеспечении достойной жизни и иных социальных прав человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыта сущность доктрины социального государства, которая обладая определёнными свойствами, определяет современную социальную политику Российской Федерации и потребности человека в социальной сфере. Содержание доктрины социального государства связано не только с правом, но и с морально-этическими установками, господствующими в обществе.

Ключевые слова: конституционное право, правовая доктрина, социальное государство, социальная политика, социальная сфера

Для цитирования:

Старшова У. А. Российская конституционная доктрина социального государства: теоретическое осмысление и прикладное применение // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 76–84. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-76-84>.

Original research article

THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL DOCTRINE OF THE SOCIAL STATE: THEORETICAL COMPREHENSION AND APPLICATIONS

U. Starshova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

e-mail: uastarshova@yandex.ru

Received by the editorial office 10.02.2026

Revised by the author 27.02.2026

Accepted for publication 10.03.2026

Abstract

Aim. To provide a theoretical understanding and justification of the constitutional doctrine of the social state in constitutional law.

Methodology. The main content of the study is an analysis of legal doctrine in relation to the doctrine of the social state and its place in constitutional law. The author analyses and summarises the positions established in the scientific literature on this issue.

Results. Based on the study, it was established that the constitutional doctrine of the social state – a specialized legal term denoting the doctrine of the social state – expresses the process of formation of the value component of the state structure and the subsequent consolidation of these ideas in law and possesses certain properties. The constitutional doctrine of the social state is a specific system of views, prescriptions, and ideas that are scientifically substantiated, officially recognized, and meet the needs of society and individuals in the social sphere; An effective state social policy, ensuring a decent life, and other social rights.

Research implications. The essence of the doctrine of the social state, which has certain properties, determines the modern social policy of the Russian Federation and human needs in the social sphere, is revealed. The content of the doctrine of the social state is connected not only with law, but also with the moral and ethical attitudes prevailing in society.

Keywords: constitutional law, legal doctrine, welfare state, social state, social policy, social sphere

For citation:

Starshova, O. F. (2026). The Russian Constitutional Doctrine of the Social State: Theoretical Comprehension and Applications. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 76–84. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-76-84>.

Введение

Для установления возможности использования термина «доктрина» в том или ином контексте, в т. ч. в контексте теоретико-правового обоснования социального государства, обратимся к уяснению сути данного термина как исходного, лежащего в основе иных конструкций.

Изначально термин «доктрина» произошёл от латинского слова *doctrina* – учение, наука¹. Этимология данного слова указывает на его связь с латинскими глаголами *docere* и *docere*, соответствующих русским глаголам «учить», «наставлять», «указывать», «объяснять», «показывать»².

Уже эти значения, содержащиеся в словарях, указывают на двойственную природу любой доктрины, выступающей,

во-первых, как знание, учение, теория, и, во-вторых, как некое руководство к действию, инструкция, т. е. явление, связанное с практической преобразующей деятельностью.

Конституционная доктрина социального государства, как правовая доктрина, требует тщательного анализа и научного осмысления, так как феномен социального государства предполагает наличие доктрины социального государства. Все его идеи и ценности, их реализация находят своё отражение в современной правовой доктрине социального государства, которая является доктриной специального вида в структуре конституционного права.

Таким образом, целью данного исследования будет являться осмысление роли правовых доктрин, их сущности и свойств. Исследование может определить новые перспективы для понимания доктрины в конституционном праве.

¹ Подосинов А. А., Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А. Латинско-русский словарь. М.: Флинта, 2022. С. 90.

² Там же. С. 89; Латинско-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий, Д.Н. Корольков. М., 1949. С. 299.

Теоретический анализ категории «доктрина» как метод исследования позволяет проанализировать работы учёных, посвящённых теории права, правовым доктринам в целом и конкретным правовым концепциям, например, конституционной доктрине социального государства. Особый интерес в данной плоскости представляют труды Первалова В. Д., Пряхиной Т. М., Клишаса А. А., Хабриевой Т. Я. и др.

Доктрина социального государства и её свойства

В. Д. Первалов в монографии, посвящённой правовой доктрине, высказывает суждение, согласно которому понятие юридической доктрины «употребляется как синоним юридической науки и юриспруденции, учения и теории и как антоним юридической практики и совокупности формально установленных и законодательно закреплённых положений» [1, с. 5].

Ю. Э. Ибрагимова рассматривает доктрину в неразрывном единстве с практикой. При этом связь понятий «судебная доктрина» и «судебный прецедент» трактуется автором как связь содержания и формы [2, с. 83].

Всё чаще в правовых исследованиях правовая доктрина понимается как форма либо источник права.

Понятийный аппарат, используемый исследователями при формулировании дефиниции правовой доктрины, обширен и разнообразен. Чаще всего правовая доктрина определяется с помощью понятий «теория», «учение», «совокупность знаний», «система идей» и т. д.

Но теория имеет значение лишь в том случае, если несёт в себе преобразовательный потенциал – знаниевый, ценностный или прикладной. Т. М. Пряхина совершенно правильно отмечает, что «научные изыскания призваны, в первую очередь, осваивать пространство практических потребностей, акцентировать внимание на механизмах, структурах, ресурсах, позволяющих воплотить в практику государ-

ственного строительства правовые идеалы» [3, с. 3].

Следующим моментом, имеющим непреложное методологическое значение, является то обстоятельство, что хотя доктрина заимствована российской наукой из зарубежной научной традиции как общенаучное понятие, она прижилась в российских реалиях как специально-юридический термин [4, с. 43–47]. И здесь следует отметить, что использование понятия доктрины как специально-юридического термина недостаточно проработано с методологической точки зрения.

Доктрина социального государства является ярким выражением процесса формирования представлений о ценностной составляющей государственного устройства и последующем закреплении данных представлений в праве.

Это обстоятельство позволило некоторым учёным прийти к выводу, что «социальное государство на современном этапе исторического развития человечества является высшим достижением цивилизации в сфере государственного строительства и воплощения в жизнь гуманистических общечеловеческих ценностей, наиболее целесообразным способом соединения принципов свободы и правовой законности в целях обеспечения благополучия личности и процветания общества в целом» [5, с. 30].

Таким образом, на современном этапе правовая доктрина получает статус таковой только в том случае, если её содержание связано не только с правом, но и с морально-этическими установками, господствующими в обществе.

В научной литературе высказано мнение, что зачастую доктрина может принимать форму права и существовать в нём в форме принципов, аксиом, норм и иных конструкций. В том же ключе трактует правовую доктрину Т. М. Пряхина, определяя данную категорию как «научную теорию, получившую официальное признание посредством воплощения её положений в программных документах политического характера, нормативных правовых актах, договорных и обычных нормах, решениях

органов государственной власти и самоуправляющихся сообществ» [3, с. 27]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения.

При этом в правоведении единое мнение сложилось лишь по вопросу признания доктрины неотъемлемой частью научной парадигмы. Относительно возможности признания доктриной того или иного качества юридической действительности единого мнения не существует.

Представляется необходимым выделить свойства конституционной доктрины социального государства для более чёткого понимания данного явления.

Авторитетность, общеизвестность и общепризнанность доктрины социального государства

Доктрина социального государства имеет богатую историю. Идея построения государства справедливости высказывалась ещё в трудах мыслителей древнего мира и средневековья. Теоретические изыскания модели социального государства имеют глубокие корни и в правовой культуре России. Их истоки можно найти в трудах известных представителей либерального и социал-демократического направления дореволюционной российской политической и философской науки (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Б. Н. Чичерин и др.). Реализацией идей об установлении всеобщих политических и социальных прав граждан стало установление советским государством всеобщего избирательного права, права на 8-часовой рабочий день, ежегодный оплачиваемый отпуск, на бесплатное образование, здравоохранение и т. д. Осознание необходимости социальной целенаправленной, запланированной, эффективной деятельности государства по обеспечению политических и социально-экономических прав граждан стало частью менталитета как отдельных индивидов, так и российского общества в целом.

В постсоветской научной литературе проблемы становления, развития и реализации идеи социального государства получили эволюционно-историческое,

экономическое, политологическое, доказательственное и фактологическое обоснование, одной из главных целей существования современного социального государства учёными выделяется «обеспечение возможностей личностной самореализации» [6, с. 12]. Другие авторы считают, что «социальное государство – это форма социально-экономической организации общества, в которой государство играет ключевую роль в обеспечении достойной жизни и социально-правовой защиты своих граждан» [7, с. 14]. На современном этапе развития многие учёные доказывают, что социальное государство имеет «цифровой облик» и «цифровым социальным государством можно определить такое государство, в котором использование современных цифровых технологий позволяет достигнуть качественно нового уровня социальной политики...» [8, с. 16].

В связи с этим теоретические модели построения социального государства как научно обоснованные, проверенные временем и общественной практикой концепции обладают признаками убедительности, авторитетности, общепризнанности, легитимизируются государством путём закрепления в нормативно-правовых актах и актах судебной системы. Доводы авторов относительно неотработанности таких критериев действенности доктрины, как общеизвестность и общепризнанность, не принимаются нами по следующим основаниям. Во-первых, общепризнанность доктрины социального государства подкрепляется не только авторитетом её авторов, но и тем, что её содержание соответствует устоявшейся в сознании индивидов системе морально-нравственных ценностей, обусловлено социальными интересами. Во-вторых, общеизвестность базируется на открытости научных дискуссий, транспарентности мероприятий по разработке и обсуждению доктрины, на обязательности опубликования официальных документов, исходящих от государственной власти. В-третьих, государство предпринимает специальные меры для доведения информации о принимаемых документах страте-

гического планирования до должностных лиц и организаций, на которых возложена обязанность их исполнения.

Так, в Указе президента РФ «О доктрине развития российской науки»¹ на Правительство Российской Федерации возлагается обязанность обеспечить доведение доктрины развития российской науки до заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, организаций и научных объединений.

Официальность доктрины социального государства обеспечивается её закреплением в позитивном, обычном и судебном праве. Российская правовая традиция в большей мере придаёт значение нормативно-правовым актам. Поскольку доктрина социального государства относится к государствоведческим учениям, она получила статус правовой и конституционной доктрины.

В связи с этим в Конституции РФ закреплена норма: «Российская Федерация – социальное государство» (п. 1 ст. 7). В развитие данных положений в Основном Законе провозглашаются личные, гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права граждан Российской Федерации. Статья 18 Основного Закона гласит, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Целеполагающие и декларативные нормы, нормы-принципы Конституции являются основой для реализации доктрины социального государства в российском законодательстве – Трудовом кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»,

Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² и в других многочисленных актах.

Характерно, что в тексте обнародованных в Российской Федерации правовых доктрин оговаривается, что в документе отражена совокупность официальных взглядов на политику Российской Федерации в соответствующей сфере³.

Официальное признание доктрины в качестве источника, регулирующего деятельность государственных органов, подтверждается и фактом включения доктрины в состав документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания (ст. 11 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»)⁴.

Полагаем, что отнесение доктрины к документам целеполагания не совсем точно с точки зрения юридической техники и имеющегося опыта объективации доктрин в действующем законодательстве.

К примеру, «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»⁵, помимо разделов, устанавливающих цели и направления обеспечения национальной

¹ Указ Президента РФ от 13.06.1996 г. № 884 «О доктрине развития российской науки» (с изм. от 23.02.2006) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3005; 2006. № 9. Ст. 988.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с изм. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3; 2024. № 18. Ст. 2404; Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4831; 2024. № 29 (часть III). Ст. 4113; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

³ См., например: Указ Президента РФ от 31.07.2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31. Ст. 5699.

⁴ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378; 2024. № 29 (часть III). Ст. 4106.

⁵ Указ Президента РФ от 5.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрании законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

безопасности, содержит также разделы, разъясняющие используемую терминологию, определяющие национальные интересы в данной сфере, факторы, влияющие на состояние информационной безопасности, правовые и организационные основы, принципы и субъекты обеспечения информационной безопасности.

Как нам представляется, доктрины должны быть отнесены к отдельному виду актов стратегического планирования – концептуальным документам. Данная формулировка отражает то обстоятельство, что доктрина содержит официальное понимание, трактовку явления общественной жизни, ставшего предметом доктрины, и процессов, направленных на преобразование данного явления.

Многофункциональность доктрины выражается в том, что она, помимо функции теоретического осмысления эволюции общественных отношений, имеет и научно-прикладной характер, выполняет методологическую, интерпретирующую, прогностическую функции, а также функции систематизации и интеграции. Как указывалось выше, социальное государство – полицентричное образование. Поэтому и доктрина социального государства отличается многоаспектностью, представляя собой сбалансированную теоретическую, идеологическую, правовую, управляющую, экономическую модель общественного устройства. Эти свойства доктрины должны быть отражены в тексте Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Значительным недостатком развития современного нормативно-правового регулирования и проведения социальной политики в Российской Федерации следует признать отсутствие официально утверждённой доктрины развития социального государства. Востребованность принятия данной доктрины осознаётся и в научном сообществе, и на уровне законодательной и исполнительной власти. В 2020 г. были предприняты определённые меры к формированию такой социальной доктрины,

«определяющей социальную политику на долгосрочный период».

Государственной Думой проводился конкурс на проведение экспертно-аналитического исследования по вопросу разработки проекта Социальной доктрины РФ и её нормативно-правового обеспечения¹. Среди задач исследования значились разработка предложений, а также подготовка инициатив по совершенствованию системы государственного управления социальной сферой, правового регулирования социальной политики. К сожалению, работа не была завершена.

Очевидно, что создание концептуальной основы проведения государственной социальной политики является насущной проблемой, что подтверждается неприятием со стороны населения реформ образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, необходимостью осуществления «ручного управления» по вопросам поддержки граждан, нуждающихся в помощи государства, ситуативным законодательством в социальной сфере.

Влиятельность и регулятивный потенциал доктрины социального государства значительно повысятся с принятием данного документа. Особенно ярко данные качества проявляются в рамках дискретной связи доктрины и правоприменения для разрешения конкретных юридических конфликтов и преодоления правовых коллизий.

Так, в определении Второго кассационного суда общей юрисдикции по разрешению требования о взыскании задолженности по компенсационной выплате суд указал, что «статья 42 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Признание данного права и обеспечение его реализации, по смыслу ст.ст. 1,

¹ В Госдуме изучают вопрос разработки Социальной доктрины РФ // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9922481> (дата обращения: 06.06.2025).

2, 7, 18, 19 и 53 Конституции Российской Федерации, составляют конституционную обязанность Российской Федерации как социального правового государства»¹.

Толкование обязанности государства в соответствии с представлениями о содержании социальной доктрины Российской Федерации содержится и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г.: «Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7, ч. 1), и закрепляет, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7, ч. 2), каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ст. 39, ч. 1).

Необходимым условием достижения целей социального государства, обязывающих Российскую Федерацию заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищённости, является развитие системы социального обеспечения, которая должна строиться на принципах равенства, справедливости и соразмерности, выступающих конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закреплённых непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона»².

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.09.2021 г. по делу № 88-20891/2021 // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопо-

В приведённых примерах проявляется *научно-прикладной характер* доктрины социального государства, поскольку правоприменителями осуществлена правовая интерпретация законодательных норм на основе действенных «нормативных смыслов» [9, с. 28] доктрины. При этом следует учитывать, что, как совершенно справедливо отмечает судья КС в отставке, доктор юридических наук Г. А. Гаджиев, безусловным «объективным юридическим императивом в содержании принципа социального государства...» является идея о защите правовой определённости в сфере социальной защиты граждан. Этот элемент принципа социального государства имеет большое значение с точки зрения стабильности всей системы социальной защиты [10, с. 59]. Данное обстоятельство ещё раз свидетельствует о необходимости создания официального акта – доктрины социальной политики РФ, определяющего границы правового регулирования и базисные параметры толкования действующих норм в рамках общепризнанной теории социального государства.

Заключение

На основе теоретического анализа категории «доктрина» сделан вывод, что исследование способов трансмиссии знаниевого потенциала доктрины в законодательство и правоприменительную практику имеет методологическое значение, т. к. позволяет уточнить предмет научной дискуссии о соотношении правовой доктрины и позитивного права.

Предложенное нами уточнение создаёт необходимые условия для осмысления роли государствоведческих правовых доктрин в праве и правопознании с качественными новыми позициями.

жарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей" в связи с жалобой гражданина В.Н. Карпекина // СПС Консультант Плюс.

В пределах логических рассуждений дискуссия может быть сведена к разрешению вопроса о характере связи правовой доктрины и позитивного права – связи частотной (дискретной) или связи постоянной (константной).

Признание связи либо дискретной, либо константной определяется, по сути, конвенциональными научными основаниями, т. е. исследовательская позиция по этому вопросу во многом зависит от выбора парадигмы познания, соответствующих методов и исследовательских подходов, используемых субъектом при решении научных задач.

Ранее данный вопрос не являлся предметом научного анализа в специальной литературе. Вместе с тем ответ на вопрос о характере связи правовой доктрины и

позитивного права оказывает решающее влияние на теоретическое осмысление сущности правовой доктрины, её свойств и признаков.

Таким образом, конституционная доктрина социального государства – это определённая система взглядов, предписаний и идей, которые научно-обоснованы, официально признаны и соответствуют потребностям общества и человека в социальной сфере; действенной государственной социальной политики, обеспечении достойной жизни и иных социальных прав человека. Связь правовой доктрины (научное представление о праве) и позитивного права (действующие законы) в понимании доктрины социального государства, на наш взгляд, постоянна (константна).

ЛИТЕРАТУРА

1. Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 168 с.
2. Ибрагимова Ю. Э. Роль судебных доктрин в установлении и устранении пробелов в законодательстве // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 80–95.
3. Пряхина Т. М. Конституционная доктрина современной России: автореф дис. ... док. юрид. наук. Саратов, 2004. 54 с.
4. Любитенко Д. Ю. Восприятие понятия «правовая доктрина» в отечественной юриспруденции // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 4. С. 43–47.
5. Охотский Е. В., Богучарская Е. В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2012. № 5. С. 30–44.
6. Клишас А. А., Хабриева Т. Я. Современная концепция социального государства. М.: Норма, 2023. 288 с.
7. Антропов В. В. Социальное государство: от теории к практике // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–15.
8. Гонтмахер Е. Ш., Былевский П. Г., Щербаков А. Ю. Цифровой облик социального государства // Вестник современных цифровых технологий. 2023. № 16. С. 15–23.
9. Гурвич Г. Д. Философия и социология права. СПб., 2004. 848 с.
10. Гаджиев Г. Судебная концепция конституционного принципа социального государства в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 51–61.

REFERENCES

1. Perevalov, V. D. (2022). *Legal Doctrine: Problems of Formation and Implementation*. Moscow: Norma: Infra-M Publ. (in Russ.).
2. Ibragimova, Yu. E. (2019). The Role of Judicial Doctrine in Establishing and Eliminating Gaps in Legislation. In: *Journal of Russian Law*, 11, 80–95 (in Russ.).
3. Pryakhina, T. M. (2004). *Constitutional Doctrine of Modern Russia*: [dissertation]. Saratov (in Russ.).
4. Lyubitenko, D. Yu. (2010). Perception of the Concept of "Legal Doctrine" in Domestic Jurisprudence. In: *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 4, 43–47 (in Russ.).
5. Okhotsky, E. V. & Bogucharskaya, E. V. (2012). The Welfare State and Contemporary Social Policy in Russia: Focus on Results. In: *Labor and Social Relations*, 5, 30–44 (in Russ.).
6. Klishas, A. A. & Khabrieva, T. Ya. (2023). *The Modern Concept of The State*. Moscow: Norma publ. (in Russ.).

7. Antropov, V. V. (2021). The Welfare State: From Theory to Implementation. In: *Economy. Taxes. Law*. 2021, 14 (2), 6–15 (in Russ.).
8. Gontmakher, E. Sh., Bylevsky, P. G. & Shcherbakov, A. Yu. (2023). The Digital Image of the State. In: *Bulletin of Modern Digital Technologies*, 16, 15–23 (in Russ.).
9. Gurvich, G. D. (2004). *Philosophy and Sociology of Law*. St. Petersburg (in Russ.).
10. Gadzhiev, G. (2008). Judicial Concept Of The Constitutional Principle of the State in the Russian Federation. In: *Comparative Constitutional Review*, 1, 51–61 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Старшова Ульяна Александровна (г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии; доцент кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью Московского технического университета связи и информатики; ORCID: 0009-0009-4769-4920; e-mail: uastarshova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Uliana A. Starshova (Saratov) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional Law named after Prof. I. E. Farber and Prof. V. T. Kabyshev, Saratov State Law Academy; Assoc. Prof., Department of Social Relations, Advertising and Public Relations, Moscow Technical University of Communications and Informatics; ORCID: 0009-0009-4769-4920; e-mail: uastarshova@yandex.ru

Научная статья
УДК 35.087.43
DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-85-92

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА О ПРИНЦИПАХ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ: ВСЕОБЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Чирикова О. А.

*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: Chirikova.OA@rea.ru*

Поступила в редакцию 06.04.2026

После доработки 22.04.2026

Принята к публикации 30.04.2026

Аннотация

Цель. Рассмотреть доктринальные основания принципов обязательного пенсионного страхования в исторической ретроспективе – от советского периода, когда право социального обеспечения стало осмысляться как самостоятельная отрасль права, до современного состояния российского законодательства.

Процедура и методы. Проведён анализ законодательных актов и иных нормативных документов.

Результаты. Показано, что принципы всеобщности социального обеспечения, социальной солидарности и социальной справедливости раскрываются не изолированно, а в системе конституционных норм, законодательства о страховых пенсиях и государственном пенсионном обеспечении, а также в трудах представителей науки права социального обеспечения. Обосновывается, что советская доктрина заложила понятийный фундамент современной пенсионной модели, хотя сама система обязательного пенсионного страхования в её действующем виде оформилась уже в постсоветский период. Сделан вывод, что всеобщность определяет пределы охвата пенсионной защитой, солидарность – публично-правовую модель финансирования и перераспределения пенсионного риска, а справедливость – критерии законной дифференциации пенсионных прав.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке новых нормативных документов, связанных с пенсионным страхованием.

Ключевые слова: обязательное пенсионное страхование, закон о социальном обеспечении, страховая пенсия, универсальность социального обеспечения, социальная солидарность, социальная справедливость, пенсионное законодательство, правовая доктрина

Для цитирования:

Чирикова О. А. Правовая доктрина о принципах обязательного пенсионного страхования: всеобщность социального обеспечения, социальная солидарность и социальная справедливость // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 85–92. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-85-92>.

Original research article

LEGAL DOCTRINE ON THE PRINCIPLES OF COMPULSORY PENSION INSURANCE: UNIVERSALITY OF SOCIAL SECURITY, SOCIAL SOLIDARITY, AND SOCIAL JUSTICE

O. Chirikova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

e-mail: Chirikova.OA@rea.ru

Received by the editorial office 06.04.2026

Revised by the author 22.04.2026

Accepted for publication 30.04.2026

Abstract

Aim. To examine the doctrinal foundations of the principles of compulsory pension insurance from a historical perspective – from the Soviet period, when social security law began to be recognised as a distinct branch of law, to the current state of Russian legislation.

Methodology. The content of the article is based on an analysis of legislative acts and other regulatory documents.

Results. It is demonstrated that the principles of the universality of social security, social solidarity and social justice are not revealed in isolation, but within the system of constitutional norms, legislation on insurance pensions and state pension provision, as well as in the works of scholars in the field of social security law. It is argued that the Soviet doctrine laid the conceptual foundations for the modern pension model, although the compulsory pension insurance system in its current form took shape during the post-Soviet period. It is concluded that universality determines the scope of pension protection, solidarity determines the public-law model of financing and redistribution of pension risk, and fairness determines the criteria for the lawful differentiation of pension rights.

Research implications. The results of the study can be used in the development of new regulatory documents relating to pension insurance.

Keywords: compulsory pension insurance, social security law, insurance pension, universality of social security, social solidarity, social justice, pension legislation, legal doctrine

For citation:

Chirikova, O. A. (2026). Legal Doctrine on the Principles of Compulsory Pension Insurance: Universality of Social Security, Social Solidarity, and Social Justice. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 85–92. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-85-92>.

Введение

Обязательное пенсионное страхование является центральным элементом современной пенсионной системы России, однако его принципы не могут быть выведены только из текста Федерального закона № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»¹. Специальный закон закрепляет правовые,

финансовые и организационные основы системы, но не содержит развёрнутого перечня её принципов. Поэтому для доктринального анализа необходимо обращаться к Конституции Российской Федерации, законодательству о страховых пенсиях и государственном пенсионном обеспечении, а также к научной литературе, в которой раскрыты сущностные начала пенсионной защиты².

¹ Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 51. Ст. 4832.

² Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2013. № 52 (ч. 1);

Исходной точкой настоящего исследования является советский период, начиная с того этапа, когда в отечественной науке право социального обеспечения стало рассматриваться как самостоятельная отрасль права. Хотя обязательное пенсионное страхование в современном юридическом смысле сложилось позднее, именно советская доктрина сформировала категориальный аппарат, без которого невозможно объяснить и нынешнюю страховую пенсионную модель [1; 2]. В учебнике В. С. Андреева к числу принципов действующего законодательства о социальном обеспечении отнесены всеобщность обеспечения, обеспечение за счёт государственных и общественных средств и другие руководящие начала отрасли¹.

Особое значение для современного понимания проблемы имеет ч. 6 ст. 75 Конституции РФ, согласно которой в России формируется система пенсионного обеспечения на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений². Следовательно, исследование обязательного пенсионного страхования должно вестись как исследование публично-правового института социального государства, а не только как анализ механизма учёта взносов и назначения страховой пенсии [3].

Принцип всеобщности социального обеспечения

В советской доктрине принцип всеобщности раскрывался как одинаковая для всех трудящихся возможность при наступлении конкретных обстоятельств получить определённые виды обеспечения.

В. С. Андреев специально подчёркивал, что законодательство устанавливает условия предоставления обеспечения, и это не противоречит самому принципу всеобщности³. Уже в этой формуле содержится важный для современного права вывод: всеобщность не означает автоматического назначения пенсии любому лицу вне связи с юридически значимыми обстоятельствами⁴.

Нормативной основой такого понимания стало расширение круга лиц, охватываемых пенсионной защитой в советский период. Закон СССР «О государственных пенсиях» от 14.07.1956 придал пенсионной системе универсальный характер в границах тогдашней модели, а Закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов» от 15.07.1964 распространил пенсионную защиту на колхозников. По оценке А. В. Пудовкина, именно период 1956–1991 гг. завершил формирование нормативной конструкции советской пенсионной системы, а начиная с 1965 г. участие населения в ней приобрело массовый характер [4].

Вместе с тем советская система связывала пенсионное обеспечение прежде всего с общественно полезной деятельностью. Андреев прямо отмечал, что особенно наглядно такая зависимость проявляется именно в пенсионных нормах: пенсии предоставляются в связи с трудом или иной общественно полезной деятельностью⁵. Следовательно, советская доктрина понимала всеобщность как отсутствие дискриминационных исключений при наличии единых правовых оснований предоставления пенсионного обеспечения.

Современная теория в целом сохраняет эту логику. Э. М. Филиппова определяет принцип всеобщности как конституционный принцип, в силу которого каждый,

Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ. Ст. 6965 «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

¹ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР: учебн. М.: Юридическая литература, 1980. С. 56–57.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.

³ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР: учебник. М.: Юридическая литература, 1980. С. 57–59.

⁴ Галаганов В. П., Антонова Н. В. Право социального обеспечения: учебник. М.: КноРус, 2021. С. 102–103.

⁵ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР: учебн. М.: Юридическая литература, 1980. С. 5859.

утративший самостоятельный источник средств к существованию и ставший социально нуждающимся, вправе претендовать на государственное содействие. Одновременно автор подчёркивает, что принцип всеобщности нельзя понимать как безусловное право на выплаты и услуги: законодательство всегда определяет условия их предоставления [5]. Этот тезис принципиален и для обязательного пенсионного страхования: требования к страховому стажу, пенсионным коэффициентам и статусу застрахованного лица не отменяют принципа всеобщности, если они являются общими и законными.

В постсоветский период принцип всеобщности в пенсионной сфере приобрёл более сложное содержание. Российские учёные справедливо отмечают, что наиболее полно данный принцип воплощён именно в пенсионном обеспечении, а введение социальной пенсии позволило говорить о подлинно всеобщем пенсионном обеспечении в масштабе всей системы¹. Отсюда следует, что применительно к обязательному пенсионному страхованию всеобщность означает не всеобщее право на страховую пенсию как таковую, а охват едиными правилами всех лиц, включённых в страховую модель, в сочетании с сохранением иных пенсионных гарантий для тех, кто не приобрёл достаточного страхового стажа или иных страховых оснований (Федеральные законы № 167-ФЗ и № 166-ФЗ).

Принцип социальной солидарности

Принцип социальной солидарности раскрывает публично-правовую природу пенсионной системы. В современной литературе он рассматривается как одно из базовых оснований пенсионного законодательства. А. В. Александрова прямо указывает, что пенсионное законодательство основано на принципе социальной солидарности как в отношении пенсий, выплачиваемых за счёт бюджета, так и в

отношении страховых пенсий [6]. Такое понимание важно уже потому, что не позволяет свести солидарность только к современной модели страховых взносов.

Советская пенсионная модель не строилась на личных страховых взносах работников, однако это не означало отсутствия солидарного начала. Ещё В. С. Андреев подчёркивал, что социальное обеспечение осуществляется за счёт централизованных фондов и прямых ассигнований из государственного бюджета, а уплата гражданами тех или иных платежей не находится в прямой юридической связи с его правом на конкретный вид обеспечения². Александрова развивает этот тезис применительно к пенсионной сфере, отмечая, что в СССР трудящиеся не уплачивали страховых взносов, а пенсионное обеспечение фактически осуществлялось за счёт государственного бюджета; вместе с тем принцип социальной солидарности соблюдался, поскольку каждый работник вносил трудовой вклад в формирование общественного богатства, из которого затем финансировались пенсии [6, с. 151–152].

Тем самым советская распределительная модель выражала солидарность в форме общественного перераспределения [7]. В исторической ретроспективе это особенно важно, поскольку показывает: современная идея солидарности поколений не появилась внезапно в постсоветском законодательстве, а опирается на более раннее представление о взаимной ответственности общества за лиц, утративших способность самостоятельно обеспечивать себя трудом [8].

В постсоветский период солидарность получила иное институциональное оформление. Уже Концепция реформы системы пенсионного обеспечения 1995 г., которая была глубоко исследована российскими учёными, исходила из того, что финансирование пенсионного обеспечения основывается на принципе солидарности, включая солидарность поколений, субъек-

¹ Право социального обеспечения России: учебник / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М.: Проспект, 2017. С. 64–66, 238.

² Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР: учебник. М.: Юридическая литература, 1980. С. 65–66.

тов Российской Федерации и отраслей экономики¹. Современная конституционная модель усилила это положение: ч. 6 ст. 75 Конституции РФ закрепила солидарность поколений как принцип пенсионной системы, а ст. 75.1 ввела в конституционный текст идею экономической, политической и социальной солидарности² [9].

Для обязательного пенсионного страхования это означает, что страховые взносы не могут рассматриваться как частное накопление гражданина «для самого себя». Ф. О. Сулейманова обоснованно указывает, что идея солидарности наиболее отчетливо реализуется именно в системе обязательного социального страхования, поскольку она основана на финансировании за счёт средств страхователей и самих застрахованных, а также на солидарности застрахованных и солидарности поколений [10]. Следовательно, страховая пенсия в российском праве представляет собой не результат частноправового обмена, а форму публично организованной перераспределительной защиты от социальных рисков старости, инвалидности и потери кормильца [11].

Принцип социальной справедливости

Принцип социальной справедливости в пенсионном праве не допускает ни механического уравнивания, ни сведения всей системы к арифметике уплаченных взносов. Уже советская модель строилась на сочетании массовой пенсионной защиты и дифференциации по юридически значимым критериям – стажу, характеру социального риска, инвалидности, утрате кормильца. А. В. Пудовкин, анализируя советскую пенсионную систему, прямо связывает её становление с построением распределительной модели на принципах социальной справедливости [4, с. 217–219].

¹ Право социального обеспечения России: учебник / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М.: Проспект, 2017. С. 62–63.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.

Современная теория раскрывает справедливость через категорию дистрибутивной справедливости. По справедливому замечанию Ф. О. Сулеймановой, государство должно чётко определить критерии распределительной справедливости: кому, в каком объёме и за чей счёт предоставляются социальные блага. Автор также подчёркивает, что справедливость должна учитываться при определении источников финансирования, механизма расчёта объёма предоставляемых благ и круга лиц, нуждающихся в поддержке [11, с. 76, 79]. Для обязательного пенсионного страхования это означает необходимость оценки не только финансовой устойчивости системы, но и правомерности критериев распределения пенсионных прав.

В практическом плане принцип социальной справедливости включает по меньшей мере 3 элемента. Во-первых, он требует равенства правовых возможностей для лиц, находящихся в одинаковом юридическом положении. Во-вторых, он допускает дифференциацию, если она основана на объективных и социально оправданных критериях. В-третьих, он исключает произвольные преимущества и необоснованные исключения из общего режима пенсионной защиты [4, с. 79–81; 6, с. 151–152]. Поэтому справедливость в обязательном пенсионном страховании не тождественна полной одинаковости размеров пенсий; она означает законное и конституционно соразмерное распределение пенсионных прав [12].

Современное конституционное регулирование усилило значение этого принципа, прямо назвав справедливость в числе основ пенсионной системы³. Отсюда следует, что законодатель не вправе конструировать правила обязательного пенсионного страхования исключительно из соображений бюджетной экономии. Если пенсионное право окончательно разрыва-

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.

ет связь с публичной обязанностью государства обеспечивать пенсионную защиту и сводится к индивидуальной страховой калькуляции, оно вступает в противоречие не только с принципом солидарности, но и с принципом справедливости [13].

В доктрине это проявляется в критике чрезмерной индивидуализации пенсионной формулы. А. В. Александрова обращает внимание на то, что усиление зависимости будущей пенсии преимущественно от заработка и объёма индивидуально учтённых платежей способно ослабить начала социальной солидарности [6, с. 151–152]. Но данный тезис относится и к справедливости: пенсионная система утрачивает свой социально-правовой характер, если перестаёт учитывать не только эквивалентность взносов, но и конституционно значимые цели защиты нетрудоспособности, старости и утраты кормильца [14].

Наконец, принцип справедливости тесно связан с принципом всеобщности [15]. Система не может считаться справедливой, если она оставляет без пенсионной защиты лиц, не приобретших достаточных страховых прав; именно поэтому обязательное пенсионное страхование в России сосуществует с государственным пенсионным обеспечением.

Российские учёные, раскрывая экономическую функцию социального обеспечения, отмечают, что система социального обеспечения служит инструментом решения проблемы неравенства личных доходов через правовой механизм перераспределения, а не путём устранения любой дифференциации¹. Следовательно, справедливость в пенсионном праве пред-

полагает сочетание страховой дифференциации и нестраховых гарантий, обеспечивающих реальность конституционного права на социальное обеспечение.

Заключение

Историческая ретроспектива от советской доктрины к современному российскому праву показывает преемственность основных идей пенсионной защиты. Советская наука, прежде всего в трудах В. С. Андреева, сформировала понятийный язык, в котором пенсионное обеспечение стало рассматриваться как часть самостоятельной отрасли права социального обеспечения и раскрываться через систему принципов. Современное обязательное пенсионное страхование институционально отличается от советской модели, однако его доктринальная основа по-прежнему связана с теми же вопросами: кого должна охватывать пенсионная защита, за счёт каких публичных механизмов она финансируется и по каким критериям распределяются пенсионные блага [4, с. 217–223].

Принцип всеобщности определяет пределы и способ охвата пенсионной защитой; принцип социальной солидарности раскрывает публично-правовую природу обязательного пенсионного страхования; принцип социальной справедливости задаёт критерии допустимой дифференциации пенсионных прав. Только в совокупности эти начала позволяют рассматривать обязательное пенсионное страхование как правовой институт социального государства, а не только как технический механизм учёта взносов и назначения выплат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев и др. М.: Норма, 2024. 656 с.
2. Права пенсионеров: российское законодательство и зарубежный опыт: научно-практическое пособие / Н. В. Путило, Н. В. Антонова, Н. С. Волкова и др. М.: Проспект, 2020. 288 с. DOI: 10.31085/9785392314959-2020-288
3. Основы социального страхования: становление, развитие и правовое регулирование: научно-практическое пособие / Е. Г. Азарова, Н. В. Антонова, Ю. В. Воронин и др. М.: Инфра-М, 2025. 440 с. DOI: 10.12737/2185786

¹ Право социального обеспечения России / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М.: Проспект, 2017. С. 8–10, 64–66, 238.

4. Пудовкин А. В. Анализ системы пенсионного обеспечения в СССР // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2. С. 217–223.
5. Филиппова Э. М. Принцип всеобщности в праве социального обеспечения: философско-теоретический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 13. № 3. С. 55–58.
6. Александрова А. В. Принцип социальной солидарности как основание пенсионного законодательства // Экономика. Право. Общество. 2025. Т. 10. № 1. С. 147–153. DOI: 10.21686/2411-118X-2025-1-147-153
7. Основы социального страхования: становление, развитие и правовое регулирование: научно-практическое пособие / Е. Г. Азарова, Н. В. Антонова, Ю. В. Воронин [и др.]. М.: Инфра-М, 2025. 440 с. DOI: 10.12737/2185786
8. Антонова Н. В., Чирикова О. А. Правовой обычай в отношениях по социальному обеспечению: вопросы теории и практики // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 1. С. 43–49. DOI: 10.21686/2411-118X-2024-1-43-49
9. Скачкова Г. С. Развитие идеи социального государства и новации статьи 75.1 Конституции Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 86–97. DOI 10.21684/2411-7897-2021-7-3-86-97
10. Сулейманова Ф. О. Дистрибутивная справедливость и правовое регулирование социального обеспечения // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 3. С. 76–87. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.076-087
11. Антонова Н. В. О роли фиксированной выплаты к страховой пенсии в установлении работающим гражданам достаточного уровня пенсионного обеспечения // Российское и международное право: общее и особенное: мат-лы конференции. М., 2019. С. 380–386.
12. Антонова Н. В. Пути достижения социальной справедливости в правовом регулировании пенсионного обеспечения военнослужащих // Роль социальной справедливости в обеспечении традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей: мат-лы конф. М.: Московский гуманитарный университет, 2025. С. 108–118.
13. Антонова Н. В. Система социального обеспечения в РФ: социальная солидарность или социальная справедливость? // Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет: мат-лы конференции. М.: Московский гуманитарный университет, 2024. С. 104–112.
14. Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации / А. Н. Савенков, М. А. Камболов, И. А. Дроздов и др. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 430 с.
15. Социальные выплаты в Российской Федерации: межотраслевой подход к правовому регулированию: научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, А. В. Белякова, О. Ю. Еремина и др. М.: Проспект, 2021. 192 с.

REFERENCES

1. Khabrieva, T. Ya., Tikhomirov, Yu. A., Avkhadeev, V. R., et al. (2024). *Scientific Concepts for the Development of Russian Legislation*. Moscow: Norma publ. (in Russ.).
2. Putilo, N. V., Antonova, N. V., Volkova, N. S., et al. (2020). *Pensioners' Law: Russian Legislation and Foreign Experience*. Moscow: Prospect Publ. DOI: 10.31085/9785392314959-2020-288 (in Russ.).
3. Azarova, E. G., Antonova, N. V., Voronin, Yu. V., et al. (2025). *Fundamentals of Health Insurance: Formation, Development, And Legal Regulation*. Moscow: Infra-M publ. DOI: 10.12737/2185786 (in Russ.).
4. Pudovkin, A. V. (2015). Analysis of the Pension System in the USSR. In: *Bulletin Of Mgimo University*, 2, 217–223 (in Russ.).
5. Filippova, E. M. (2013). The Principle of Universality in the Law of Security: Philosophical and Theoretical Aspect. In: *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 13 (3), 55–58 (in Russ.).
6. Aleksandrova, A. V. (2025). The Principle of Social Solidarity as a Support of Pension Legislation. In: *Economy. Law. Society*, 10 (1), 147–153. DOI: 10.21686/2411-118X-2025-1-147-153 (in Russ.).
7. Azarova, E. G., Antonova, N. V., Voronin, Yu. V., ET AL. (2025). *Fundamentals of Health Insurance: Formation, Development And Legal Regulation*. Moscow: Infra-M publ. DOI: 10.12737/2185786 (in Russ.).

8. Antonova, N. V. & Chirikova, O. A. (2024). Legal Customs in Social Security Relations: Issues and Practice. In: *Economy. Law. Society*, 9 (1), 43–49. DOI: 10.21686/2411-118X-2024-1-43-49 (in Russ.).
9. Skachkova, G. S. (2021). Development of the Idea of a Principled State and Innovations in Article 75.1 of the Constitution of the Russian Federation. In: *Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research*, 7 (3), 86–97. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-86-97 (in Russ.).
10. Suleimanova, F. O. (2022). Distributive Justice And Legal Regulation Of Strict Security. In: *Lex Russica*, 75 (3), 76–87. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.076-087 (in Russ.).
11. Antonova, N. V. (2019). On the Role of Fixed Payment of Insurance Pensions in Establishing a Sufficient Level of Pension Provision for Working Citizens. In: *Russian and International Law: General And Specific*. Moscow, pp. 380–386 (in Russ.).
12. Antonova, N. V. (2025). Ways to Achieve Social Justice in the Legal Regulation of Military Pension Provision. In: *The Role of Social Justice in Modern Russian Spiritual, Moral, Cultural And Historical Values*. Moscow: Moscow University for the Humanities publ., pp. 108–118 (in Russ.).
13. Antonova, N. V. (2024). The System of Provision in the Russian Federation: Social Solidarity or Social Justice? In: *Legal Support of Social Justice and State Sovereignty*. Moscow: Moscow University for the Humanities publ., pp. 104–112 (in Russ.).
14. Savenkov, A. N., Kambolov, M. A., Drozdov, I. A., et al. (2024). *Interdisciplinary Protection of Labor and Social Rights in the Context of Social Transformation*. Moscow: Institute of State and Law publ., Russian Academy of Sciences publ. (in Russ.).
15. Antonova, N. V., Belyakova, A. V., Eremina, O. Yu., et al. (2021). *Social Payments in the Russian Federation: An Intersectoral Approach to Legal Regulation*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирикова Ольга Александровна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: Chirikova.OA@rea.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Chirikova (Moscow) – Senior Lecture, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: Chirikova.OA@rea.ru

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.211

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-93-104

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ: ТЕНДЕНЦИИ В ЗАРУБЕЖНОМ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Гордополов Ю. В.^{1}, Якутина А. И.²*

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Московская коллегия адвокатов «Чистые пруды», г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: a050619@ya.ru

Поступила в редакцию 21.04.2026

После доработки 06.05.2026

Принята к публикации 14.05.2026

Аннотация

Цель. Выявить особенности правового положения криптовалют в зарубежной и российской практике для обоснования необходимости их полноценной интеграции в отечественное законодательство.

Процедура и методы. Приведён анализ взглядов исследователей на цивилистическую правовую природу цифровых активов. Проанализированы источники, включающие зарубежный опыт регулирования, а также динамику российского законодательства в части майнинга, налогообложения и экспериментальных правовых режимов. Обобщается судебная практика и позиции Конституционного Суда РФ по вопросам защиты прав владельцев цифровых валют. В рамках данного исследования использованы сравнительно-правовой, историко-правовой, системно-логический и судебно-правовой методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что РФ формирует сбалансированную модель регулирования, признавая цифровую валюту имуществом для налоговых и уголовно-правовых целей. Однако установлено, что отсутствие криптовалют в базовом перечне объектов гражданских прав в ГК РФ создаёт юридическую неопределённость и риски необоснованного отказа в судебной защите.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированы предложения по дополнению ст. 128 ГК РФ термином «цифровые валюты». Предложенная редакция позволит окончательно определить их правовую природу как объектов гражданских прав, обеспечит единообразие судебных решений и гарантирует защиту прав добросовестных приобретателей.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, токены, цифровизация, правовое регулирование, национальное законодательство

Для цитирования:

Гордополов Ю. В., Якутина А. И. Правовое положение криптовалюты: тенденции в зарубежном и российском законодательстве // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 93–104. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-93-104>.

Original research article

THE LEGAL STATUS OF CRYPTOCURRENCIES: TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF FOREIGN AND RUSSIAN LEGISLATION

Yu. Gordopolov^{1*}, A. Yakutina²

¹*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation*

²*Moscow Bar Association "Chistye Prudy", Moscow, Russian Federation*

*Corresponding author, e-mail: a050619@ya.ru

Received by the editorial office 21.04.2026

Revised by the author 06.05.2026

Accepted for publication 14.05.2026

Abstract

Aim. To identify the features of the legal status of cryptocurrencies in foreign and Russian practice in order to justify the need for their full integration into domestic legislation.

Methodology. The analysis of researchers' views on the civil legal nature of digital assets is presented. The sources are analysed, including foreign regulatory experience, as well as the dynamics of Russian legislation in terms of mining, taxation, and experimental legal regimes. The article summarises the judicial practice and positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the protection of the rights of owners of digital currencies. Comparative legal, historical-legal, system-logical and judicial-legal methods were used in the framework of this research.

Results. The analysis showed that the Russian Federation forms a balanced regulatory model, recognising digital currency as property for tax and criminal purposes. However, it has been established that the absence of cryptocurrencies in the basic list of objects of civil rights in the Civil Code of the Russian Federation creates legal uncertainty and risks of unjustified refusal of judicial protection.

Research implications. Proposals have been formulated to supplement Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation with the term «digital currencies». The proposed revision will make it possible to definitively determine their legal nature as objects of civil rights, ensure the uniformity of court decisions and guarantee the protection of the rights of bona fide purchasers.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, tokens, digitalization, legal regulation, national legislation

For citation:

Gordopolov, Yu. V. & Yakutina, A. I. (2026). The Legal Status of Cryptocurrencies: Trends in the Development of Foreign and Russian Legislation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 93–104. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-94-105>.

Введение

В последние годы правовое регулирование криптовалют и цифровых финансовых активов стало предметом активного изучения как российских, так и зарубежных учёных. Российская юридическая наука сосредоточила свои усилия на нескольких основных аспектах этой проблемы.

Одним из первых, кто глубоко исследовал правовую природу криптовалюты как объекта гражданских прав, был

А. И. Савельев [1]. Он предложил рассматривать криптовалюты в рамках существующей системы объектов гражданских прав. М. А. Егорова и Л. Г. Ефимова внесли значительный вклад в формирование понятийного аппарата, анализируя определение криптовалют с целью улучшения российского законодательства [2]. Л. А. Новоселова, в свою очередь, исследовала правовую сущность биткоина и вопросы возможности обращения взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства [3].

Существует обширный объём научных работ, посвящённых изучению международного опыта регулирования криптовалют. Например, М. М. Долгиева подробно анализирует зарубежные подходы к правовому обороту криптовалют и конфискации цифровых активов, в частности, на примере США [4]. А. Е. Смирнов и Е. А. Фролова [5] провели комплексное сравнение методов регулирования цифровых валют в разных странах.

Не менее важны исследования, фокусирующиеся на развитии российского законодательства в области цифровых активов. И. С. Лапшин, Ш. С. Шушания и А. М. Анисимова проследили, как российское правовое регулирование криптовалют прошло путь от неопределённости к созданию экспериментальных правовых режимов [6]. К. И. Лепшаков, используя SWOT-анализ, выявил основные проблемы и противоречия в действующем законодательстве РФ о криптовалютах [7].

Правовое регулирование майнинга цифровой валюты в России стало предметом детального анализа в трудах М. А. Егоровой и А. В. Белицкой, а также в современных публикациях, которые прослеживают путь от нормативной неопределённости к созданию комплексного административно-правового режима [8]. Н. В. Яджин и В. А. Егоров исследовали фундаментальные вопросы, касающиеся понятия, форм и разновидностей цифровых финансовых активов, а также выявили проблемы их правового обеспечения [9]. А. В. Крупочкин и И. П. Хоминич выделили ключевые сложности, связанные с отсутствием чёткой терминологии и единой классификации криптовалют и цифровых активов в действующем российском законодательстве [10].

Особый интерес вызывает оценка А. Н. Фроловского и Ю. В. Гордополова [11] потенциала внедрения официальных криптобирж в России и прогноза возможных препятствий на пути легализации криптобирж в экспериментальном формате. Авторами последовательно подчёркивается, что процесс согласования может

быть длительным, но сам факт обсуждения свидетельствует о постепенном изменении государственной политики в отношении регулирования рынка криптовалют.

Исследование опирается на комплекс методологических подходов, включая сравнительно-правовой, историко-правовой, системно-логический и судебно-правовой. Путём детального анализа российского и зарубежного законодательства, а также систематизации судебных решений и официальных документов государственных органов в работе обосновывается необходимость интеграции цифровой валюты в перечень объектов гражданских прав через уточнение её гражданско-правовой сущности.

Зарубежная практика регулирования криптовалюты

Анализ мирового опыта регулирования криптовалют выявляет 3 основных вектора развития: от либерального подхода Швейцарии, через адаптацию в рамках существующих институтов в США, к первоначальному жёстким запретам с последующей корректировкой в Китае. Все эти модели, несмотря на свои сильные и слабые стороны, сходятся в стремлении к большей ясности правового статуса цифровых активов. Швейцарский подход, в частности, характеризуется признанием криптоактивов полноценными объектами гражданского оборота при условии строгого надзора со стороны Швейцарского управления по надзору за финансовыми рынками (далее – *FINMA*, *Swiss Financial Market Supervisory Authority*). Ключевым ориентиром стали методические рекомендации *FINMA* по первичному размещению монет (далее – *ICO*, англ. *Initial Coin Offering*) 2018 г., которые классифицировали криптоактивы на платёжные токены (по сути, криптовалюты, не налагающие обязательств на эмитента и предназначенные для платежей), служебные токены и токены активов, последние из которых, будучи эквивалентом долга или доли в капитале эмитента, приравниваются к ценным бумагам [12].

Вступивший в силу 1 августа 2021 г. Федеральный закон об адаптации законодательства к технологии распределённого реестра (далее DLT, англ. *Distributed Ledger Technology*) стал ключевым шагом Швейцарии в регулировании криптоактивов¹. Этот закон легализовал выпуск ценных бумаг на блокчейне и позволил лицензировать торговые площадки для таких активов. Криптовбиржи, работающие в рамках DLT, обязаны получить лицензию от FINMA, которая гарантирует прозрачность, мониторинг транзакций, саморегулирование и защиту интересов участников рынка. Финансовые посредники также подпадают под действие Закона о противодействии отмыванию доходов (AML, *Anti-Money Laundering*), что требует обязательной идентификации клиентов. Получение лицензии для криптовалютной биржи в Швейцарии – это многоэтапный процесс, занимающий от 4 до 12 месяцев, с требованиями к минимальному капиталу (20–100 тыс. франков), наличию офиса в стране и квалифицированному управленческому персоналу². Несоблюдение законодательства может повлечь за собой штрафы до 500 тысяч франков и ограничения в деятельности, а манипуляции на рынке – отзыв лицензии и уголовную ответственность. Таким образом, Швейцария, создавая благоприятную среду для инноваций, выстроила надёжную и строгую нормативную базу для оборота криптоактивов.

В большинстве юрисдикций стран Европы криптоактивы не приравниваются к законному платёжному средству. В Европейском союзе Регламент (EU) 2023/1114 о рынках криптоактивов³

(MiCA) исходит из необходимости специального режима для криптоактивов и больше нацелен не на признание криптовалют равнозначными фиатным деньгам, а на минимизацию рисков для инвесторов, которые не подпадают под публично-правовую защиту участников вкладов⁴ или классического финансового рынка⁵. В настоящее время анонимность использования и неоднозначность атрибуции нового объекта позволяет ему не только ускользнуть от налогов в большинстве юрисдикций, но и стать фактически неуязвимым инструментом легализации («отмывания») доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма.

В США регулирование цифровых активов осуществляется путём применения действующих законов о ценных бумагах 1933 и 1934 г. Ключевую роль в этом процессе играют регуляторы в составе Министерства финансов США (или Департамент казначейства США, англ. *United States Department of the Treasury*) такие, как SEC (англ. *Securities and Exchange Commission* – Комиссия по ценным бумагам и биржам), CFTC (англ. *Commodity Futures Trading Commission* – Комиссия по торговле товарными фьючерсами), FinCEN (англ. *Financial Crimes Enforcement Network* – агентство по борьбе с преступлениями в области финансов) и IRS (англ. *Internal Revenue Service* – налоговая служба). основополагающим критерием для отнесения криптоактива к категории ценных бумаг является тест Хоуи, установленный Верховным судом США⁶. Согласно

¹ DLT Act: Federal Act on the Adaptation of Federal Law to Developments in Distributed Ledger Technology [Электронный ресурс] // Fedlex: [сайт]. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/oc/2021/33/de> (дата обращения: 02.04.2026).

² Licensing as a DLT trading facility [Электронный ресурс] // FINMA: [сайт]. URL: <https://www.finma.ch/en/authorisation/fintech/dlt-handelssystem/> (дата обращения: 02.04.2026).

³ Regulation (EU) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 г. о рынках криптоактивов (MiCA) // Official Journal of the European Union. 2023. L. 150. P. 40–205.

⁴ Директива 2014/49/EU Европейского парламента и Совета от 16 апреля 2014 г. о системах гарантирования вкладов // Official Journal of the European Union. 2014. L. 173. P. 149–178.

⁵ Директива 2014/65/EU Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 г. о рынках финансовых инструментов и внесении изменений в Директивы 2002/92/EC и 2011/61/EU (MiFID II) // Official Journal of the European Union. 2014. L 173. P. 349–496.

⁶ Li D. Does the SEC Have Authority under Howey to Regulate Cryptocurrencies? // University of Chicago Business Law Review: [сайт]. URL: <https://businesslawreview.uchicago.edu/print-archive/does-sec-have-authority-under-howey-regulate-cryptocurrencies> (дата обращения: 20.04.2026).

этому тесту, если лицо инвестирует средства в общее предприятие и ожидает получения прибыли исключительно благодаря усилиям других сторон, то такая инвестиция считается инвестиционным контрактом, а значит, и ценной бумагой. Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) уже успешно применяла тест Хоуи, в частности, в отношении первичных размещений монет (ICO), как это было в деле DAO (англ. *Decentralized Autonomous Organization* – децентрализованная автономная организация), где ICO были признаны нарушением требований о регистрации ценных бумаг (по аналогии с IPO (англ. *Initial Public Offering* – первичное публичное предложение акций)). Председатель SEC Г. Генслер последовательно заявляет, что многие цифровые активы, включая стейблкоины, обеспеченные ценными бумагами, и токены, предлагаемые в рамках ICO, подпадают под юрисдикцию SEC. В то же время руководство SEC считает, что биткоин, вероятно, не является ценной бумагой. В 2020 г. SEC инициировала судебный процесс против *Ripple* (ранее *OpenCoin*, затем *Ripple Labs, Inc.* – американская технологическая компания, г. Сан-Франциско, штат Калифорния), утверждая, что их внутренняя криптовалюта XRP (по капитализации входившей в первую десятку криптовалют мира) является ценной бумагой, поскольку его продажа служила для финансирования операционной деятельности самой компании¹.

Призывы Комиссии по ценным бумагам и биржам США к криптовалютным компаниям к отчётности, будь то площадки для торговли цифровыми активами, криптовалютные брокеры или сервисы криптокредитования, переключиваются в российское правовое поле [13]. Мнение, что законы о ценных бумагах должны распространяться на криптоактивы, обосновано актуальностью защиты любых инвесторов независимо от использования новейших технологий. Такой подход позволит регулировать

рынок криптовалют, используя уже существующие правовые рамки и механизмы защиты инвесторов, без необходимости принятия новых законов. Тем не менее это создаёт неопределённость для многих проектов и требует индивидуальной оценки каждого токена.

Китай последовательно ужесточал свою позицию по отношению к криптовалютам. На начальном этапе, в 2013 г., они не были признаны платёжным средством, но и не подпадали под запрет, а биткоин классифицировался как товар, подлежащий налогообложению². В 2017 г. были введены более жёсткие меры: запрет на проведение ICO и деятельность отечественных криптовалютных бирж, а также ограничение для финансовых учреждений на любые операции с цифровыми активами. В 2021 г., с выходом уведомления № 237³, все криптовалютные транзакции были объявлены незаконными, а оказание услуг китайским резидентам через зарубежные платформы стало уголовно наказуемым. Важно отметить, что в 2026 г. уведомление № 237 2021 г. было отменено новым документом – Уведомлением № 42–2026 «О дальнейших мерах по предотвращению и пресечению рисков, связанных с виртуальными валютами и сопутствующими явлениями»⁴, выпущенным 6 февраля 2026 г. Новое уведомление ужесточает и детализирует сферу оборота криптовалют, тем самым увеличивая юридическую от-

¹ SEC's Regulatory Role in Digital Asset Markets // American Progress: [сайт]. URL: <https://www.americanprogress.org/article/secs-regulatory-role-digital-asset-markets/> (дата обращения: 20.04.2026).

² The Regulation of Digital Currency in China: [Электронный ресурс] // European Journal of Law Reform. 2023. Vol. 25. Iss. 1. URL: https://www.boomportaal.nl/tijdschrift/EJLR/EJLR_1387-2370_2023_025_001_004 (дата обращения: 20.04.2026).

³ Народный банк Китая, совместно с другими ведомствами Китайской Народной Республики. Совместное уведомление о дальнейшем предотвращении и урегулировании рисков, связанных с виртуальными валютами (Yinfa № 42) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csrb.gov.cn> (дата обращения: 10.05.2026).

⁴ Народный банк Китая. Уведомление о дальнейшем предотвращении и устранении рисков, связанных с виртуальными валютами (Yinfa № 42) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pbc.gov.cn> (дата обращения: 10.05.2026).

ветственность сильнее, чем за всю историю существования криптовалюты.

Однако, как отмечает Э. Экман, Китай не отвергает саму технологию блокчейн, а видит в ней потенциал для экономического и геополитического усиления [14]. Поэтому вместо полного отказа от цифровых активов Китай сосредоточился на разработке собственной цифровой валюты центрального банка (англ. *CBDC, Central bank digital currency*) – цифровой юань (*e-CNY*, англ. *DCEP, Digital Currency Electronic Payment*). С 2020 г. активно ведётся пилотное тестирование *e-CNY*, и страна нацелена на лидерство в глобальном внедрении государственных цифровых валют. Этот подход демонстрирует стратегию Китая: от полного запрета децентрализованных платёжных средств к созданию собственной, контролируемой цифровой альтернативы, что позволяет укреплять финансовую устойчивость, используя инновации.

В Японии криптовалюты воспринимаются не как нечто сомнительное или мимолётное, а как полноценный, хотя и строго контролируемый, элемент финансовой системы. Страна стала пионером в легализации криптоактивов, включив их в Закон о платёжных услугах¹ в 2017 г. Это позволило биткоину и другим монетам получить статус законного платёжного средства, а криптобиржам – обязательство регистрироваться и соответствовать строгим требованиям по борьбе с «отмыванием» денег, идентификации клиентов, лицензированию и обеспечению безопасности клиентских средств. В последние годы японские регуляторы продолжили усиливать контроль: криптовалюты теперь относят к финансовым инструментам и регулируют в рамках Закона о финансовых инструментах и биржах². Были введены меры, такие как запрет на инсайдерскую

торговлю, обязательная ежегодная отчётность для эмитентов, повышены штрафы за нарушения, а за нелегальную деятельность без лицензии грозит до десяти лет лишения свободы.

Япония даже после масштабного взлома биржи MtGox в 2014 г.³ не пошла по пути полного запрета криптовалют, а вместо этого выстроила жёсткий и детальный регуляторный режим для криптобирж и цифровых активов. Данные меры включают обязательное лицензирование криптоплощадок, обеспечение повышенного уровня защиты клиентских средств, формирование резервов и регулярное предоставление отчётности надзорным органам. Результатом такого регулирования стало то, что японские инвесторы смогли частично компенсировать убытки даже после банкротства другой биржи, опираясь на действующую систему страхования и резервирования. Анализ японского опыта подтверждает возможность гармоничного сочетания защиты прав потребителей, управления рисками и поддержки инноваций путём интеграции криптоактивов в существующие финансовые и правовые рамки, а не их исключения из регулируемого сектора. Такой подход способствует минимизации финансовых потерь для инвесторов и сохранению стимулов для технологического развития.

Власти Новой Зеландии первыми официально поддержали выплату заработной платы в криптовалюте с 1 сентября 2019 г., правда с некоторыми ограничениями (регулярность, фиксированность и трудоустройство)⁴.

Совершенно очевидно, что государства с хорошо отлаженной финансовой системой, такие как Швейцария, Япония и

¹ Закон о платёжных услугах Японии (*Payment Services Act of Japan*) [Электронный ресурс]. URL: https://www.boj.or.jp/en/paym/outline/pay_boj/index.htm (дата обращения: 10.05.2026).

² *Financial Instruments and Exchange Act (Financial Instruments and Exchange Law) of Japan* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fsa.go.jp/en/policy/fiel/> (дата обращения: 10.05.2026).

³ Минюст США обвинил двух россиян во взломе японской криптобиржи Mt. Gox // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6483437f9a79472fef9aa56a> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Романова Е. Власти Новой Зеландии узаконили выплату зарплат криптовалютой // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2019/08/14/vlasti-novoj-zelandii-uzakonili-vyplatu-zarplat-kriptovaliutoj.html> (дата обращения: 11.05.2026).

США, ориентированы на инкорпорацию криптовалют в действующую правовую систему, усиливая при этом нормы прозрачности и противодействия «отмыванию» средств. В отличие от них, Китай принял решение о полном запрете частных криптовалютных операций, переводя финансовую систему на национальную цифровую валюту. Новые индустриальные страны Африки и Центральной Америки, как правило, с нестабильной экономикой и неустойчивой национальной валютой вовсе не противятся хождению криптовалют, не ставя первостепенной задачи зарегулировать их обращение. Это не касается таких стран мусульманской правовой семьи, как Алжир, Бангладеш, Египет, Ирак, Катар и Марокко, официально отказавшихся от криптовалют и запретивших их майнинг, подобно Китаю¹.

Массовость использования делает невозможным игнорирование криптовалют как объекта права, даже если их экономическая природа остаётся крайне нестабильной и схожей с теми цифровыми феноменами, которые уже переживали стремительный рост в цене и обвальное падение, как это произошло с NFT² (англ. *non-fungible token* – невзаимозаменяемый/уникальный токен).

Отечественное регулирование криптовалюты

Российская Федерация, формируя свою нормативно-правовую базу, имеет возможность использовать лучшие практики, продемонстрированные и апробированные обоими полюсами модели.

Законодательство России в области криптовалют находится на этапе активного формирования, пройдя путь от полного неприятия к поиску сбалансированного регулирования. Ключевым шагом стало

внесение в Госдуму в апреле 2026 г. законопроекта № 1194918–8 «О цифровой валюте и цифровых правах»³. Этот документ предусматривает введение нескольких основных новаций:

1) *лицензирование* – обязательное получение лицензий для всех посредников, работающих с криптовалютами (брокеров, доверительных управляющих, биржи, криптодепозитари и криптообменники), на которые будут возложены дополнительные регуляторные обязанности

2) *ограничение платежей* – запрет на использование цифровых валют в качестве средства платежа на территории РФ, при этом сохраняя возможность их использования во внешнеэкономической деятельности;

3) *майнинг* – введение уведомительно-го порядка для майнинга с обязательным контролем энергопотребления;

4) *ответственность* – внесение изменений в Уголовный и Административный кодексы РФ для установления ответственности за нарушения законодательства;

5) *процедура изъятия прав* – детальная регламентация изъятия и ареста цифровой валюты в ходе уголовных процессов, включая физическое изъятие носителей и перевод средств на специальные адреса ЦБ РФ или ФНС РФ;

6) *штрафы* – значительные штрафы для физических лиц (100–200 тыс. руб.) и юридических лиц (700 тыс. – 10 млн руб.) за нелегальные операции, а также административное приостановление деятельности на срок до 90 суток и возможность конфискации криптовалюты с дополнительным штрафом до 500% от её стоимости.

Современное законодательство в сфере цифровых активов опирается, в первую очередь, на Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, циф-

¹ Binance Square [Электронный ресурс]. URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/313091997482129> (дата обращения: 11.05.2026).

² NFT Market Crashes to 2025 Low as Year-End Rally Evaporates // Cryptorank: [сайт]. URL: <https://cryptorank.io/news/feed/63740-nft-market-2025-low-crash> (дата обращения: 11.05.2026).

³ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Законопроект № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1194918-8> (дата обращения: 20.04.2026).

ровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Этот закон определяет цифровую валюту как электронные данные, которые могут использоваться для оплаты или в качестве инвестиций, но не являются официальной валютой и не имеют эмитента. Для целей налогообложения и борьбы с «отмыванием» денег цифровая валюта рассматривается как имущество. Вдобавок, согласно Конституции РФ² и Федеральному закону № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³, в России запрещено введение иных денег или их заменителей, что исключает возможность использования криптовалют в качестве законного средства платежа на территории страны, в связи с этим в РФ криптовалюта может использоваться как средство инвестиций.

Важно отметить, что законодательство определяет цифровую валюту как самостоятельный вид цифровых данных, отличающийся от понятия «цифровое право», закреплённого в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ. Федеральный закон № 259 определяет цифровые финансовые активы как цифровые права, т. е. права, удостоверяемые записями в информационных системах (например, права на получение дохода или участие в капитале). В отличие от них, цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных, используемых в качестве средства платежа или инвестиций, но не имеющая в себе каких-либо обязательственных или иных

предметно-правовых требований к эмитенту или иному лицу, включая те, что предусмотрены законом о ЦФА. Таким образом, если цифровые права представляют собой форму закрепления гражданско-правовых отношений в цифровой среде (например, права на получение денежных средств или акций), то цифровая валюта является лишь экономическим эквивалентом, не выражающим конкретных прав на получение чего-либо. Следовательно, цифровая валюта требует отдельного места в классификации объектов гражданских прав как самостоятельный вид имущества. Это обосновывает предложение о прямом включении цифровой валюты в перечень ст. 128 ГК РФ вместо использования общего термина «цифровые права».

Правительственная комиссия по законопроектной деятельности одобрила проект закона в рамках курса на повышение прозрачности и вывод из теневого оборота противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма.

Федеральный закон № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ установил правовые рамки для майнинга. Закон разрешает заниматься этой деятельностью юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, зарегистрированным в ФНС РФ, а также физическим лицам, не требующим регистрации, но с ограничениями по энергопотреблению. Майнеры обязаны сообщать в ФНС РФ о поступлении цифровой валюты и своих идентификационных адресах. Недопустимо совмещать майнинг с производством или передачей электроэнергии, а также заниматься рекламой криптовалют. Внесённые 29.11.2024 изменения в Налоговый кодекс РФ (Федеральным законом от 17.11.2025 N 418-ФЗ «О внесении изменений в статью 126.2 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056> (дата обращения: 20.04.2026).

² Конституция Российской Федерации: [Электронный ресурс]. <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 20.04.2026).

³ Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001200207100013> (дата обращения: 20.04.2026).

⁴ Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4917.

и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в статьи 102 и 126.2 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»¹⁾ освобождают от налога на добавленную стоимость операции по добыче и продаже цифровых валют. Прибыль от майнинга облагается налогами на прибыль или доходы физических лиц; исходя из рыночной стоимости на момент получения права распоряжения. Для операций с цифровыми валютами предусмотрены особые методы расчёта налоговой базы, а к операторам майнинг-инфраструктуры, не предоставляющим сведения в Федеральную налоговую службу России, ст. 129.16 НК РФ введена санкция.

Дискуссии о российском будущем криптовалют ведутся по сей день, Центробанк РФ, со слов заместителя Председателя мегарегулятора, не делает ставку на криптовалюты²⁾. Глава комитета по финансовому рынку Госдумы РФ А. Г. Аксаков отметил, что в России около 195,5 тыс. майнеров, из них примерно 190 тыс. работают нелегально. Такие объёмы нелегального майнинга по всей стране создают проблемы для предприятий и обычных граждан³⁾.

В энергоизбыточных регионах уже начали прорабатывать возможность законодательно легализовывать майнинг-оборудование и работу майнеров. «...Сейчас фактически производимая электроэнергия

уходит в воздух, т. е. она не потребляется, не создаёт какие-то блага. В данном случае, если в этих регионах будет использоваться майнинг-оборудование, эта энергетика будет давать продукт, в т. ч. продукт в виде денег, поступающих в бюджет, потому что легально работающие майнеры будут платить налоги в бюджет. А это – десятки миллиардов рублей...»,⁴⁾ – отметил Аксаков А.Г.

Значительным достижением стало принятие Федерального закона от № 38–ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁵⁾ Этот закон внёс поправки в статьи 104.1 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, официально признав цифровую валюту имуществом в рамках уголовного судопроизводства. Это открыло возможности для её ареста и конфискации. Кроме того, в рамках экспериментальных правовых режимов (согласно Федеральному закону от № 258–ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»⁶⁾) разрешено использовать цифровую валюту для расчётов по внешнеторговым сделкам и проводить организованные торги ею.

Тем не менее, несмотря на эти шаги, остаются существенные лакуны в законодательстве. Ключевой пробел заметен

¹⁾ Федеральный закон от 17.11.2025 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в статью 126.2 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в статьи 102 и 126.2 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012025111700XX> (дата обращения: 20.04.2026).

²⁾ Центробанк не рассматривает вопрос создания криптовалютных резервов // Российская газета: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2026/04/09/centrobank-ne-rassmatrivaet-vopros-sozdaniia-kriptovaliutnyh-rezervov.html> (дата обращения: 20.04.2026).

³⁾ Аксаков А. Г. Более 190 тыс. майнеров из порядка 195,5 тыс. в РФ работают нелегально // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/27154923> (дата обращения: 20.04.2026).

⁴⁾ Депутат Аксаков рассказал о масштабах нелегального майнинга криптовалют в РФ // Вести: [сайт]. URL: <https://www.vesti.ru/deputat-aksakov-rasskazal-o-masshtabakh-nelegalnogo-majninga-kriptovalyut-v-rf> (дата обращения: 20.04.2026).

⁵⁾ Федеральный закон от 20.02.2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012026022000XX> (дата обращения: 20.04.2026).

⁶⁾ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310055> (дата обращения: 20.04.2026).

в отсутствии чёткого определения и положения криптовалюты в Гражданском кодексе РФ. Статья 128 ГК РФ, перечисляющая объекты гражданских прав, в целом не упоминает цифровую валюту напрямую. Это порождает неоднозначную судебную практику. Например, в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2025 № 88–4780/2025 было заявлено, что «криптовалюта не предусмотрена ст. 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав». В результате суд отказал в защите прав истца, ставшего жертвой мошенничества с цифровой валютой. Суд обосновал своё решение тем, что защита возможна только при условии уведомления налоговых органов о владении цифровой валютой, хотя для обычных граждан, не занимающихся майнингом, такая обязанность отсутствует.

Девятый Арбитражный апелляционный суд вынес решение по делу № А40-124668/2017¹, где арбитражный управляющий требовал включить биткоины в конкурсную массу должника-гражданина. Суд второй инстанции отменил постановление нижестоящего суда, обязав должника передать управляющему доступ к криптокошельку. Таким образом, апелляционный суд фактически признал криптовалюту имуществом должника. Это решение было основано на расширительном толковании ст. 128 ГК РФ, которая содержит открытый перечень объектов гражданских прав, и применении аналогии права. Суд первой инстанции, напротив, придерживался строгого толкования закона и отказался признать криптовалюту объектом гражданских прав, поскольку в российском законодательстве отсутствует её специальное определение и она не подпадает под понятие «имущества» для криптоактивов. Данное дело подтверждает неопределённость судебной системы в сфере регулирования криптовалют и обнажает

необходимость более конкретного законодательного регулирования, зародившуюся ещё в 2018 г.

В связи с выявленным пробелом в законодательстве, Конституционный Суд РФ своим Постановлением № 2-П от 20.01.2026² признал неконституционной ч. 6 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ³. Эта норма, по мнению Суда, необоснованно лишала судебной защиты лиц, законно владеющих цифровой валютой, но не выполнивших требование об уведомлении налоговых органов (которое к тому же было предусмотрено только для майнеров). Суд обосновал свою позицию тем, что цифровая валюта предоставляет владельцу полную автономию в распоряжении ею и отсутствие уведомления не может служить препятствием для получения судебной защиты.

Заключение

Для устранения правового пробела предлагается внести изменения в ст. 128 Гражданского кодекса РФ. Представляется необходимым дополнить перечень объектов гражданских прав прямым упоминанием «цифровых валют». В новой редакции статью лучше изложить таким образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, цифровые валюты); результаты работ и оказание услуг; охраняемые ре-

¹ Девятый арбитражный апелляционный суд. Определение от 15.05.2018 г. по делу № А40-124668/2017 // Картоoteca арбитражных дел: [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e614a4> (дата обращения: 10.05.2026).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // СПС Консультант Плюс.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5001.

зультаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага». Такая поправка позволит окончательно определить правовую природу цифровой валюты как объекта гражданских прав, обеспечит единообразие в судебных решениях и гарантирует защиту прав добросовестных приобретателей криптовалюты.

Динамика развития российского законодательства в сфере криптовалют проявляется в интеграции передовых междунаrodnых подходов. Ключевыми вехами на этом пути стали введение системы ли-

цензирования, ужесточение мер противодействия легализации («отмыванию») доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) и признание цифровых валют в качестве объекта права собственности для целей налогообложения и уголовного преследования. Всё говорит о том, что криптовалюты двигаются в легальное поле, но для обеспечения их полноценной интеграции в гражданско-правовые отношения требуется внесение соответствующих корректировок в Гражданский кодекс РФ, что и послужило предметом данного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.
2. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica. 2019. № 7. С. 130–140. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.130-140
3. Новоселова Л. А. Парадоксы регулирования криптовалют: в поисках решения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4. С. 23–31. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.023-031
4. Долгиева М. М. Соблюдение баланса частных и публичных интересов в области конфискации цифровых активов на примере США // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 134–141. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.134-141
5. Смирнов А. Е., Фролова Е. А. Сравнительный анализ подходов к регулированию цифровых валют в развитых и развивающихся странах // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 72. С. 37–66. DOI: 10.17223/19988648/72/2
6. Лапшина И. С., Шушанин Ш. С., Анисимова А. М. Криптовалюты в России: от правовой неопределённости к экспериментальному правовому режиму // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. № 5. С. 60–65. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-5-60-65
7. Лепшаков К. И. Правовое регулирование криптовалют в России: от анализа проблем к стратегическим решениям // Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики: сб. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 149–161.
8. Егорова М. А., Белицкая А. В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4. С. 129–136. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.129-136
9. Яджин Н. В., Егоров В. А. Понятие, формы, разновидности цифровых финансовых активов и их правовое регулирование // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2. С. 54–66.
10. Крупочкин А. В., Хоминич И. П. Криптовалюты и цифровые активы в современной правовой и финансовой системе России: проблемы терминологии и классификации // Мир новой экономики. 2025. Т. 19. № 2. С. 22–32. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-22-32.
11. Фроловский А. Н., Гордополов Ю. В. Криптовалюты: взлёт возможностей и вызовов для России // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 7. С. 258–267.
12. Лифшиц И. М., Лосева А. В. Правовое регулирование криптоактивов в Швейцарии // Международное право. 2020. № 4. С. 1–10. DOI: 10.25136/2644-5514.2020.4.34370
13. Гордополов Ю. В., Шишкин Н. В. Проблемы легализации цифровых финансовых активов // Современный миропорядок и цифровая реальность: правовые новации национального денежного обращения и вопросы обеспечения финансового суверенитета России: сб. науч. тр. Саратов: Саратов. гос. юрид. акад., 2024. С. 34–36.
14. Chorzempa M. China, the United States, and Central Bank Digital Currencies: How Important Is It to Be First? // China Economic Journal. 2021. Vol. 14. P. 104. DOI: 10.1080/17538963.2020.1870278

REFERENCES

1. Savel'ev, A. I. (2017). Cryptocurrencies in the System of Civil Rights Objects. In: *Law*, 8, 136–153 (in Russ.).
2. Egorova, M. A. & Efimova, L. G. (2019). The Concept of Cryptocurrencies in the Context of Improving Russian Legislation. In: *Lex Russica*, 7, 130–140. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.130-140 (in Russ.).
3. Novoselova, L. A. (2025). Paradoxes of Cryptocurrency Regulation: In Search of a Solution. In: *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 4, 23–31. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.023-031 (in Russ.).
4. Dolgieva, M. M. (2023). Observance of the Balance of Private and Public Interests in the Field of Confiscation of Digital Assets on the Example of the USA. In: *Actual Problems of Russian Law*, 18 (6), 134–141. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.134-141 (in Russ.).
5. Smirnov, A. E. & Frolova, E. A. (2025). Comparative Analysis of Approaches to the Regulation of Digital Currencies in Developed and Developing Countries. In: *Bulletin of Tomsk State University. Economics*, 72, 37–66. DOI: 10.17223/19988648/72/2 (in Russ.).
6. Lapshin, I. S., Shushania, Sh. S. & Anisimova, A. M. (2025). Cryptocurrencies in Russia: From Legal Uncertainty to an Experimental Legal Regime. In: *Problems of Economics and Legal Practice*, 5, 60–65. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-5-60-65 (in Russ.).
7. Lepshakov, K. I. (2025). Legal Regulation of Cryptocurrencies in Russia: From Problem Analysis to Strategic Solutions. In: *Science Today: Topical Issues of Theory and Practice*. Penza: Science And Education publ., pp. 149–161 (in Russ.).
8. Egorova, M. A. & Belitskaya, A. V. (2020). Cryptocurrency Mining in Russia and in the World: Concept and Legal Regulation. In: *Bulletin of O. E. Kutafin University*, 4, 129–136. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.129-136 (in Russ.).
9. Yadzhin, N. V. & Egorov, V. A. (2025). Concept, Forms, Varieties of Digital Financial Assets and Their Legal Regulation. In: *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2, 54–66 (in Russ.).
10. Krupochkin, A. V. & Khominich, I. P. (2025). Cryptocurrencies and Digital Assets in the Modern Legal and Financial System of Russia: Problems of Terminology and Classification. In: *World of the New Economy*, 19 (2), 22–32. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-22-32 (in Russ.).
11. Frolovsky, A. N. & Gordoplov, Yu. V. (2024). Crypto Exchanges: The Rise Of Opportunities and Challenges for Russia. In: *Bulletin of Science*, 2 (7), 258–267 (in Russ.).
12. Lifshits, I. M. & Loseva, A. V. (2020). Legal Regulation of Cryptoassets in Switzerland. In: *International Law*, 4, 1–10. DOI: 10.25136/2644-5514.2020.4.34370 (in Russ.).
13. Gordoplov, Yu. V. & Shishkin, N. V. (2024). Problems of Legalization of Digital Financial Assets. In: *Modern World Order and Digital Reality: Legal Innovations of National Monetary Circulation and Issues of Ensuring the Financial Sovereignty of Russia*. Saratov: Saratov State Juridical Academy publ., pp. 34–36 (in Russ.).
14. Chorzempa, M. (2021). China, The United States, and Central Bank Digital Currencies: How Important is It to be First? In: *China Economic Journal*, 14, 104. DOI: 10.1080/17538963.2020.1870278.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гордолов Юрий Владимирович (г. Москва) – кандидат экономических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения; ORCID: 0009-0008-1483-765X; e-mail: a050619@ya.ru

Якутина Анастасия Игоревна (г. Москва) – помощник адвоката Московской коллегии адвокатов «Чистые пруды»; ORCID: 0009-0004-2741-3822; e-mail: a_avtaeva04@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Gordoplov (Moscow) – Cand. Sci. (Economy), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Faculty of Law, Federal State University of Education; ORCID: 0009-0008-1483-765X; e-mail: a050619@ya.ru

Anastasia I. Yakutina (Moscow) – Assistant Lawyer, Moscow Bar Association "Chistye Prudy"; ORCID: 0009-0004-2741-3822; e-mail: a_avtaeva04@mail.ru

Научная статья

УДК 347.44

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-105-112

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ) ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ

Фаст О. Ф.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: fastolga@mail.ru

Поступила в редакцию 18.03.2026

После доработки 30.03.2026

Принята к публикации 08.04.2026

Аннотация

Цель. Рассмотреть разные подходы правоприменительной практики в сфере имущественной ответственности образовательной организации за вред, причинённый несовершеннолетнему.

Процедура и методы. В работе использовались формально-юридический метод, метод сравнительно-правового анализа и систематизации. Применение формально-юридического метода позволило выявить неоднозначный подход в определении условий наступления и объёма ответственности образовательной организации (индивидуального предпринимателя) за причинение имущественного вреда и вреда жизни или здоровью несовершеннолетнего. Применение метода сравнительно-правового анализа и систематизации позволило дать толкование оценочных понятий, которые влияют на возникновение ответственности по возмещению вреда.

Результаты. Подробно рассмотрены содержание, основания наступления и реализация требований о возмещении морального вреда в отношениях причинения вреда несовершеннолетним или несовершеннолетнему.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложения и выводы, содержащиеся в данной статье, могут лечь в основу дальнейшего изучения в сфере исследования имущественной ответственности образовательной организации за вред, причинённый несовершеннолетнему.

Ключевые слова: вред, возмещение, несовершеннолетний, образовательная организация, ответственность, компенсация морального вреда, имущество, жизнь, здоровье

Для цитирования:

Фаст О. Ф. Имущественная ответственность образовательной организации (индивидуального предпринимателя) за вред, причинённый несовершеннолетнему // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 105–112. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-105-112>.

Original research article

PROPERTY LIABILITY OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION (INDIVIDUAL ENTREPRENEUR) FOR HARM CAUSED TO A MINOR

O. Fast

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: fastolga@mail.ru

Received by the editorial office 18.03.2026

Revised by the author 30.03.2026

Accepted for publication 08.04.2026

Abstract

Aim. To consider different approaches of law enforcement practice in the field of property liability of an educational organisation for harm caused to a minor.

Methodology. The study used the formal-legal method, the method of comparative legal analysis, and systematisation. The use of the formal-legal method helped to identify ambiguous approaches in determining the conditions and scope of liability of an educational organization (individual entrepreneur) for causing property damage and harm to the life or health of a minor. The use of the method of comparative legal analysis and systematisation helped to interpret evaluative concepts that influence the emergence of liability for compensation of harm.

Results. The content, grounds for the occurrence and implementation of claims for compensation for non-pecuniary damage in relation to harm to minors or minors are considered in detail.

Research implications. The proposals and conclusions contained in this article can serve as a basis for further research on the property liability of educational organizations for harm caused to minors.

Keywords: harm, compensation, minor, educational organization, liability, compensation for non-pecuniary damage, property, life, health

For citation:

Fast, O. F. (2026). Property Liability of an Educational Organisation (Individual Entrepreneur) for Harm Caused to a Minor. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 105-112. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-105-112>.

Введение

На законодательном уровне, на основании ст. 41 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее Закона об образовании)¹ на образовательную организацию (образовательное учреждение, индивидуального предпринимателя) возложены требования по обеспечению безопасности имущества, жизни и здоровья обучающихся.

Основания наступления ответственности образовательной организации предусмотрены действующим законодательством, в зависимости от правонарушения будут применяться нормы гражданского, административного, уголовного законодательства.

По общему правилу положений о возмещении имущественного вреда (гл. 59 Гражданского кодекса РФ²) стоимость причинённого вреда возмещает причинитель вреда, если не докажет свою невиновность. Потерпевший может потребовать от образовательной организации (индиви-

дуального предпринимателя) возмещения затрат (денежную сумму), необходимую для восстановления прежнего состояния вещи (например, затраты на ремонт (если обращаются к посторонним лицам и заключают договор на выполнение работ или оказания услуг)) или потребовать стоимость необходимых материалов для восстановления вещи, если лицо осуществляет ремонт самостоятельно. Обязанность причинителя вреда компенсировать стоимость, например, испорченного имущества, возникает, если будут установлены: неправомерность действий причинителя; наличие имущественных потерь у потерпевшего (вред); причинно-следственная связь между действиями причинителя и имущественными потерями и вина причинителя вреда.

Общие положения причинения вреда несовершеннолетним

При причинении вреда подростком старше 14 лет он самостоятельно несёт имущественную ответственность. Дополнительно (субсидиарно) могут быть привлечены к ответственности его родители при недостаточности средств у подростка для возме-

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (в ред. 08.03.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

² Гражданский кодекс Российской Федерации // Российская газета. 1996. № 23–25.

ния имущественного вреда. Например, если 16-летний школьник краской разукрасил одну из стен здания школы, то стоимость восстановления прежнего вида фасада школы будет взыскана с самого несовершеннолетнего и только при недостаточности средств субсидиарно будут привлечены к ответственности его родители (попечители). При причинении вреда несовершеннолетним до 14 лет требования об имущественном возмещении предъявляются его родителям или лицам, замещающих их [1]. Родители несут равные права и обязанности (ст. 61 Семейного Кодекса РФ¹), поэтому при рассмотрении дела о возмещении в суде привлекаются оба родителя вне зависимости от совместного проживания родителя с несовершеннолетним. Возложение ответственности только на одного из родителей² будет служить основанием для обжалования решения суда в вышестоящую инстанцию и направления дела на новое рассмотрение³. Один из родителей может быть освобождён от ответственности, если докажет, что ему чинились препятствия в осуществлении воспитания ребёнка другим родителем или были иные объективные причины (продолжительная болезнь, длительная командировка) [2].

Достижение подростком 14 лет в период рассмотрения дела в суде не будет служить основанием для наступления самостоятельной ответственности несовершеннолетнего, как для лиц с 14 до 18 лет, потому что причинение вреда произошло, когда подросток был младше 14-летнего возраста.

В ситуации, когда обязанные лица не имеют материальной возможности возместить вред потерпевшему или умерли, а несовершеннолетний по достижению совершеннолетия имеет материальную воз-

можность исполнить обязанность по возмещению вреда [3, с. 319], то суд с учётом и иных обстоятельств может возложить возмещение вреда на непосредственного причинителя вреда, ставшего совершеннолетним (п. 4 ст. 1073 ГК РФ).

Если вред причинён, когда подросток был в школе или иной организации, под надзором которой он находился в момент причинения вреда, то суд обязан как соотвечников призвать данную организацию, например, образовательную организацию (индивидуального предпринимателя) или медицинскую организацию и т. п.

Имущественная ответственность образовательной организации за действия несовершеннолетнего

Рассмотрим подробнее наступление имущественной ответственности образовательной организации за вред, причинённый имуществу несовершеннолетним или здоровью обучающегося. Приведём примеры ситуаций, при которых может возникнуть обязанность образовательной организации оплатить вред за действия обучающегося или вред причинённый самому обучающемуся:

- на перемене ребёнок получил травмы в коридоре школы;
- на уроке между учениками возник конфликт, они подрались, и в результате здоровью одного из них был причинён вред;
- в группе продлённого дня ребёнок пострадал во время прогулки после падения с игрового или спортивного комплекса, находящегося на территории школы;
- во время уроков или после уроков дети находились в школьном дворе, где между ними произошёл конфликт, и один из них получил травмы;
- дети находились не на территории школы, но под надзором учителя или тренера, когда во время поездки на соревнования или иное мероприятие ребёнок разбил окно автобуса и тем самым причинил имущественный вред перевозчику;
- после уроков в раздевалке школы ребёнок упал и получил травму – школа бу-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

² Решение Девятого кассационного суд общей юрисдикции своим определением от 20.07.2021 № 88-6477/2021 <https://actofact.ru/case-25KJ0009-8g-5672-2021-88-6477-2021-2021-06-21-0-2/>

³ Часть 3 ст. 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.

дет нести ответственность, даже если травма произошла после окончания занятий.

Для наступления ответственности образовательной организации (индивидуального предпринимателя) необходимы дополнительные основания ответственности при причинении вреда подростком до 14 лет, а именно подросток-причинитель вреда должен находиться во время причинения вреда на территории школы (здание школы, территория, предназначенная для обслуживания деятельности образовательного учреждения (индивидуального предпринимателя) или находиться под надзором образовательной организации).

Гражданское законодательство подразумевает вину образовательной организации, если подросток (до 14 лет) находился под её надзором. Это означает, что вина резюмируется и её доказывать не надо.

Судебная практика выработала подход, что вне зависимости от установленного законом режима дежурства педагогическим работником, которое осуществляется по графику (за 20 минут до начала занятий и 20 минут по окончании учебных занятий в соответствии с п. 2.3 Приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 11.05.2016 г. № 536¹), в вопросах наступления обязанности по возмещению вреда образовательной организацией этот режим не принимается во внимание.

Верховный Суд РФ дал разъяснения², что нахождение подростка под присмо-

тром образовательной организации (учреждения, индивидуального предпринимателя), а именно на её территории, в зданиях учреждения, на мероприятиях, организованных образовательным учреждением, свидетельствует о бремени несения ответственности за действия подростка, повлекшее причинение имущественного вреда или вреда здоровью, причинённого самому подростку. Стоит отметить, что вред может быть возмещён образовательной организацией, если мероприятие организовано не только для учащихся этой организации, но и других несовершеннолетних, состоящих в договорных отношениях с этой организацией. Например, школа организовала летний лагерь для всех желающих несовершеннолетних, и подросток во время прыжка в бассейн получил травму. Родители обратились с требованием к школе о возмещении вреда здоровью и компенсации морального вреда. Школа ссылалась, что она не несёт ответственности за несовершеннолетних, которые не являются учениками данного учреждения, но суд отметил, что школа обязана осуществлять надзор за несовершеннолетними на мероприятиях ею организованных, таким образом на образовательное учреждение была возложена обязанность по возмещению вреда здоровью подростка. Никто не запрещает образовательным организациям (индивидуальным предпринимателям) привлекать на договорной основе страховые организации для распределения рисков наступления имущественного возмещения при наступлении страхового случая – причинение вреда имуществу или жизни и здоровью несовершеннолетнего лица до 14 лет.

Основания частичного или полного освобождения образовательной организации от ответственности

Образовательная организация может быть частично или полностью освобождена от ответственности, если докажет, что предпринимала превентивные меры относительно возможного пресечения

¹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 11.05.2016 г. № 536 утратил силу с 01.09.2025, в связи с принятием Приказа Минпросвещения России от 04.04.2025 № 268 «Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность по основным и дополнительным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования и соответствующим дополнительным профессиональным программам, основным программам профессионального обучения».

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утверждённом Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019 // Право.ру [сайт]. URL: <https://pravo.ru/news/view/111381/> (дата обращения: 13.10.2025).

поведения подростка, приведшего к последующему причинению имущественного вреда, например, проводились беседы с родителями или лицами, осуществляющими опеку над несовершеннолетним, относительно негативного поведения подростка или иные мероприятия [4, с. 178]. Доказывание образовательной организацией (индивидуальным предпринимателем) фактов халатного отношения родителей к хулиганству [5], озорству малолетнего может освободить её от имущественных выплат за причинение вреда подростком. При установлении в суде ответственности школы и родителей подростка средства на восстановление здоровья пострадавшего и иные требования подлежат возмещению по принципу долевой ответственности в зависимости от степени вины¹.

Ещё одним основанием освобождения от ответственности образовательной организации может служить доказывание, что ребёнок хотя и находился на территории школы, но фактически был под надзором родителя и в этот момент получил травму, например, упал с лестницы.

Образовательное учреждение имеет право обратиться к родителям подростка, причинившего вред, за возмещением своих выплат пострадавшему лицу (регрессные требования). Родители подростка, причинившего вред, вправе не компенсировать такие затраты образовательному учреждению, если докажут отсутствие своей вины, а именно, что они не знали, что их ребёнок имеет проблемы с поведением, образовательная организация не уведомляла их об этом, и не было оснований предполагать о возможном поведении подростка, которое привело к обязанностям по возмещению вреда.

Ответственность за вред, причинённый здоровью и жизни

Нельзя сказать, что для наступления ответственности за вред, причинённый здоровью и жизни гражданина (обучающегося), будут иные основания наступления ответственности образовательной организации, чем при причинении вреда имуществу. Но стоит отметить, что требования о расчёте размера возмещения будут иметь свои отличительные черты. Размер денежной выплаты рассчитывается из затрат, необходимых для восстановления здоровья (расходы на лекарственные средства, процедуры, дополнительные платные консультации специалистов и т. п.), необходимо предоставить суду доказательства назначения их врачом и компенсировать можно только те затраты, которые не могли быть получены бесплатно. КС РФ² уточнил, что наряду с возможностью бесплатного получения процедур, надо учитывать критерии: «своевременность» получения их, также их «качество» и «благоприятные последствия» для пострадавшего. Следовательно, платные процедуры могут войти в сумму требований о возмещении вреда, даже если пациент мог их получить бесплатно, но они не могли быть оказаны своевременно и их качество не способствовало благоприятному положению пострадавшего. Также в сумму возмещения входят средства за утрату трудоспособности лица [6].

Помимо расходов на лечение и восстановление здоровья, могут предъявляться требования о компенсации морального вреда [7; 8]. Моральный вред – это сумма за физические и нравственные страдания лица по поводу нарушения его нематериальных благ или неимущественных прав, в нашем случае нематериальными благами будут являться жизнь и здоровье пострадавшего (ст.ст. 150, 151 ГК РФ).

¹ Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2025 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Ромаданова» // СПС Консультант Плюс.

При причинении вреда малолетним, до 14 лет, жизни и здоровью другого лица, имущественная ответственность образовательной организации может увеличиться на сумму требований компенсации морального вреда. Размер компенсации морального вреда устанавливается судом на основании принципов разумности и справедливости, и истребовать сумму компенсации морального вреда можно только в судебном порядке. Требования о компенсации морального вреда, помимо образовательной организации, могут быть возложены и на родителей причинителя вреда (несовершеннолетнего до 14 лет) при доказывании халатного отношения родителей к воспитанию ребёнка¹.

Необходимо учитывать, что судебная практика² наделяет правом требования компенсации морального вреда не только пострадавшего, но и его близких родственников, которые обеспечивали восстановление здоровья пострадавшего и несли также морально-нравственные страдания по поводу нарушения своего нематериального блага «психологическое благополучие членов семьи пострадавшего». Таким образом, Верховный Суд взыскал моральный вред в пользу членов семьи пострадавшего, совместно с ним проживающих (отца, мачехи, родных сводных братьев и сестёр), т. к. они в период выздоровления и лечения подростка не могли вести привычный уклад их жизни и изменили его в силу травм, причинённых подростку.

В доктрине высказываются позиции для реализации гражданско-правового принципа полного возмещения вреда о возможности наделяния родственников пострадавшего правом требования компенсации имущественного вреда как вторичных пострадавших [9, с. 108].

Учёт вины потерпевшего при возмещении вреда

Законодатель предусматривает возможность уменьшения размера требований о возмещении вреда при установлении грубой неосторожности со стороны пострадавшего (п. 2 ст. 1083 ГК РФ). Если вред причинён имуществу, то возможно как уменьшение размера возмещения, так и освобождение от обязательства компенсации имущественных затрат пострадавшего. Если вред причинён здоровью и жизни, то возможно уменьшение сумм выплат, а освобождение от выплат законом не допускается. При оценке грубой неосторожности пострадавшего судами будут учитываться «фактические обстоятельства дела (характер деятельности, обстановки причинения вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего, его состояния и др.)»³. Применение данных положений имеет свою особенность относительно несовершеннолетних лиц. Судебная практика указывает, что в силу возрастных особенностей совершеннолетний не всегда способен осознавать меру опасности своего деяния, которое привело к причинению вреда здоровью, следовательно, суды не могут уменьшать суммы возмещения как имущественных затрат на восстановление здоровья, так и размер компенсации морального вреда.

Требования о компенсации морального вреда могут быть предъявлены образовательной организации (индивидуальному предпринимателю) в случае публичного распространения информации [10], составляющей семейную, личную тайну обучающихся или членов их семьи. Под публичным распространением понимается размещение информации в средствах массовой информации, на сайтах образовательной организации и даже общих чатах в мессенджерах [11].

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2023 по делу № 88-16878/2023, 2-25/2022 // СПС Консультант Плюс.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7 // СПС Консультант Плюс.

³ Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС Консультант Плюс.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы отметить, что образовательная организация (индивидуальный предприниматель) несёт ответственность за причинение вреда несовершеннолетнему, не только обучающемуся в этой школе, но и если несовершеннолетний состоял в договорных отношениях с образовательной организацией при оказании ему возмездных услуг, например, проведение мероприятий досуга несовершеннолетнего в легнее время каникул. Образовательная организация (индивидуальный предприниматель) несёт надзор над несовершеннолетними до 14 лет весь период нахождения несовершеннолетнего на территории, в зданиях или мероприятиях, проводимых школой, но передача ребёнка на территории школы родителю может быть основанием освобождения образовательной организации от обязанно-

сти по возмещению вреда, т. к. надзор осуществлялся непосредственно родителем.

Частичное освобождение или полное освобождение образовательной организации (индивидуального предпринимателя) возможно при доказывании халатного отношения родителей к исполнению своих обязанностей по воспитанию детей. Родители и образовательная организация выступают соответчиками в делах о возмещении вреда, причинённого несовершеннолетним, суд оценивает размер возмещения вреда по степени вины данных субъектов.

Формирование содержания условий наступления ответственности или оснований для освобождения от ответственности образовательной организации и индивидуального предпринимателя способствуют единообразному применению норм при разрешении споров в судебном порядке, направленное на сбалансированные и гармоничные модели разрешения имущественных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Останина Е. А. Ответственность за вред, причинённый малолетними: сравнительно-правовое исследование // Правоведение. 2023. Т. 67. № 4. С. 462–488.
2. Рузанова Е. В. Особенности основания возникновения обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 89–93.
3. Шикун И. Р., Романова Г. В. К вопросу ответственности за вред причинённый несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет // Образование и право. 2022. № 10. С. 318–321 DOI: 10.24412/2076-1503-2022-10-318-322
4. Остроумов Н. В. Актуальные проблемы правоприменительной практики по вопросам ответственности за вред, причинённый несовершеннолетним // Вестник экономики и права. 2024. № 95. С. 174–184.
5. Давитадзе М. Д., Иваньшина О. В. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 87–90.
6. Фаст О. Ф. Имущественная ответственность за вред, причинённый жизни и здоровью гражданина, вследствие врачебной ошибки // Московский юридический журнал. 2024. № 4. С. 43–50. DOI: 10.18384/2949-513X-2024-4-43-50
7. Аблятипова Н. А., Волков И. Ю. Актуальные проблемы возмещения морального ущерба, причинённого несовершеннолетним в результате нанесения вреда здоровью // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 134–139.
8. Кардава А. Р. О возможности возмещения морального вреда в случае нарушения имущественных прав: традиционные воззрения и новации практики // Право и политика. 2024. № 3. DOI: 10.7256/24540706.2024.3.69698
9. Габимова А. М. Проблемы вины в гражданском законодательстве // Закон и право. 2022. № 3. С. 107–108. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-3-107-108
10. Рузанова В. Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 77–83. DOI: 10.33184/pravgos-2022.3.10
11. Фаст О. Ф. Справедливость в цифровом мире: правовой вопрос // Трансформация права и пра-

вохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского союза: проблемы законодательства и социальной эффективности: материалы конф. / под ред. Н. Т. Разгельдеева, Е. О. Глуховой. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 150–154.

REFERENCES

1. Ostanina, E. A. (2023). Responsibility for Harm Caused by Minors: Comparative Legal Research. In: *Jurisprudence*, 67 (4), 462–488 (in Russ.).
2. Ruzanova, E. V. (2018). Features of the Basis for the Occurrence of Obligations due to Harm Involving Minors. In: *Bulletin Of Omsk University. Series: Law*, 1, 89–93 (in Russ.).
3. Shikula, I. R. & Romanova, G. V. (2022). On Liability for Harm Caused by Minors under the Age of Fourteen. In: *Education and Law*, 10, 318–321. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-10-318-322 (in Russ.).
4. Ostroumov, N. V. (2024). Actual Problems of Law Enforcement Practice on Liability for Harm Caused to Minors. In: *Bulletin of Economics and Law*, 95, 174–184 (in Russ.).
5. Davitadze, M. D. & Ivanshina, O. V. (2022). Failure to Fulfill the Duties of Raising Minors. In: *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 5, 87–90 (in Russ.).
6. Fast, O. F. (2024). Property Liability for Harm Caused to the Life and Health of a Citizen due to a Medical Error. In: *Moscow Legal Journal*, 4, 43–50. DOI: 10.18384/2949-513X-2024-4-43-50 (in Russ.).
7. Abylatipova, N. A. & Volkov, I. Yu. (2022). Actual Problems of Compensation for Moral Damage Caused to Minors as a Result of Harm to Health. In: *Legal Paradigm*, 21 (2), 134–139 (in Russ.).
8. Kardava, A. R. (2024). On the Possibility of Compensation for Moral Damage in Case of Violation of Property Rights: Traditional Views and Innovations of Practice. In: *Law and Politics*, 3. DOI: 10.7256/24540706.2024.3.69698 (in Russ.).
9. Gabibova, A. M. (2022). Problems of Guilt in Civil Law. In: *Law and Legislation*, 3, 107–108. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-3-107-108 (in Russ.).
10. Ruzanova, V. D. (2022). Personal Data as a Civil Law Category. In: *Legal State: Theory and Practice*, 3, 77–83. DOI: 10.33184/Pravgos-2022.3.10 (in Russ.).
11. Fast, O. F. (2020). Justice in the Digital World: A Legal Issue. In: Razgeldeev, N. T. & Glukhova, E. O., eds. *Transformation of Law and Law Enforcement in the Context of the Development of Digital Technologies in Russia, the CIS Countries and the European Union: Problems of Legislation and Social Efficiency*. Saratov: Saratovsky istochnik publ., pp. 150–154 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фаст Ольга Фёдоровна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: fastolga@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga F. Fast (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: fastolga@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-113-125

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Зарубина К. А.

Юго-западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

e-mail: kris1996z@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2026

После доработки 18.04.2026

Принята к публикации 29.04.2026

Аннотация

Цель. Выявление проблемных аспектов уголовно-правового регулирования хищения криптовалюты для определения направлений совершенствования соответствующего института.

Процедура и методы. В работе использовались сравнительно-правовой, формально-юридический, системный методы, анализ, синтез, индукция, дедукция и обобщение.

Результаты. Установлено, что криптовалюта, несмотря на нематериальную природу и отсутствие чёткого нормативного закрепления, обладает признаками имущества и может рассматриваться в качестве предмета хищения. Выявлены ключевые проблемы квалификации хищений криптовалюты и предложены направления совершенствования отечественного законодательства в данной сфере.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правового регулирования хищения криптовалюты. Обобщён теоретический материал о правовой природе криптовалюты.

Ключевые слова: имущество, криптовалюта, предмет хищения, преступление, хищение

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год №075-03-2026-489.

Для цитирования:

Зарубина К. А. Уголовно-правовая характеристика криптовалюты как предмета хищения: проблемы и перспективы правового регулирования // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 113–125. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-113-125>.

Original research article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRYPTOCURRENCIES AS A SUBJECT OF THEFT: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

K. Zarubina

South-West State University, Kursk, Russian Federation

e-mail: kris1996z@mail.ru

© CC BY Зарубина К. А., 2026.

Received by the editorial office 30.03.2026

Revised by the author 18.04.2026

Accepted for publication 29.04.2026

Abstract

Aim. To identify problematic aspects of criminal regulation of cryptocurrency theft to determine the areas of improvement of the relevant institution.

Methodology. The work used comparative legal, formal legal, systematic methods, as well as methods of analysis, synthesis, induction, deduction and generalization.

Results. It has been established that the cryptocurrency, despite its immaterial nature and lack of clear regulatory consolidation, has the characteristics of property and can be considered as an object of theft. The key problems of qualifying the theft of cryptocurrencies have been identified and directions for improving domestic legislation in this area have been proposed.

Research implications. Proposals have been formulated to improve the criminal law regulation of the theft of cryptocurrencies. The theoretical material on the legal nature of cryptocurrencies.

Keywords: property, cryptocurrency, subject of theft, crime, theft

Acknowledgements. The article was prepared as part of the state assignment no. 075-03-2026-489 (2026).

For citation:

Zarubina, K. A. (2026). Criminal and Legal Characteristics of Cryptocurrencies as a Subject of Theft: Problems and Prospects of Legal Regulation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 113–125. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-113-125>.

Введение

Современный этап развития общественных отношений характеризуется интенсивной цифровизацией экономики, трансформацией традиционных форм имущественного оборота и формированием новых видов активов, существующих исключительно в электронной среде. В условиях становления цифровой экономики происходит постепенное смещение акцента с материальных объектов на нематериальные, выраженные в виде информации и цифровых записей, обладающих самостоятельной экономической ценностью.

Развитие информационных технологий, в т. ч. распределённых реестров, обусловило появление принципиально новых форм финансовых инструментов, не связанных с государственным регулированием и централизованными эмиссионными институтами. Одним из ключевых достижений в данной сфере стала технология блокчейн, представляющая собой децентрализованную систему хранения данных о транзакциях, основанную на криптографических методах защиты информации. На базе ука-

занной технологии сформировался новый вид цифровых активов – криптовалюта, представляющая собой своеобразную виртуальную валюту, функционирующую в распределённой сети и не имеющую материального выражения.

Появление криптовалюты стало результатом эволюции финансовых технологий и одновременно реакцией на кризис традиционной финансовой системы 2000-х гг. В октябре 2008 г. был опубликован программный документ «Bitcoin: a peer-to-peer electronic cash system», положивший начало развитию первой децентрализованной криптовалюты. Непосредственное функционирование первой криптовалюты, биткоина, было запущено 3 января 2009 г. с созданием т. н. «генезис-блока», что фактически ознаменовало возникновение новой формы цифровых финансовых активов [1, с. 59–65]. В дальнейшем криптовалюта получила широкое распространение, сформировав самостоятельный сегмент мировой экономики и став объектом инвестиционной и хозяйственной деятельности. Вместе с тем развитие криптовалюты

обусловило появление новых форм преступных посягательств, в т. ч. связанных с их незаконным изъятием. Это актуализирует необходимость научного осмысления криптовалюты как предмета хищения и определения её места в системе уголовно-правовой охраны собственности.

Целью настоящего исследования является выявление проблемных аспектов уголовно-правового регулирования хищения криптовалюты для определения направлений совершенствования соответствующего института.

В процессе исследования использовался комплекс научных методов, обеспечивающих всестороннее рассмотрение проблемы. Сравнительно-правовой метод позволил систематизировать и обобщить существующие научные подходы к определению сущности и правовой природы криптовалюты, а также её места в системе уголовно-правовых отношений. Формально-юридический метод применялся для анализа норм современного отечественного уголовного законодательства, регулирующих привлечение к уголовной ответственности за хищение криптовалюты. Для формулирования выводов использовались методы индукции, дедукции, анализа, синтеза и обобщения, обеспечивающие логическую взаимосвязь между выявленными проблемными аспектами правового регулирования в данной сфере и предложениями по совершенствованию отечественного законодательства.

Правовая природа криптовалюты

В отечественной и зарубежной научной литературе отсутствует единое определение понятия «криптовалюта», что обусловлено как технологической новизной данного явления, так и разными теоретическими подходами к его пониманию. Часть исследователей определяет криптовалюту как цифровой финансовый актив, обладающий собственными характеристиками имущества. Представители этой точки зрения сосредотачивают внимание на том, что криптовалюта способна участвовать в иму-

щественных отношениях, быть объектом обмена, отчуждения и оценки, что делает её сопоставимой с классическими объектами гражданского оборота [2, с. 797–804; 3, с. 3–13], подчёркивая, что криптовалюта должна быть признана иным имуществом в рамках действия ст. 128 ГК РФ [4, с. 19–23]. Как видим, в данном случае криптовалюта рассматривается как нематериальное имущество или право требования, аналогичное в англосаксонской правовой системе «вещам в действии» (*things in action*) или другим нематериальным активам, которые традиционно защищаются законом в сфере имущественных прав [5; 6].

Другие исследователи рассматривают криптовалюту прежде всего как форму денег или валюты, что отражает её экономическую функцию в обороте. Так, И. А. Ашмаров указывает, что «за время своей эволюции деньги прошли через несколько этапов – от товарных денег до денег электронных, разновидностью которых и является криптовалюта» [7, с. 4–15]. Сторонники этого подхода подчёркивают, что криптовалюта выполняет те же 3 ключевых функции, которые традиционно приписываются деньгам: средство обмена, единица учёта и средство сохранения стоимости, что отличает её от иных цифровых активов [8, с. 128–138].

Такой взгляд укрепляется практикой некоторых юрисдикций, где криптовалюта признаётся аналогом валюты или цифровой формой платёжных средств, несмотря на отсутствие эмитента, государственного статуса или официального признания как законного платёжного средства. Так, например, в 2021 г. в Сальвадоре был принят специальный закон *Bitcoin Law* (Закон о биткойне), на основании которого криптовалюта получила статус законного платёжного средства¹.

И, наконец, часть исследователей делает акцент на специфике криптовалюты как цифрового правового института, который

¹ El Salvador's Bitcoin Law: Full English Text [Электронный документ]. URL: <https://freopp.org/whitepapers/el-salvadors-bitcoin-law-full-english-text/> (дата обращения: 20.01.2026).

не укладывается целиком ни в категорию денег, ни в «традиционный» институт имущества, и требует самостоятельной правовой квалификации. Представители этой точки зрения отмечают, что криптовалюта сочетает в себе элементы цифрового права и цифровой собственности одновременно, поскольку она отражает во взаимодействии её участников права собственности, но при этом функционирует исключительно как запись в распределённом реестре, формируемая с помощью криптографических алгоритмов [9, с. 20–32]. Такой подход приводит к выводу о необходимости разработки новых правовых категорий и институтов, которые могли бы учесть особенности децентрализованной природы, криптографической защиты и технологического механизма функционирования криптовалют.

Так, анализируя представленные подходы, заключим, что полное «выведение» криптовалюты за пределы уже существующих правовых конструкций не является в достаточной мере обоснованным, и, несмотря на её технологическую специфику, криптовалюта обладает признаками, позволяющими соотнести её с категорией имущества. В этой связи более оправданным представляется не создание принципиально новых правовых категорий, а адаптация существующих правовых механизмов с учётом особенностей цифровых активов.

В продолжение укажем, что в отечественном законодательстве понятие «криптовалюта» до настоящего времени не получило прямого нормативного закрепления. Вместе с тем криптовалюта как феномен цифровой экономики находит своё отражение в правоприменительной практике, экспертных правовых оценках и в косвенном виде в ряде нормативных актов, регулирующих отношения, связанные с цифровыми финансовыми активами. Так, Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) вводит в право-

вой оборот категорию цифровых финансовых активов (ЦФА), подразумевая под ними цифровые права.

Цифровые права, согласно данному законодательному акту, представляют собой имущественные и корпоративные права, включая денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, участие в капитале непубличного акционерного общества и требование передачи эмиссионных ценных бумаг, закреплённых решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Федеральным законом. При этом их выпуск, учёт и обращение осуществляются исключительно посредством внесения или изменения записей в информационной системе на основе распределённого реестра или в иных информационных системах. Также указанный нормативный правовой акт определяет правовую природу цифровой валюты, указывая, что такой валютой надлежит считать «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам»¹. Так, законодатель выделяет ключевые признаки цифровой валюты, указывая, что она является совокупностью электронных

¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.

данных, её обладатель не приобретает прав требования к третьим лицам, и её можно использовать для расчётов или инвестирования.

В связи с этим отметим, что криптовалюта, в свою очередь, также представляет собой совокупность электронных данных, однако законодатель специально не относит её к цифровым правам, что оставляет, по верному утверждению Р. М. Янковского [10, с. 43–77], её гражданско-правовую природу неопределённой. При этом, исходя из положений закона, криптовалюта может рассматриваться как разновидность цифровой валюты, поскольку она обладает аналогичной технологической природой (криптовалюта представляет собой электронные данные, может использоваться для инвестиций и расчётов, а также сохраняет экономическую ценность независимо от участия государства и функционирует как децентрализованный цифровой актив).

Так, с экономической и технологической точки зрения содержание понятий *криптовалюта* и *цифровая валюта* по существу совпадает. Однако принципиальные различия между ними проявляются в правовом статусе, регулируемости и контроле. Криптовалюта является децентрализованным цифровым активом, не имеет легального признания в России и большинстве других стран, её использование в качестве средства платежа запрещено для резидентов, а государственный контроль за ней отсутствует, что делает её «высокорискованной» для пользователей и экономики в целом. Цифровая валюта, напротив, централизована, закреплена законом, подчиняется государственному контролю и признаётся законным средством платежа, как это реализовано, например, в виде цифрового рубля. Следовательно, криптовалюта технологически и экономически может рассматриваться как разновидность цифровой валюты по своим сущностным характеристикам, однако её правовой статус, степень регулируемости и гарантии использования существенно отличаются.

Это позволяет сделать вывод о том, что криптовалюта и цифровая валюта тожде-

ственны по технологической и экономической природе, но различны по правовой природе, степени контроля и централизованности. В связи с этим, соглашаясь с мнением М. М. Долгиевой [11, с. 70–74], укажем, что пока законодатель официально не выскажется по поводу статуса именно криптовалюта, а не только цифровых финансовых активов и цифровой валюты, её правовая природа не будет до конца определена. Но вместе с тем, если в рамках государственной теории денег криптовалюта не может быть признана денежными средствами, а в рамках гражданско-правовых канонов – имуществом в собственном смысле, то с точки зрения, т. н. общественной теории [12, с. 510–519], криптовалюта способна выполнять функции денег, имеет реальную материальную ценность и её обращение признаётся участниками экономических отношений, ввиду чего криптовалюта может выступать объектом имущественных отношений, а значит, в отношении неё возможно совершение противоправных действий, в том числе наиболее распространённого в современности вида преступных посягательств – хищений.

Исходя из этого, для корректной уголовно-правовой квалификации таких деяний необходимо определить сущностные характеристики криптовалюты как предмета хищения, учитывая её специфические характеристики (децентрализованность, цифровую форму и отсутствие обязательств третьих лиц). Полагаем, что только такое сопоставление позволит определить, каким образом криптовалюта может быть признана объектом уголовной защиты и какие проблемы возможны при её квалификации в качестве предмета хищения.

Хищение криптовалюты: уголовно-правовая оценка

Первоначально определим, что в отечественном уголовном праве предмет хищения традиционно соотносится с объективной стороной преступления. В соответствии с Примечанием 1 к ст. 158 УК РФ

под хищением понимаются совершённые с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу такого имущества. Это определение устанавливает предмет преступного посягательства как «чужое имущество», обладающее совокупностью юридически значимых признаков, без которых невозможна квалификация деяния как хищения.

В доктрине уголовного права предмет хищения традиционно рассматривается через призму объективно-юридических критериев. Так, основными критериями имущества являются материальность (предметный признак), стоимость (экономический признак), а также «чуждость» имущества (юридический признак) и в некоторых исследованиях вложенность труда человека (социальный признак). Проанализируем каждый из них.

Материальность (предметный признак) традиционно понимается как наличие у имущества объективированной формы существования, выраженной в его вещественной природе. В классической теории уголовного права этот признак связывается с тем, что предметом хищения может выступать лишь материальный объект внешнего мира, обладающий пространственной определённой и существующий в одном из агрегатных состояний. Именно наличие физической оболочки позволяет отграничить имущество от нематериальных явлений, таких как идеи и мысли, которые не образуют предмет хищения и подлежат защите в рамках иных правовых институтов [13, с. 43–46]. Вместе с тем развитие экономических отношений и цифровых технологий обусловило переосмысление содержания данного признака. В современных условиях материальность всё чаще трактуется расширительно – не только как физическая осязаемость, но и как объективированность объекта, выраженная в возможности его фиксации, учёта и вовлечения в имущественный оборот. В этой связи в категорию имущества включаются

не только традиционные вещи, но и иные объекты, обладающие самостоятельным экономическим значением и способные выступать предметом имущественных отношений.

Вторым ключевым критерием является стоимость (экономический признак), предполагающая наличие у имущества экономической ценности. Этот признак выражается в способности объекта удовлетворять материальные или иные потребности участников общественных отношений, а также выступать предметом эквивалентного обмена. Отдельно укажем, что стоимость может иметь как денежное выражение, так и определяться через возможность извлечения выгоды, получения дохода или достижения иного полезного эффекта [14, с. 252–254]. Укажем, что именно наличие стоимости позволяет отграничить имущество от иных объектов, не обладающих экономической ценностью, и включить его в сферу имущественных отношений, охраняемых правом.

Особое значение имеет признак «чуждости» имущества (юридический признак), который заключается в принадлежности имущества определённому субъекту и возможности чёткого разграничения «своего» и «чужого». Этот признак является ключевым для уголовно-правовой характеристики хищения, поскольку посягательство возможно лишь в отношении чужого имущества. Юридическая принадлежность имущества может основываться как на праве собственности, так и на иных вещных или обязательственных правах, а также на фактическом владении, признаваемом правом [15, с. 198–204]. Вследствие этого для признания объекта предметом хищения необходимо наличие правовой или фактической связи между имуществом и его обладателем, позволяющей установить факт причинения ущерба.

И, наконец, как уже отмечалось ранее, в ряде научных исследований выделяется социальный признак, выражающийся во вложенности труда человека. Его содержание заключается в том, что имущество рассматривается как результат человеческой

деятельности, направленной на создание экономической ценности. Этот признак отражает социально-экономическую природу имущества и его связь с процессами производства, распределения и обмена [16, с. 31]. Несмотря на то, что данный критерий носит дискуссионный характер и не всегда признаётся универсальным, он позволяет дополнительно обосновать включённость соответствующего объекта в систему имущественных отношений и его значимость для участников экономического оборота.

В результате совокупность указанных признаков позволяет сформировать комплексное представление об имуществе как объекте уголовно-правовой охраны и определить критерии, по которым тот или иной объект может быть признан предметом хищения. В связи с этим считаем необходимым соотнести обозначенные признаки с характеристиками криптовалюты с целью установления возможности (или невозможности) признания данного цифрового актива предметом хищений.

Применительно к признаку материальности (предметному признаку) необходимо отметить, что криптовалюта не обладает вещественной природой в классическом её понимании, поскольку представляет собой совокупность электронных данных, существующих в распределённой информационной системе. Она не имеет физической оболочки, не локализуется в пространстве и не может быть воспринята органами чувств как материальный объект. В этой связи некоторые исследователи указывают на невозможность признания криптовалюты предметом хищения в «классическом» виде [17, с. 15–18].

Вместе с тем в современной уголовно-правовой доктрине справедливо получает распространение расширительное толкование предмета хищения, допускающее включение в его состав не только материальных вещей, но и иных объектов, обладающих экономической ценностью и способных участвовать в имущественном обороте. Так, по верному замечанию Э. В. Сона, в связи с появлением имуще-

ства в электронной форме в настоящее время назрела объективная необходимость переосмыслить уголовно-правовое учение о физическом признаке предмета хищения и признать такие виртуальные ценности, как криптовалюта, предметом хищения [18, с. 92–103].

В продолжение этому заметим, что в данном контексте материальность следует понимать, скорее, не как физическую осязаемость, а как объективированность, т. е. способность объекта существовать в форме, позволяющей его фиксацию, учёт и передачу. И криптовалюта отвечает данным критериям, поскольку она существует в виде записей в распределённом реестре, поддаётся идентификации посредством криптографических ключей и может быть передана от одного субъекта к другому. Следовательно, несмотря на отсутствие вещественной оболочки, криптовалюта обладает необходимой степенью объективированности, позволяющей рассматривать её в качестве предмета хищения.

Анализируя экономический признак, следует отметить, что криптовалюта в полной мере соответствует данному критерию. Она обладает самостоятельной рыночной стоимостью, формируемой соотношением спроса и предложения, что находит выражение, в частности, в существовании устойчивого курса криптовалют (например, биткоина) к национальным валютам. Более того, криптовалюта фактически участвует в экономическом обороте, выступая не только средством инвестирования и накопления, но и средством расчётов за товары и услуги, что подтверждается практикой её принятия рядом коммерческих организаций.

По верному утверждению А. А. Коренной и Н. В. Тыдыковой, экономическая ценность криптовалюты обусловлена её востребованностью в цифровой среде, ограниченным характером эмиссии и возможностью трансграничного оборота, что делает её полноценным объектом имущественных отношений и уголовно-правовой охраны [19, с. 408–415]. Следует также учитывать, что в современной уголовно-

правовой доктрине всё более активно утверждается идея о том, что определяющим признаком имущества является не его материальная форма, а наличие экономической ценности и способность участвовать в имущественном обороте. В этом смысле подход, ориентированный на стоимость имущества, представляется более обоснованным и соответствует современным условиям цифровой экономики, а признание предметом хищения криптовалюты полностью вписывается в данную концепцию.

Говоря о юридическом признаке предмета хищения, укажем, что он также применим к криптовалюте, хотя и проявляется в специфической форме. Так, принадлежность криптовалюты конкретному субъекту определяется через обладание приватным ключом, обеспечивающим доступ к соответствующему цифровому активу. Именно контроль над данным ключом позволяет осуществлять владение, пользование и распоряжение криптовалютой [3, с. 10–12]. При этом, несмотря на отсутствие классических правоустанавливающих механизмов, фактический контроль над цифровым активом может рассматриваться как аналог владения имуществом. Это позволяет разграничивать «своё» и «чужое» имущество и, следовательно, признавать криптовалюту объектом посягательства. Вместе с тем анонимность транзакций и отсутствие централизованного учёта существенно усложняют установление принадлежности актива и доказывание факта причинения ущерба, что представляет серьёзную проблему для правоприменительной практики. Следовательно, юридический признак имущества применительно к криптовалюте сохраняется, но требует специфических процедур доказывания и учёта особенностей децентрализованных цифровых активов. Это значит, что для эффективного уголовно-правового регулирования необходимо учитывать указанные особенности, что подразумевает как совершенствование методик доказывания права собственности на подобные цифровые активы, так и возможное внесение уточнений в нормативные акты для адап-

тации уголовного права к современным цифровым реалиям.

Наконец, социальный признак, выражающийся во вложенности труда человека, также находит применение при анализе сущности криптовалюты, поскольку её существование и функционирование непосредственно зависят от активности участников сети, включающей разработку и поддержание программного обеспечения, обеспечение безопасности и целостности блокчейна, а также процесс майнинга, требующий значительных вычислительных и энергетических ресурсов. Кроме того, транзакции в сети и поддержка инфраструктуры предполагают координацию множества участников, и каждая единица криптовалюты является результатом совместных усилий участников сети, где труд, технологии и координация создают экономическую ценность, закреплённую в цифровой форме, что делает криптовалюту продуктом коллективной интеллектуально-экономической деятельности. Как видим, криптовалюта представляет собой результат совместной экономической деятельности, направленной на формирование цифровой ценности, и в этом смысле может рассматриваться как имущественный объект, создающий общественную и экономическую значимость.

Таким образом, анализ криптовалюты через призму традиционных признаков предмета хищения (экономического, предметного, социального и юридического признаков) позволяет сделать вывод о том, что она, несмотря на свою нематериальную природу и особый статус в системе экономических отношений, в целом соответствует критериям предмета хищения. Вместе с тем необходимо учитывать её специфические особенности, к числу которых относятся: отсутствие вещественной формы; нестабильность экономической оценки, обусловленная волатильностью курса и зависимостью от цифровой среды; затруднённое установление принадлежности криптовалюты конкретному лицу вследствие децентрализованного и анонимного характера владения; а также

коллективный неперсонализированный характер создания, что отражает социальный признак и отличает криптовалюту от «классического» имущества. При этом в целом, как уже указывалось ранее, криптовалюта может быть признана предметом хищения, хотя её правовая оценка требует дальнейшей доктринальной разработки и совершенствования нормативного регулирования с учётом особенностей цифровой экономики.

Перспективы уголовно-правового регулирования хищений криптовалюты

Для уточнения уголовно-правового статуса криптовалюты, учитывая её децентрализованный характер, отсутствие легального признания и формальных обязательств третьих лиц, затруднённую персонализацию и прочие проблемы, создающие значительные трудности при квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты, предлагаем следующие ключевые направления для совершенствования отечественной уголовно-правовой базы.

Во-первых, ввиду того что криптовалюта до настоящего времени не имеет чётко установленной правовой природы, считаем необходимым её легализацию в гражданско-правовом обороте и установление системы обязательной регистрации или уведомления о владении такими цифровыми активами, аналогично процедурам, реализованным в сфере налогообложения. В поддержку указанной точки зрения дополнительно укажем, что данная позиция уже нашла отражение в практике Конституционного Суда РФ, а именно в Постановлении № 2-П, подтверждающем, что имущественные права на цифровую валюту подлежат судебной защите, но только в том случае, если о наличии подобной валюты были надлежащим образом уведомлены налоговые органы, иначе возможен отказ в защите по формальным основаниям¹. Полагаем, что такой подход позволит

государству контролировать оборот криптовалюты и создавать тем самым правовую основу для её защиты.

Так, реализация указанного механизма может быть обеспечена посредством установления обязанности по уведомлению о владении криптовалютой и совершении операций с ней через уполномоченные государственные органы, а также через возложение на операторов цифровых платформ функций по идентификации пользователей и фиксации совершаемых транзакций. Следует отметить, что в зарубежной практике применяются сходные подходы, предполагающие учёт операций с цифровыми активами, раскрытие информации о владении ими и использование процедур финансового мониторинга, направленных на обеспечение прозрачности их оборота. Представляется, что адаптация подобных механизмов позволит создать эффективную систему контроля за криптовалютой, обеспечив при этом необходимую основу для её правовой, в том числе уголовно-правовой, защиты.

Во-вторых, ввиду признания криптовалюты объектом правовой защиты в продолжение находим важным внесение уточнения в Примечание 1 к ст. 158 УК РФ. Так, для признания криптовалюты «полноценным» предметом хищений возможно дополнение данного Примечания следующей формулировкой: «Под имуществом в рамках настоящей статьи понимаются вещи, денежные средства, имущественные права, а равно иные имущественные ценности, включая цифровую валюту и иные цифровые активы, обладающие экономической стоимостью, принадлежащие другому лицу либо находящиеся у него на законном основании независимо от наличия материальной формы». Полагаем, что это позволит устранить юридическую неопределённость и дать правоохранительным органам

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О

цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича // СПС Консультант Плюс.

основания для правильной квалификации соответствующих преступных деяний.

И, наконец, необходимо выработать официальную судебную позицию относительно квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты. Судебная практика уже демонстрирует возможность применения норм о хищении в отношении такого рода ценности (например, в деле о хищении биткоинов действия лица квалифицировались по ч. 4 ст. 159 УК РФ)¹. Однако отсутствие единых критериев для определения потерпевшего, оценки ущерба и установления факта хищения требует закрепления единых судебных подходов в качестве руководящих принципов для правоприменения.

Вместе с тем представляется, что дальнейшее развитие уголовно-правового регулирования в рассматриваемой сфере невозможно без детальной проработки процессуальных аспектов, связанных с расследованием и рассмотрением дел о хищении криптовалюты. В частности, существенные трудности вызывает доказывание самого факта противоправного изъятия цифрового актива, поскольку операции в распределённых реестрах носят псевдонимный характер и не предполагают прямой идентификации участников. Не менее сложной является проблема определения размера причинённого ущерба, обусловленная высокой волатильностью курса криптовалют и отсутствием единых подходов к моменту оценки их стоимости (на момент совершения преступления, выявления или рассмотрения дела). Кроме того, требует отдельного анализа вопрос установления личности потерпевшего, поскольку принадлежность криптовалюты определяется через владение приватным ключом, а не через традиционные правоустанавливающие документы, что затрудняет подтверждение права на соответствующий актив, а также некоторые иные проблемные вопросы, поднимаемые в на-

учной среде [20, с. 90–100; 21, с. 189–195; 22, с. 284–289].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости формирования специальных процессуальных подходов и методик доказывания, адаптированных к особенностям цифровых активов, при этом обозначенные проблемы представляют собой самостоятельное направление научного исследования, требующее комплексного межотраслевого анализа и дальнейшего изучения указанной проблематики. При этом полагаем, что в совокупности реализация предложенных мер позволит устранить основные проблемные аспекты уголовно-правовой охраны криптовалюты, создать единый правовой механизм защиты имущественных интересов участников цифрового оборота, обеспечить эффективное применение норм гл. 21 УК РФ к преступлениям в виртуальной среде и сформировать новые направления для продолжения разработки теоретико-правовых основ регулирования общественных отношений в указанной сфере.

Заключение

Таким образом, криптовалюта, несмотря на отсутствие традиционной вещественной формы и специфику своего функционирования в децентрализованной цифровой среде, в целом отвечает ключевым критериям имущества и, следовательно, может рассматриваться в качестве предмета хищения в уголовно-правовом смысле. Её экономическая ценность, наличие фактической принадлежности конкретному субъекту, а также обусловленность её существования коллективной деятельностью участников сети свидетельствуют о включённости данного объекта в сферу охраняемых уголовным законом имущественных отношений. Вместе с тем специфика криптовалюты предопределяет возникновение ряда существенных проблем уголовно-правового характера, и отсутствие единообразного нормативного и судебного подхода к решению данных во-

¹ Приговор № 1-529/2025 от 17 сентября 2025 г. по делу № 1-529/2025 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rDpLZjCaSXrt/> (дата обращения 30.03.2026).

просов порождает правовую неопределённость в правоприменительной практике.

Предложенные направления совершенствования уголовно-правового регулирования, включающие легализацию криптовалюты в правовом пространстве с уточнением её статуса в системе уголовно-правовых отношений, а также формирование устойчивой судебной позиции по вопросам квалификации соответствующих преступлений, направлены на преодоление указанных проблем. В то же время следует учитывать, что данные меры

не являются единственно возможными и находятся в плоскости научной дискуссии, что обусловлено динамичностью развития цифровых технологий и многообразием подходов к определению правовой природы криптовалюты. В этой связи представляется необходимым дальнейшее развитие уголовно-правовой доктрины в указанном направлении с целью формирования единого подхода к решению обозначенных проблем, включая его дальнейшее законодательное и правоприменительное воплощение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремин Р. И., Чернова О. А. Биткоин: история появления и его ценность для экономики // Деловой вестник предпринимателя. 2022. № 1. С. 59–65.
2. Герасимов А. Н., Скрипниченко В. Ю., Катрушак А. О. Цифровые финансовые активы в парадигме обеспечения национальной экономической безопасности: статистический мониторинг и прогнозирование тенденций // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 6. С. 797–804.
3. Астраханцева И. А., Астраханцев Р. Г. Экономическая сущность и правовой статус криптовалют // Известия вузов. Экономика, финансы и управление производством. 2020. № 4. С. 3–13.
4. Долгиева М. М. Особенности объекта и предмета преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 19–23.
5. Carr D. Cryptocurrencies as Property in Civilian and Mixed Legal Systems // Cryptocurrencies in Public and Private Law / ed. by D. Fox, S. Green. Oxford, 2019. DOI: 10.1093/law/9780198826385.003.0007
6. Lee C., Alysha H. The Singapore High Court rules that Crypto assets are «things in action» capable of being held on trust: *ByBit Fintech Ltd v Ho Kai Xin and others* [Электронный документ]. URL: <https://clc.li/gCRFm> (дата обращения: 05.01.2026).
7. Ашмаров И. А. Криптовалюта как главные деньги цифровой экономики // Вестник экономической теории. 2019. № 11. С. 4–15.
8. Семенова Н. А., Гайдукова Г. Н., Глобинова К. Д. Учёт криптовалюты и цифровых активов // Научный результат. Экономические исследования. 2024. № 4. С. 128–138.
9. Лолаева А. С., Макиев С. А., Бугаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // Юридические исследования. 2021. № 12. С. 20–32.
10. Янковский Р. М. Криптовалюта в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
11. Долгиева М. М. Место криптовалюты в системе финансовых преступлений // Юридическая практика. 2022. № 4. С. 70–74.
12. Степанченко А. В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 510–519.
13. Борисов И. Д. Понятие и признаки предмета хищения // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1. С. 43–46.
14. Хилjuta В. В. Стоимость как экономический признак предмета хищения // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 3. С. 252–254.
15. Анисимов В. Ф., Бауськов Д. Г., Алиев М. М. Об объекте и предмете хищения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3. С. 198–204.
16. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997. 310 с.
17. Иванова О. М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2020. 23 с.
18. Сон Э. В. Криптовалюта как предмет хищения чужого имущества: проблемы уголовно-правовой оценки // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 92–107.

19. Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. № 3. С. 408–415.
20. Галушин П. В., Карлов А. Л. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткойна) как доказательство по уголовному делу // *Учёные записки Казанского юридического института МВД России*. 2017. № 4. С. 90–100.
21. Брюхов О. В. Биткоин и его развитие в современной экономике // *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2014. № 2. С. 189–195.
22. Глазунова И. В. Использование специальных знаний при выявлении и расследовании экономических преступлений // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 3. С. 284–289.

REFERENCES

1. Eremin, R. I. & Chernova, O. A. (2022). Bitcoin: The History of the Appearance and Its Value for the Economy. In: *Business Bulletin of the Entrepreneur*, 1, 59–65 (in Russ.).
2. Gerasimov, A. N., Skripnichenko, V. Yu. & Katrushak, A. O. (2024). Digital Financial Assets in the Paradigm of Ensuring National Economic Security: Statistical Monitoring and Forecasting Trends. In: *Natural and Humanitarian Research*, 6, 797–804 (in Russ.).
3. Astrakhantseva, I. A. & Astrakhantsev, R. G. (2020). Economic Essence and Legal Status of Cryptocurrencies. In: *News Of Universities. Economics, Finance And Production Management*, 4, 3–13 (in Russ.).
4. Dolgieva, M. M. (2018). Features of the Object and Subject of Crimes Committed in the Field of Cryptocurrency Turnover. In: *Criminal Justice*, 12, 19–23 (in Russ.).
5. Carr, D. (2019). Cryptocurrencies as Property in Civilian and Mixed Legal Systems. In: Fox, D., Green, S. (2019). *Cryptocurrencies In Public and Private Law*. Oxford. DOI: 10.1093/Law/9780198826385.003.0007.
6. Lee, C., Alysha, H. (2023). *The Singapore High Court Rules That Crypto Assets Are "Things in Action" Capable of Being Held on Trust: Bybit Fintech Ltd V Ho Kai Xin And Others*. URL: <https://Clc.li/Gcrfm> (accessed: 05.01.2026).
7. Ashmarov, I. A. (2019). Cryptocurrency as the Main Money of the Digital Economy. In: *Bulletin of Economic Theory*, 11, 4–15 (in Russ.).
8. Semenova, N. A., Gaidukova, G. N. & Globinova, K. D. (2024). Accounting for Cryptocurrency and Digital Assets. In: *Scientific Result. Economic Research*, 4, 128–138 (in Russ.).
9. Lolaeva, A. S., Makiev, S. A. & Bugaeva, E. S. (2021). The Legal Nature of Cryptocurrency. In: *Legal Research*, 12, 20–32 (in Russ.).
10. Yankovsky, R. M. (2020). Cryptocurrencies in Russian Law: Surrogates, "Other Property" and Digital Money. In: *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 4, 43–77 (in Russ.).
11. Dolgieva, M. M. (2022). Place of Cryptocurrency in the System of Financial Crimes. In: *Legal Practice*, 4, 70–74 (in Russ.).
12. Stepanchenko, A. V. (2019). To the Question of the Legal Essence of Cryptocurrency. In: *Perm Legal Almanac*, 2, 510–519 (in Russ.).
13. Borisov, I. D. (2019). Concept and Signs of the Subject of Theft. In: *Domestic Jurisprudence*, 1, 43–46 (in Russ.).
14. Hilyuta, V. V. (2008). Cost as an Economic Sign of The Subject Of Theft. In: *Problems of Economics and Legal Practice*, 3, 252–254 (in Russ.).
15. Anisimov, V. F., Bauskov, D. G. & Aliyev, M. M. (2006). On the Object and Subject of Theft. In: *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 198–204 (in Russ.).
16. Gaukman, L. D. & Maximov, S. V. (1997). *Responsibility for Crimes Against Property*. Moscow (in Russ.).
17. Ivanova, O. M. (2020). *Theft of Someone Else's Property as a Criminal Law Category*: [dissertation]. Samara (in Russ.).
18. Son, E. V. (2018). Cryptocurrency as a Subject of Theft of Other People's Property: Problems of Criminal Law Assessment. In: *Asia-Pacific Region: Economy, Politics, Law*, 3, 92–107 (in Russ.).
19. Root, A. A. & Tydykova, N. V. (2019). Cryptocurrency as an Object and Means of Committing Crimes. In: *All-Russian Criminological Journal*, 3, 408–415 (in Russ.).
20. Galushin, P. V. & Karlov, A. L. (2017). Information on Operations with Cryptocurrencies (Using Bitcoin as an Example) as Evidence in a Criminal Case. In: *Scientific Notes of the Kazan Law Institute*

- of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4, 90–100 (in Russ.).
21. Bryukhov, O. V. (2014). Bitcoin and Its Development in the Modern Economy. In: *Electronic Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*, 2, 189–195 (in Russ.).
 22. Glazunova, I. V. (2016). Use of Special Knowledge in the Identification and Investigation of Economic Crimes. In: *Bulletin of Economic Security*, 3, 284–289 (in Russ.).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Кристина Александровна (г. Курск) – кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета;

ORCID: 0000–0003–2725–6906; e-mail: kris1996z@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina A. Zarubina (Kursk) – Cand. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory and History, State and Law, South-West State University;

ORCID: 0000–0003–2725–6906; e-mail: kris1996z@mail.ru

Научная статья

УДК 343.102

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-126-134

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К НЕГЛАСНОМУ СОДЕЙСТВИЮ В ОРД: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ДОВЕРИЯ И ИХ ДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Калужина М. А.

*Московский ордена Почёта университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru*

Поступила в редакцию 24.03.2026

После доработки 16.04.2026

Принята к публикации 30.04.2026

Аннотация

Цель. Обосновать методологическую востребованность использования образа Луки из пьесы М. Горького «На дне» в качестве дидактической модели при обучении курсантов ведомственных образовательных организаций специальным методом привлечения к конфиденциальному содействию различных категорий граждан; выявить психологические механизмы формирования доверительных отношений в рамках данного правового института, воплощённые в поведении персонажа, определить их значение для профессионального обучения оперативных сотрудников.

Методы. Применены методы: теоретического и сравнительного анализа, литературоведческого и дискурсивного анализа коммуникативных стратегий персонажа, психологической интерпретации художественного текста с опорой на концепции К. Роджерса, А. Маслоу, П. Экмана, специфические методы оперативно-розыскной психологии.

Результаты. Установлено, что коммуникативному поведению Луки присущи психологические закономерности, исследованные в научной литературе: безусловное принятие личности, адаптивность коммуникативных стратегий, эмоциональный резонанс, позитивное переформулирование жизненной ситуации. Выявлено, что художественная среда ночлежки функционирует как модель криминальной микросреды с высоким уровнем недоверия к внешнему миру. Определены 4 этапа психологического воздействия при привлечении лиц к конфиденциальному содействию и показана их корреляция с поведенческими стратегиями литературного персонажа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенный путь расширяет методические подходы преподавания оперативно-розыскных дисциплин посредством рассмотрения нарративного анализа классических литературных произведений. Выявленные принципы коммуникативного воздействия могут быть положены в основу практических занятий по формированию у курсантов базовых знаний установления психологического контакта с потенциальными конфидентами для успешного решения задач раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конфиденциальное содействие, доверительные отношения, мотивация конфиденотов, коммуникативные стратегии, профессиональная подготовка курсантов, оперативная психология, литературная дидактическая модель

Для цитирования:

Калужина М. А. Привлечение к негласному содействию в ОРД: психологические механизмы доверия и их дидактическое моделирование средствами художественной литературы // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 126–134. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-126-134>.

Original research article

RECRUITING CONFIDENTIAL INFORMANTS IN OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY: PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF TRUST AND THEIR DIDACTIC MODELLING THROUGH LITERARY TEXTS

M. Kaluzhina

Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
e-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Received by the editorial office 24.03.2026

Revised by the author 16.04.2026

Accepted for publication 30.04.2026

Abstract

Aim. To substantiate the methodological relevance of using the image of Luka from Maxim Gorky's play "The Lower Depths" as a didactic model in training cadets of departmental educational institutions in specialized methods of recruiting various categories of citizens as confidential informants; to identify the psychological mechanisms of trust formation within this legal institution as embodied in the character's behavior, and to determine their significance for the professional training of operative officers.

Methodology. Theoretical and comparative analysis; literary and discourse analysis of the character's communicative strategies; psychological interpretation of the literary text drawing on the concepts of C. Rogers, A. Maslow and P. Ekman; specific methods of operative-investigative psychology.

Results. It is established that Luka's communicative behaviour is characterised by psychological patterns extensively studied in the scholarly literature: unconditional positive regard, adaptive communication strategies, emotional resonance, and positive reframing of life situations. The artistic environment of the doss-house is shown to function as a model of a criminal micro-environment marked by a high level of distrust towards the outside world. Four stages of psychological influence in the recruitment of confidential informants are identified, and their correlation with the literary character's behavioural strategies is demonstrated.

Research implications. The proposed approach enriches the methodological framework for teaching operative-investigative disciplines through the incorporation of narrative analysis of classical literary works. The identified principles of communicative influence may serve as the basis for practical training sessions aimed at developing cadets' foundational knowledge of establishing psychological contact with potential confidential informants in order to effectively address the tasks of crime detection and investigation.

Keywords: operative-investigative activity, confidential cooperation, trust-based relationships, informant motivation, communicative strategies, professional training of cadets, operative psychology, literary didactic model

For citation:

Kaluzhina, M. A. (2026). Recruiting Confidential Informants in Operative-Investigative Activity: Psychological Mechanisms of Trust and Their Didactic Modeling through Literary Texts. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 126–134. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-126-134>.

Введение

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) как разновидность социально полезной практики не может быть

успешной без применения присущих ей специальных средств и методов противодействия преступности. Неотъемлемым элементом ОРД выступает институт кон-

фиденциального содействия¹, сущность которого сложно переоценить: он позволяет собирать и добывать оперативно значимую информацию непосредственно в противоправной среде, что справедливо отнесено исследователями к главной цели ОРД [1, с. 177]. В значительной мере его эффективность определяется навыками и умениями коммуникаций оперативно-сотрудника с различными категориями лиц, привлекаемых к конфиденциальному содействию.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»² определяет правовой контур конфиденциального содействия. Следует подчеркнуть, что этот инструмент реализуется в строгом соответствии с принципом соблюдения прав и свобод человека в оперативно-розыскной деятельности [2, с. 55], однако его реализация на практике сопряжена с серьёзными психологическими барьерами: личной неприязнью к представителям власти, жёсткими неформальными санкциями за сотрудничество с правоохранительными органами, низменной мотивационной структурой потенциальных конфиденентов.

В системе профессиональной подготовки курсантов ведомственных образовательных организаций данная проблематика традиционно вызывает живой интерес у обучающихся, при этом формирование навыков создания и развития доверительных отношений между оперативным работником и потенциальным конфидентом – одна из наиболее методически сложных задач. Традиционные дидактические инструменты (лекции, разбор практических ситуаций, ролевые игры) зачастую не обеспечивают должной глубины осмысления коммуникативных механизмов доверия, действующих в криминальной среде.

В этом контексте обращение к художественной литературе как источнику пси-

хологических моделей представляется обоснованным и методологически перспективным. Использование нарративного анализа классического произведения в целях психологического обучения достаточно апробировано. Образ Луки из пьесы М. Горького «На дне» в данном контексте представляет исключительную аналитическую ценность: этот персонаж демонстрирует систему коммуникативных стратегий, в полной мере воспроизводящую психологические закономерности формирования доверия, верифицированные наукой.

Научная новизна настоящей статьи состоит в обосновании дидактического потенциала образа Луки для обучения курсантов приёмам и правилам работы с конфидентами. В отличие от существующих подходов, в которых литературный материал используется лишь для иллюстрации отдельных психологических понятий, предлагаемая модель позволяет рассматривать художественный текст как структурированный аналитический инструмент, пригодный для поэтапного освоения навыков построения доверительных отношений в условиях криминальной среды.

Психологические механизмы формирования доверия в процессе межличностного взаимодействия подверглись тщательному научному осмыслению в доктрине: К. Роджерсом описан феномен безусловного положительного принятия (*unconditional positive regard*) как ключевое условие установления терапевтического альянса [3, р. 283]; П. Экманом выявлены закономерности эмоционального резонанса (способности точно распознавать и отражать эмоциональные состояния собеседника) как базового инструмента установления межличностного контакта [4, р. 14–19]; А. Маслоу обоснована иерархическая структура мотивации, позволяющая определить первичные для входа в отношения доверия с человеком, находящимся в кризисной жизненной ситуации [5, р. 80–92].

В отечественной науке психологические аспекты исследуемого феномена разрабатывались в рамках оперативно-розыскной

¹ Богданов А. В., Бражников Д. А., Бычков В. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М.: Юнити-Дана, 2023. С. 157.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

психологии. Ю. Е. Аврутин, В. А. Лукашов, А. Р. Ратинов, Г. К. Синилов, В. Л. Цветков, Ю. В. Чуфаровский, В. М. Шевченко, Н. Д. Эриашвили и др. обосновали специфику оперативного контакта в криминальной среде, определили мотивы конфиденциального содействия, разработали рекомендации контактов с объектами оперативной заинтересованности¹.

Вместе с тем применение нарративно-го анализа художественных произведений как самостоятельного дидактического метода в системе подготовки оперативных сотрудников в отечественной литературе не получило систематической разработки. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

В рамках исследования применялся интегративный методологический подход, включающий литературоведческий анализ пьесы М. Горького «На дне»² в части выявления коммуникативных стратегий образа Луки; дискурсивного анализа его речевого поведения; психологической интерпретации выявленных стратегий с опорой на концепции К. Роджерса, П. Экмана и А. Маслоу; сравнительного анализа полученных данных с положениями оперативно-розыскной психологии.

Применение метода нарративного анализа классических литературных произведений для изучения психологических закономерностей имеет весомое обоснование в психолого-педагогической науке. Художественный текст, создаваемый писателем на основе наблюдения за реальным поведением людей, нередко воспроизводит психологические механизмы с высокой степенью точности, при этом обеспечивая их доступность для освоения через нарратив, т. е. через механизм, биологически более близкий человеческому мышлению, нежели абстрактная концептуальная схема [6, p. 11–43].

¹ Оперативно-розыскная психология: учебник для вузов / под ред. Ю. Е. Аврутина. М.: Юрайт, 2026. С. 56–58.

² Горький М. На дне: пьеса в четырёх актах // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 71–160.

Дидактический потенциал образа Луки

Среда ночлежки в пьесе М. Горького представляет собой замкнутое социальное пространство, населённое лицами с девиантным и криминальным прошлым: воров Васькой Пеплом, шулером Бароном, бывшим арестантом Бубновым и другими. Социальная структура ночлежки обладает типичными характеристиками криминальной микросреды: наличие неформальной иерархии, атмосфера взаимного недоверия, повышенная насторожённость в отношении чужаков. Именно в этой среде Лука в течение короткого времени устанавливает доверительный контакт с большинством обитателей, что делает его поведение заслуживающим пристального анализа.

Ключевой структурной параллелью для целей настоящего исследования является следующее: оперативный сотрудник, вступающий в контакт с потенциальным конфидендом в криминальной среде, сталкивается с теми же барьерами, что и Лука при появлении в ночлежке – тотальным недоверием, защитными поведенческими реакциями, скрытностью и агрессией к чужаку [7, с. 182–187]. Способность персонажа преодолевать эти барьеры представляет собой поведенческую модель, пригодную для анализа и дидактического освоения.

Анализ речевого поведения Луки позволяет выделить 4 ключевые коммуникативные стратегии, каждая из которых имеет прямую корреляцию с описанными в психологической литературе механизмами формирования доверия. Во-первых, это стратегия безусловного принятия личности. Лука последовательно демонстрирует готовность воспринимать каждого собеседника вне зависимости от его криминального прошлого. Показательна его реплика, адресованная Пеплу: он не осуждает вора, но признаёт его человеческое достоинство. Данная стратегия в точности воспроизводит принцип *unconditional positive regard*, описанный К. Роджерсом как необходимое условие возникновения

доверия. Применительно к работе с конфиденциантами это означает способность оперативного сотрудника отделять личность человека от совершённых им деяний, не одобряя криминальной деятельности, но признавая за собеседником право на безценочный диалог¹.

Во-вторых, следует назвать стратегию адаптивной коммуникации. Лука точно калибрует речевой регистр, темп и содержание беседы под особенности каждого конкретного собеседника. С умирающей Анной он говорит о покое и избавлении от страданий; с Пеплом – о возможности новой жизни в Сибири; с Актёром – о лечебнице для алкоголиков. Эта поведенческая гибкость соответствует принципу адаптивного управления коммуникативным регистром, описанным в теории межличностного влияния Р. Чалдини [8, р. 167–207]. Для курсанта ключевой навык здесь – психологическая диагностика типа личности и актуальной мотивационной доминанты объекта.

В-третьих, внимания обучающихся заслуживает стратегия эмоционального резонанса. Персонаж демонстрирует высокую чувствительность к эмоциональным состояниям окружающих, отражая их в собственных репликах и создавая ощущение глубокого понимания. П. Экман описал эту способность как ключевой компонент эмпатической коммуникации [9]. В оперативной практике данная стратегия особенно значима на первоначальном этапе контакта, когда потенциальный конфиденциант проверяет, способен ли собеседник его понять.

Наконец, это стратегия позитивного переформулирования. Лука систематически представляет жизненные ситуации собеседников в конструктивном свете, акцентируя внимание на потенциальных возможностях, а не на безвыходности положения. Эта стратегия опирается на механизм когнитивного переформулиро-

вания (*reframing*), широко применяемый в переговорной практике. В работе с потенциальными конфиденциантами она позволяет сообщить или намекнуть о «выгоде» сотрудничества с правоохранительными органами (снижение уголовно-правовых рисков, защиту близких, возможность выхода из криминальной среды) без ложных обещаний и манипуляций.

Успех Луки в установлении контакта с обитателями ночлежки во многом обусловлен его способностью точно идентифицировать базовую неудовлетворённую потребность каждого собеседника и обращаться именно к ней. Анна нуждается в успокоении перед лицом смерти; Пепел – в признании достоинства и надежде на иную жизнь; Актёр – в вере в возможность выздоровления. Эта логика в точности соответствует иерархической модели потребностей А. Маслоу [10]: персонаж инстинктивно обращается к той ступени мотивационной иерархии, которая в данный момент является для собеседника актуальной.

Для профессиональной подготовки курсантов данная логика имеет непосредственное прикладное значение. В доктрине выделены основные мотивы конфиденциального содействия:

- корыстные (материальное вознаграждение),
- защитные (снижение уголовно-правовых рисков),
- личные (месть, обида, конкурентная борьба в криминальной среде),
- гражданские (осознанное содействие правоохранительным органам).

Задача оперативного сотрудника состоит в выявлении актуального мотива и выстраивании коммуникации, адресованной именно ему. Лука демонстрирует эту способность с художественной наглядностью, что и обуславливает его дидактическую ценность.

На основе анализа поведения Луки в структурном соотношении с теоретическими положениями оперативно-розыскной психологии можно выделить 4 последовательных этапа установления доверитель-

¹ Аминов И. И., Иванов Д. А., Костина Л. Н. и др. Психология оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2023. С. 192–195.

ных отношений с потенциальным конфидентом:

1) *снятие первичных психологических барьеров*: Лука появляется в ночлежке без претензий на особый статус, с демонстративной открытостью и доброжелательностью. Применительно к оперативной практике этот этап предполагает формирование первого впечатления, снятие установки враждебности и создание минимального уровня психологической безопасности для собеседника;

2) *диагностика мотивационной структуры*: персонаж внимательно слушает, задаёт косвенные вопросы, наблюдает за реакциями. Показателен эпизод с Анной: Лука не предлагает помощи немедленно – он сначала слушает, задаёт косвенные вопросы («Что, милая, больно тебе?») и, лишь установив характер страдания, выбирает стратегию утешения. Этап в оперативной работе соответствует первичной психологической диагностике: выявлению жизненной ситуации, неудовлетворённых потребностей, страхов и ценностей объекта;

3) *формирование устойчивой мотивации к сотрудничеству*: Лука предлагает каждому собеседнику позитивную альтернативу его нынешнему положению. В разговоре с Пеплом о Сибири Лука не навязывает решение, но последовательно разворачивает перед ним образ иной жизни: «там люди посильнее тебя... и они укоренились», апеллируя именно к выявленной потребности в достоинстве и новом начале. В оперативной практике этот этап предполагает предъявление реальных перспектив сотрудничества в формате, адресованном выявленной мотивационной доминанте: демонстрацию конкретных выгод, снижение воспринимаемых рисков, формирование доверия к надёжности оперативного сотрудника как партнёра.

4) *закрепление лояльности и поддержание долгосрочного контакта*: Лука неизменно последователен в избранном образе – ни разу на протяжении пьесы он не нарушает созданного доверия прямым противоречием сказанному ранее; его уход воспринимается обитателями ночлежки как

потеря, что само по себе свидетельствует о достигнутой глубине контакта. В оперативной работе долгосрочное сотрудничество с конфидентом возможно только при соблюдении принятых обязательств, демонстрации надёжности и эмпатической поддержке в сложных ситуациях [11, с. 156].

Немаловажным аспектом дидактического использования образа Луки является его этическая неоднозначность. Персонаж прибегает к «утешительной лжи»: он рисует перед собеседниками перспективы, которые заведомо не имеют прочного основания в реальности. В современных условиях размытости представлений о нравственности и морали это обстоятельство имеет принципиальное значение для учебного процесса: анализ образа Луки должен включать чёткое разграничение между допустимыми психологическими техниками и недопустимыми манипуляциями.

Применительно к профессиональной деятельности оперативного сотрудника ложные обещания и введение конфидента в заблуждение относительно реальных правовых перспектив недопустимы как по этическим, так и по правовым основаниям. Принцип позитивного переформулирования должен реализовываться исключительно через акцентирование реальных возможностей и перспектив; добровольность участия в оперативно-розыскных мероприятиях является неременным условием законного сотрудничества. Именно это разграничение – между Лукой как художественной моделью коммуникативных механизмов и Лукой как недостижимым этическим образцом – делает его образ особенно ценным в учебном контексте: анализ его противоречивости развивает у курсантов критическое профессиональное мышление.

Практические рекомендации по применению модели в учебном процессе

Предлагаемый дидактический подход разработан с учётом когнитивных особенностей современной молодёжной аудитории, в т. ч. феномена клипового мышления,

характеризующегося фрагментарностью восприятия, сниженной устойчивостью произвольного внимания при работе с линейным текстом и предпочтением визуально-ситуативных форм освоения информации [12, с. 15]. Парадоксальным образом именно нарративный формат – история, персонаж, конфликт, – лежащий в основе предлагаемой модели, оказывается когнитивно более доступным для данной аудитории, нежели абстрактная концептуальная схема: восприятие через образ и ситуацию биологически первично по отношению к восприятию через понятие. Это обстоятельство составляет одно из методических преимуществ обращения к художественному тексту в системе профессионального обучения.

Вместе с тем указанная особенность требует специального проектирования учебных форматов: простое чтение пьесы и последующая лекция о коммуникативных стратегиях персонажа не обеспечивают необходимой глубины усвоения. Эффективная реализация предлагаемой модели предполагает перевод нарративного материала в интерактивные, ситуативно насыщенные форматы.

Предлагается использование коротких видеофрагментов театральных или кинематографических постановок пьесы продолжительностью 5–7 минут вместо чтения текста. Просмотр фрагмента предваряется выдачей курсантам структурированного алгоритма наблюдения: что именно фиксировать в поведении персонажа, на какие вербальные и невербальные сигналы обращать внимание. Такой формат обеспечивает сосредоточенность внимания в рамках, соответствующих реальному когнитивному ресурсу аудитории, и создаёт конкретную поведенческую картину для последующего анализа.

Второй рекомендацией является организация ролевых игр, сконструированных на основе ключевых сцен пьесы. Курсанты поочередно принимают на себя роль оперативного сотрудника и роль потенциального конфиденанта с заранее заданной мотивационной доминантой. Задача

первого состоит в диагностике этой доминанты и выборе адекватной коммуникативной стратегии; задача второго – в воспроизведении типичных защитных поведенческих реакций криминальной среды. Немедленная обратная связь по итогам каждого эпизода, структурированная в соответствии с выявленными стратегиями Луки, обеспечивает высокий уровень рефлексивности обучения и перевод теоретического знания в операциональный навык.

Третьей рекомендацией служит использование карточек с краткими кейсами – описаниями ситуаций, в которых курсант за ограниченное время должен определить тип мотивационной структуры потенциального конфиденанта и выбрать соответствующую стратегию первичного контакта. Формат карточек непосредственно соответствует особенностям клипового восприятия: задача локальна, результат немедленен, критерий оценки конкретен.

Особую дидактическую ценность представляет этическая неоднозначность образа Луки, что при надлежащем методическом сопровождении превращается из потенциального недостатка модели в её концептуальное преимущество. Лука постоянно прибегает к «утешительной лжи», рисуя собеседникам перспективы, не имеющие прочного основания в реальности, – и именно это обстоятельство создаёт в учебном контексте продуктивный когнитивный диссонанс: курсант вынужден одновременно признавать коммуникативную эффективность поведения персонажа и осознавать его правовую и этическую недопустимость в профессиональной деятельности. Такое внутреннее напряжение является значительно более мощным механизмом формирования устойчивых установок, нежели пассивное усвоение нормативного предписания.

Применительно к профессиональной деятельности оперативного сотрудника граница между допустимым и недопустимым определяется следующим образом: эмпатическая коммуникация, позитивное переформулирование ситуации и воззвание к истинным интересам собеседника

представляют собой законные психологические инструменты; введение же потенциального конфиденнта в заблуждение относительно реальных правовых перспектив сотрудничества, ложные обещания процессуальных преимуществ или гарантий, выходящих за пределы полномочий оперативного сотрудника, недопустимы как по этическим основаниям, так и в силу нормативных требований ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», отражающих сущность принципа уважения и соблюдения прав личности в ОРД.

Именно столкновение с этим противоречием в ходе анализа образа Луки, а не однозначный нормативный образец, формирует у курсантов подлинно критическое профессиональное мышление, способность самостоятельно квалифицировать конкретные коммуникативные ситуации с точки зрения их правовой и этической допустимости.

Заключение

Образ Луки из пьесы М. Горького «На дне» представляет собой художественно воплощённую систему психологических

механизмов формирования доверия, доказанных наукой и востребованных на практике.

Предложенный дидактический подход расширяет методический арсенал преподавания оперативно-розыскных дисциплин, обеспечивая освоение психологических механизмов доверия через нарративную форму – биологически более доступную для усвоения, нежели концептуальная схема. Анализ этической неоднозначности поведения Луки дополнительно способствует формированию у курсантов критического профессионального мышления и устойчивых правовых установок в отношении методов работы с конфиденнтами.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут включать эмпирическую проверку эффективности предложенного дидактического подхода, разработку полноценных методических материалов на его основе, а также изучение иных классических литературных образов, воплощающих психологически значимые модели межличностного взаимодействия применительно к задачам подготовки специалистов в области ОРД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахматов А. В. Основные проблемы оперативно-розыскного законодательства в области организации содействия гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные вопросы раскрытия преступлений оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: мат-лы конф. / сост. М. Л. Родичев. СПб.: СПбУ МВД России, 2024. С. 175–182.
2. Шатохин И. Д., Чечетин А. Е. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 206 с.
3. Rogers C. R. On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy. Boston: Houghton Mifflin, 1961. 420 p.
4. Ekman P. Emotions Revealed. New York: Times Books, 2003. 288 p.
5. Maslow A. H. Motivation and Personality. New York: Harper & Row, 1954. 411 p.
6. Bruner J. S. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 201 p.
7. Симоненко Д. А. Конфиденциальное содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел в условиях современных криминальных вызовов // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4. С. 182–187.
8. Cialdini R. B. Influence: The Psychology of Persuasion. New York: HarperCollins, 2006. 336 p.
9. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 334 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
11. Рагинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 349 с.
12. Грязнов С. А. Клиповое мышление в образовательном процессе // Психология человека и общества. 2021. № 10. С. 14–15.

REFERENCES

1. Shakhmatov, A. V. (2024). The Main Problems of Operational-Search Legislation in the Field of Organizing Assistance to Citizens to Bodies Carrying out Operational-Search Activities. In: Rodichev, M. L., ed. *Actual Issues of Solving Crimes by Operational Units of Bodies Carrying out Operational-Search Activities*. St. Petersburg: St. Petersburg Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 175–182 (in Russ.).
2. Shatokhin, I. D. & Chechetin, A. E. (2020). *The Principle of Respect and Observance of Human and Civil Rights and Freedoms in Operational-Search Activities*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (in Russ.).
3. Rogers C. R. (1961). *On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy*. Boston: Houghton Mifflin.
4. Ekman, P. (2003). *Emotions Revealed*. New York: Times Books.
5. Maslow, A. H. (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.
6. Bruner, J. S. (1986). *Actual Minds, Possible Worlds*. Cambridge: Harvard University Press.
7. Simonenko, D. A. (2025). Confidential Assistance of Citizens to Operational Units of the Internal Affairs Bodies in the Face of Modern Criminal Challenges. In: *Altai Legal Bulletin*, 4, 182–187 (in Russ.).
8. Cialdini, R. B. (2006). *Influence: The Psychology of Persuasion*. New York: Harper Collins.
9. Ekman, P. (2010). *Emotions Revealed: Recognizing Faces And Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. St. Petersburg: Peter publ. (in Russ.).
10. Maslow, A. (2019). *Motivation and Personality*. St. Petersburg: Peter publ. (in Russ.).
11. Ratinov, A. R. (2001). *Forensic Psychology for Investigators*. Moscow: Yurlitinform publ. (in Russ.).
12. Gryaznov, S. A. (2021). Clip Thinking in the Educational Process. In: *Psychology of a Man and Society*, 10, 14–15 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калужина Марина Анатольевна (г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского государственного университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
ORCID: 0000-0003-4603-4129; e-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Kaluzhina (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Operative-Investigative Activity and Special Equipment, Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
ORCID: 0000-0003-4603-4129; e-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-135-143

МОТИВ КАК ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 155 УК РФ)

Корнакова С. В.*, **Чигрина Е. В.**

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru*

Поступила в редакцию 09.04.2026

После доработки 24.04.2026

Принята к публикации 14.05.2026

Аннотация

Цель. Рассмотреть субъективную сторону преступления, в частности, такого её элемента, как мотив совершения преступления, на примере ст. 155 УК РФ.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ подходов учёных к раскрытию содержания категории «мотив преступления», а также классификации возможных мотивов совершения преступления, приведён анализ взглядов исследователей. Основное внимание уделено мотивам разглашения тайны усыновления (удочерения).

Результаты. Поддерживается позиция авторов, предлагающих отказаться от конструирования составов Особенной части УК РФ с использованием словосочетания «низменные побуждения», заменив его на лексическую конструкцию «личные побуждения».

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлена проблематика определения мотивационной составляющей субъективной стороны состава преступления, рассмотрены перспективы совершенствования законодательства.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, вина, умысел, мотив, разглашение тайны усыновления (удочерения), мотивация преступных действий

Для цитирования:

Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Мотив как элемент субъективной стороны преступления (на примере ст. 155 УК РФ) // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 135–143. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-135-143>.

Original research article

MOTIVE AS AN ELEMENT OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME (USING THE EXAMPLE OF ARTICLE 155 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

S. Kornakova*, **E. Chigrina**

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru*

Received by the editorial office 09.04.2026

Revised by the author 24.04.2026

Accepted for publication 14.05.2026

Abstract

Aim. To examine the subjective side of the crime, in particular, its element, such as the motive for committing a crime, using the example of Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology. The main content of the study is an analysis of the approaches of scientists to the disclosure of the content of the category "motive of crime", as well as the classification of possible motives for committing a crime, an analysis of the views of researchers is given. The main focus is on the motives for disclosing the secrets of adoption.

Results. The position of the authors, who propose to abandon the construction of the compositions of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation using the phrase "base motives", replacing it with the lexical construction "personal motives", is supported.

Research implications. The problems of determining the motivational component of the subjective side of the corpus delicti have been updated, and the prospects for improving legislation have been considered.

Keywords: the subjective side of the crime, guilt, intent, motive, disclosure of the secret of adoption, motivation of criminal acts

For citation:

Kornakova, S. V. & Chigrina, E. V. (2026). Motive as an Element of the Subjective Side of the Crime (On Example of Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation). In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 135–143. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-135-143>.

Введение

В российском уголовном праве традиционно под субъективной стороной преступления понимают внутреннюю (психическую) сторону противоправного деяния, содержание которой составляют вина, мотив, цель и эмоции лица, совершающего преступления [1, с. 117]. При этом обязательным признаком субъективной стороны признаётся вина. Факультативными признаками субъективной стороны выступают мотив, цель и эмоции. Обязательное значение для квалификации преступления они имеют в том случае, если прямо указаны законодателем в диспозиции соответствующей статьи.

Вина как обязательный элемент субъективной стороны преступления характеризуется 2 компонентами, находящимися во взаимосвязи друг с другом – интеллектуальным и волевым моментом. В совокупности они определяют психическое отношение лица к совершённомu преступлению, осознание его противоправности, запрещённости уголовным законом, а также осознание неизбежности наступления преступных последствий и желание их наступления. Следует отметить, что данные процессы составляют исключительно дея-

тельность вменяемого лица, т. к. невменяемое лицо не способно осознавать характер своих действий и руководить ими.

Так, характеризуя субъективную сторону разглашения тайны усыновления (удочерения), Ю. В. Морозова отмечает, что данное преступление «совершается с прямым умыслом: лицо осознаёт, что разглашает тайну усыновления, совершает данное преступление с определённой целью – сообщения соответствующей информации лицам, которые не посвящены в эту тайну, осознаёт, что после совершения им определённых действий, сведения, составляющие тайну усыновления (удочерения), станут известны определённому лицу или неопределённому кругу лиц (если совершается через СМИ или сеть Интернет), желает наступления данных последствий»¹.

Субъективная сторона разглашения тайны усыновления (удочерения)

Совершение разглашения тайны усыновления (удочерения) по неосторожности не является уголовно наказуемым. Данное

¹ Морозова Ю. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.ст. 150–157 УК РФ): учебное пособие. СПб., 2020. С. 72.

преступление, по мнению некоторых авторов, может быть совершено и с прямым, и косвенным умыслом. В частности, как полагает В. Ю. Голубовский, в последнем случае субъект предвидит наступление общественно опасных последствий, допускает их наступление, но относится к наступлению возможных общественно опасных последствий безразлично либо надеется на их случайное предотвращение [2, с. 31]. При этом под преступным последствием следует понимать результат действия (бездействия) виновного, направленного на достижение собственной цели, которая может носить как преступный, так и не-преступный характер.

Данная точка зрения является дискуссионной, поскольку возможность разглашения тайны усыновления с косвенным умыслом противоречит формальному составу ст. 155 УК РФ. Тем не менее некоторыми исследователями обосновывается такая возможность [3, с. 37]. Нами разделяется данная позиция, поскольку формальный состав не означает, что последствия нет, а всего лишь означает, что последствия не входят в состав преступления. Но если последствия могут быть, значит, может быть и разное отношение виновного к ним. Возможными последствиями разглашения тайны усыновления могут быть: психическое заболевание ребёнка, его уход из дома, моральные страдания усыновителей и т. п.

В случае совершения преступления специальным субъектом мотивация лица не учитывается и не имеет значение для квалификации. Преступление в данном случае может быть совершено из чувства превосходства, желания показать свою соприкосновенность к значимой для других лиц информации, составляющей тайну, при этом субъект также осознаёт, что игнорирует волю лица, поступает вопреки воле усыновителя.

Здесь стоит отметить, что признаки специального субъекта, уголовная ответственность для которых может наступить по ст. 155 УК РФ, возможно установить исключительно исходя из системного ана-

лиза норм семейного, уголовного, гражданского и гражданского процессуального законодательства, и данный перечень является открытым, т. к. невозможно перечислить абсолютно всех должностных лиц, в силу профессиональных или служебных обязанностей имеющих прикосновенность к тайне усыновления (удочерения). Тем не менее вызывает недоумение выбор законодателем конструкции статьи, по которой уголовная ответственность для общего и специального субъектов не дифференцирована, как это сделано в отношении абсолютного большинства составов Особенной части УК РФ [4, с. 985].

Полагаем, что совершение разглашения тайны усыновления (удочерения) специальным субъектом, который получил доступ к данной тайне вследствие исполнения своих служебных или профессиональных обязанностей, должно быть выделено в качестве квалифицирующего признака. Такое строение нормы, предусмотренной ст. 155 УК РФ, будет отвечать принципу дифференциации уголовной ответственности, а также повысит профилактическую направленность закона.

Так, согласно ст. 139 семейного законодательства¹, сведения, ставшие известными лицам, участвующим в процедуре усыновления, охраняются законом. К таким лицам относятся:

- судья, рассматривающий дело об усыновлении;
- сотрудник ЗАГСа;
- работник учреждения, где пребывал ребёнок до усыновления;
- работник учреждения, осуществляющего надзор за несовершеннолетними.

В частности, думается, что в отношении сотрудников органов ЗАГСа, которые в силу прямого указания закона обязаны хранить тайну усыновления (удочерения) (ст. 47 ФЗ № 143-ФЗ)², ответственность

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. 1996. № 17.

² Федеральный закон от 15 ноября 1997 № 143-ФЗ (ред. от 11.02.2026) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. № 224.

за её разглашение должна быть строже. С этой целью необходимо внести изменения в ст. 155 УК РФ посредством разграничения ответственности для лиц, обязанных хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, и для иных лиц. Для этого указанную норму следует дополнить частью второй, закрепляющей увеличение уголовной ответственности для первых из перечисленных лиц, как это имеет место, например, в ст. 118 УК РФ, где ответственность за то же деяние, совершённое вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, выше.

Вместе с тем укажем, что с позиции мотивации действий для общего и специального субъекта субъективная сторона будет различаться. Так, если субъектом является лицо, получившее сведения об усыновлении (удочерении) в силу исполнения своих служебных или профессиональных обязанностей, то мотив совершения преступления для него не имеет квалифицирующего значения. Но в том случае, если субъектом преступления выступает общий субъект, то для квалификации его действий по ст. 155 УК РФ необходимо совершение преступления с корыстным или иным низменным мотивом.

Мотивация преступного поведения

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые говорят о том, что мотивация преступного поведения всегда представляла особый исследовательский интерес. Мотив имеет квалифицирующее значение только в том случае, если это прямо указано законодателем. Если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ отсутствует прямое указание на мотив совершения преступления, он не имеет квалифицирующего значения.

Вместе с тем ошибочно полагать, что в таком случае мотивация преступного поведения не имеет значения вообще. В таких случаях изучение преступной мотивации необходимо для изучения личности преступника и может косвенно влиять на

выбор судом вида и меры уголовного наказания. Кроме того, мотив может выступать частью предмета доказывания. Мотив может излагаться законодателем как часть субъективной стороны основного состава преступления, так и квалифицирующим признаком. Из этого можно заключить, что «в большинстве актов преступного поведения побуждения виновного не обладают особой важностью, поскольку общественная опасность содеянного определяется действиями, а не чувствами, создавшими условия для их совершения» [5, с. 113].

На наш взгляд, следует согласиться с определением мотива, который сложился ещё в советской доктрине уголовного права и под которым следует понимать «побуждение, сложившееся у лица под влиянием социальной среды и личного жизненного опыта»¹. Иными словами, в основе формирования мотива как побуждения к совершению преступления, лежит система ценностей, сформированная в сознании субъекта, которой он следует для удовлетворения собственных потребностей.

В основе корыстного мотива, естественно, лежит корысть. Корысть можно понимать как жажду наживы, стремление к обогащению, алчность, материальную выгоду, желание получить иное преимущество, добычу. Корысть всегда характеризуется желанием улучшить собственное материальное положение, получить выгоду. При этом в доктрине уголовного права существует позиция о том, что корыстный мотив и лежащую в его основе корысть можно понимать как в узком, так и широком смысле. В узком смысле корыстный мотив следует понимать как получение материальной выгоды для себя, в широком смысле как «не только получение собственно материальной выгоды, но и любого полезного результата, который может и не иметь материального выражения» [6, с. 125].

Многими авторами высказывается позиция о том, что корысть как преступный мотив всегда сопровождается и иной моти-

¹ Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивации преступного поведения: учеб. пособие. Горький: Горьк. высш. школа МВД СССР, 1974. С. 66.

вацией [7, с. 207]. Так, корысть выступает в качестве основного криминообразующего мотива, но при этом может сопровождаться и иными мотивами: завистью, злостью, ревностью, ненавистью, потребностью разрешить конфликт и т. д. [8, с. 368]. Следует также согласиться с мнением авторов, полагающих, что корыстная мотивация – это не только желание получить от совершения преступления материальную выгоду, но и желание, например, избежать материальных затрат. Исходя из подразделения мотивов на виды, корыстный мотив относится учёными к более обширному типу мотивов, именуемому низменными побуждениями [9, с. 31].

Исходя из анализа судебной практики, к низменным побуждениям, помимо корысти, относят: зависть, злость, ревность, месть, хулиганские побуждения, желание причинить страдания и т. д.

Если устанавливать значение слова «низменный», то его следует рассматривать как «подлый», «бесчестный», «безнравственный», «аморальный»¹. Иными словами, составляющей низменного мотива будет отсутствие представлений о нравственности и морали у виновного, совершившего преступление, т. е. преступник выбирает такой способ удовлетворения преступного побуждения, который свидетельствует о достижении преступной цели любым способом, даже если он противоречит морально-нравственным основам общества. Данный подход к определению низменного мотива является традиционным, но при этом он достаточно сложен для понимания и оценки сути низменного мотива при совершении преступления, в т. ч. и для доказывания [8, с. 168]. Оценка низменного мотива при совершении преступления должна осуществляться с учётом норм нравственности и морали, установившиеся в обществе [10, с. 87].

Сложность определения оценки низменного мотива состоит в том, что УК РФ не даёт критериев оценки данного мотива, при этом один и тот же мотив может рассматривать-

ся как низменный и не являться таковым. В частности, совершение преступления из чувства мести за правомерные действия потерпевшего, совершение преступления из зависти, ненависти будет являться низменным. В то же время преступление, совершённое из мести за совершение неправомерных действий потерпевшим, может быть оценено не в качестве низменного. Соответственно, оценка мотива в каждом конкретном случае должна происходить с учётом всех обстоятельств дела.

Следует отметить, что в следственной практике при отсутствии глубокого анализа оценки мотивационной сферы преступника часто фигурирует формулировка о том, что преступление совершено виновным из личной неприязни, которая может быть сложившейся, длительной, внезапной возникшей и т. д. Такая формулировка не требует доказывания и может получить подтверждение исходя из материалов дела в большинстве случаев. Личной неприязнью объясняют конфликтные ситуации, драки, хулиганские побуждения, нанесение повреждений потерпевшему и иные действия. В отношении разглашения тайны усыновления (удочерения) также может быть использована формулировка «личная неприязнь» [11, с. 114].

Вместе с тем, соглашаясь с мнением других исследователей, полагаем, что использование данной формулировки недопустимо в том случае, если законодатель указывает низменный мотив в качестве составообразующего признака, и в таких случаях низменный мотив нуждается в доказывании и тщательной оценке с целью последующего изложения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и иных процессуальных документах. Учитывая, что в качестве низменного мотива может выступать выражение широкого круга поведенческих и ценностных установок виновного, необходим их анализ.

Так, в качестве низменного мотива может выступать искажённое представление виновного о добре и зле, справедливости и несправедливости, совести, чести, доверии, может стать также представление

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2006. С. 419.

о собственной исключительности или повышенном чувстве собственной значимости, чувства вседозволенности, как чертах характера виновного, которые позволяют нарушать морально-нравственные ценности общества и незаконным способом вмешиваться в частную жизнь других людей.

Рассмотрим на примере ревности. Ревность как низменное чувство и как низменный мотив совершения преступления является деструктивной эмоцией и проистекает из чувства симпатии к определённой лицу и ненависти к новому избраннику либо исходит из подозрения об измене, на этом фоне подпитываясь из чувства вседозволенности, чувства собственной значимости и незаменимости, побуждает объект к совершению насилия в отношении объекта симпатии и близких ему людей либо совершение иных действий, в т. ч. и раскрытия тайны.

В свою очередь, месть как деструктивная эмоция и низменный мотив порождается искажённым чувством справедливости, неспособностью лица к противостоянию иными способами и побуждает совершать действия, направленные, как считает виновный, к защите собственного достоинства [12, с. 9].

Так, И. А. Уваров разгласил тайну усыновления вопреки воле усыновителя из низменных побуждений при следующих обстоятельствах: xx 2010 г. около 3 часов 13 минут И. А. Уваров, находясь у себя дома, после словесной ссоры со своей бывшей женой У. по поводу уплаты алиментов на содержание Д. из чувства мести к У., не желая платить алименты, умышленно, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, при помощи своего сотового телефона отправил SMS-сообщение на сотовый телефон Д. с текстом, разглашающим тайну его усыновления, тем самым поставив под угрозу нормальное развитие ребёнка. Решением суда И. А. Уваров признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, с назначением наказания в виде обязательных работ сроком 120 ч¹.

¹ Приговор от 9 февраля 2011 г. // Архив Аларского районного суда Иркутской области (мировой судья

Кроме того, в случае с разглашением тайны усыновления (удочерения) это может быть месть за то, что потерпевший когда-то обидел виновного лично либо какими-либо действиями, которые в обычной жизни носят незначительный или несущественный характер (не вышел по просьбе коллеги на работу в выходной день, не поделился премией, не занял денег в нужный момент, не отдал в пользование свои вещи, не выполнил просьбу и т. д.).

Зависть как негативное чувство проистекает из невозможности виновного владеть и распоряжаться какой-либо материальной или нематериальной ценностью, несопоставимостью своего социального и материального положения со сравнимым лицом, порождается чувством бессилия и злобы по отношению к тем лицам, которые владеют или имеют то, что недостижимо для виновного [13, с. 223]. Подчеркнём, что не обязательно зависть вызывается негативными эмоциями по отношению к материальному благополучию потерпевшего, зависть может носить и нематериальный характер, например, завистью к тому, что у потерпевшего есть любящая семья, близкие люди, он успешен в карьере или удачлив в жизни. В ситуации с разглашением тайны усыновления (удочерения) чувство зависти может выражаться в том, что у потерпевшего есть семья и ему удалось преодолеть бедность путём усыновления (удочерения) ребёнка и т. д.

Чувства ненависти и вражды как низменный мотив и негативные эмоции обычно базируются на негативных чувствах к определённым социальным группам, а также базируются на чувствах ненависти и вражды к определённой национальности, расе, полу, возрасту. Чувство ненависти и вражды также может лежать в основе экстремистского мотива [14, с. 224], но может и не быть связано с экстремизмом, а базироваться исключительно на бытовой почве и возникать в бытовой среде. Исходя из этого, следует признать, что в случае ненависти и вражды в качестве экстремистских мотивов ненависть

судебного участка № 127).

и вражда приобретают специфические свойства, что выводит экстремистский мотив за рамки низменного мотива, и он требует более тщательной аргументации и доказывания [15, с. 18]. Более того, экстремистский мотив лежит в плоскости мотивационной сферы ограниченного числа преступлений, указанных в Особенной части УК РФ.

Иными словами, в качестве низменных мотивов можно рассматривать месть, зависть, злость, ревность, неприязнь только в том случае, если данные негативные эмоции проистекают из искажённой системы ценностей виновного, имеют ярко выражённую морально-нравственную природу и не имеют специфических свойств, свойственных для экстремистских, хулиганских и иных мотивов, имеющих самостоятельную оценку для квалификации составов, указанных в Особенной части УК РФ и носящих исключительный характер.

Стоит отметить, что ст. 155 УК РФ на практике применяется сравнительно редко. Как в этой связи отмечается исследователями, «причин неостребованности может быть несколько, начиная от высокой латентности и заканчивая отсутствием причин для совершения в социуме данных преступлений, однако размытость оценочной категории «низменные побуждения» также не способствует более широкому применению» [16, с. 379].

Возвращаясь к личной неприязни, укажем, что данное негативное чувство не имеет характера самостоятельного низменного мотива, но выступает в качестве катализатора либо является основой для его формирования. Соответственно, при указании на низменный мотив совершения разглашения тайны усыновления (удочерения) считаем недостаточным указание лишь на личную неприязнь, это оправдано только в тех случаях, когда низменная мотивация раскрывается и через другие действия виновного.

Если же рассматривать перспективы совершенствования законодательства, следует согласиться с мнением о том, что невозможно закрепить понятие низменного мотива, равно как и морально-нрав-

ственные ценности, поскольку содержание и наполнение данного мотива является весьма подвижным. Интересное решение было высказано А. И. Рарогом, который предложил в принципе отказаться от конструирования составов Особенной части УК РФ с использованием словосочетания «низменные побуждения», заменив его на лексическую конструкцию «личные побуждения». Использование схожей формулировки – «иные личные побуждения» – предлагаются и иными исследователями [17, с. 167].

Заключение

Таким образом, в зависимости от того, совершается преступление общим или специальным субъектом, законодатель дополняет ст. 155 УК РФ таким факультативным элементом субъективной стороны как мотив. Так, если преступление совершается специальным субъектом, которому тайна усыновления (удочерения) стала известна в силу выполнения им служебных или профессиональных обязанностей, законодатель не предусматривает мотив в качестве факультативного признака. Если преступление совершается общим субъектом, то преступным будет являться только такое разглашение тайны усыновления (удочерения), которое совершается общим субъектом исходя из корыстного или иного низменного побуждения. При этом если корыстный мотив не вызывает трудностей в квалификации (получение материального блага или иной нематериальной выгоды), то квалификация низменных побуждений на практике вызывает затруднения.

С практической точки зрения доказывание «личного мотива» будет намного проще, т. к. мотивация в этом случае будет лежать в плоскости эмоционально-волевой сферы личности. С одной стороны, она отображает морально-нравственные основы формирования личности, субъективную систему ценностей, с другой – показывает взаимодействие с реальной действительностью на основе этой системы ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протасевич А. А., Гайков Д. Г. Мотив совершения насильственных преступлений сексуального характера как элемент субъективной стороны преступления и обстоятельство, подлежащее доказыванию // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 116–124.
2. Голубовский В. Ю. Доктринальные вопросы субъективных признаков разглашения тайны усыновления // Проблемы права. 2023. № 3. С. 30–34. DOI: 10.14529/pro-prava230307
3. Кондрашова Т. В. К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступлений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 36–38.
4. Макаров А. В., Протасевич А. А., Жукова А. С. Специальный субъект преступления как объект криминологической детерминации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 6. С. 980–991. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).980-991
5. Питулько К. В., Сергеева А. А. Проблемы определения структуры низменной мотивации умышленных преступлений (на примере ревности, мести, зависти, ненависти и вражды) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10. С. 113–115. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_113
6. Абельцев С. Н. Корысть и насилие тяжких преступлений против личности: дис. ... канд. наук. М., 1997. 178 с.
7. Аванесов Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 303 с.
8. Попова М. А. О некоторых аспектах корыстных побуждений как мотива совершения убийства из корыстных побуждений // Молодёжь и XXI век – 2025: сб. конф. В 5 т. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 367–369.
9. Голубовский В. Ю. Проблемы доктринальной оценки объективных признаков разглашения тайны усыновления // Oeconomia et Jus. 2023. № 3. С. 80–88. DOI: 10.47026/2499-9636-2023-3-80-88
10. Мосечкин И. Н. Низменные мотивы в уголовном законодательстве России // Российская наука, инновации, образование (РОСНИО-IV-2025): мат-лы конф. Красноярск: Красноярский краевой Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных общественных объединений, 2025. С. 167–171.
11. Соловьева С. Н. Низменные мотивы преступления: понятие и классификация // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2. № 9. С. 86–89.
12. Боер А. Л. Месть в мотивационной структуре преступного поведения: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2002. 229 с.
13. Севостьянов Р. А. Зависть как мотив совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А. С. 222–228.
14. Меретуков А. Г. Национальная ненависть или вражда как мотив совершения преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 223–225.
15. Гармышев Я. В., Ишигеев В. С., Протасевич А. А. Установление мотивов при квалификации и расследовании преступлений экстремистской направленности: спорные вопросы и их решение // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 1. С. 14–21. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.14-21
16. Парог А. И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 376–381.
17. Ундольская И. В. «Иные низменные побуждения» как мотив преступления по действующему уголовному закону России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 3. С. 165–168.

REFERENCES

1. Protasevich, A. A. & Gaikov, D. G. (2014). Motive for Committing Violent Crimes of a Sexual Nature as an Element of the Subjective Side of the Crime and a Circumstance to be Proved. In: *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2, 116–124 (in Russ.).
2. Golubovsky, V. Yu. (2023). Doctrinal Issues of Subjective Signs of Disclosure of the Secrecy of Adoption. In: *Problems Of Law*, 3, 30–34. DOI: 10.14529/Pro-Prava230307 (in Russ.).
3. Kondrashova, T. V. (2008). On the Question of the Possibility of Indirect Intent and Frivolity in the Formal Compositions of Crimes. In: *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2, 36–38 (in Russ.).

4. Makarov, A. V., Protasevich, A. A. & Zhukova, A. S. (2019). Special Subject of Crime as an Object of Criminological Determination. In: *All-Russian Criminological Journal*, 13 (6), 980–991. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).980-991 (In Russ.).
5. Pitulko, K. V. & Sergeeva, A. A. (2022). Problems of Determining the Structure of the Low Motivation of Intentional Crimes (Using the Example of Jealousy, Revenge, Envy, Hatred and Enmity). In: *Law and State: Theory and Practice*, 10, 113–115. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_113 (in Russ.).
6. Abeltsev, S. N. (1997). *Self-Interest and Violence of Grave Crimes Against the Person*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
7. Avanesov, G. A. (2012). *10 Chapters on Motivation and Motives. Through the Prism of the Science of Criminology*. Moscow: Unity-Dana: Law and Law Publ. (in Russ.).
8. Popova, M. A. (2025). On Some Aspects of Mercenary Motives as a Motive For Committing Murder From Mercenary Motives. In: *Youth And The 21st Century – 2025*. Kursk: University Book publ., pp. 367–369 (in Russ.).
9. Golubovsky, V. Yu. (2023). Problems of Doctrinal Assessment of Objective Signs of Disclosure of Adoption Secrets. In: *Oeconomia Et Jus*, 3, 80–88. DOI: 10.47026/2499-9636-2023-3-80-88 (in Russ.).
10. Mosechkin, I. N. (2025). Low Motives in the Criminal Legislation of Russia. In: *Russian Science, Innovation, Education (ROSNIO-IV-2025)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional House of Science and Technology publ., pp. 167–171 (in Russ.).
11. Solovyova, S. N. (2022). Base Motives of Crime: Concept and Classification. In: *Theory of Law and Interstate Relations*, 2 (9), 86–89 (in Russ.).
12. Boer, A. L. (2002). *Revenge in the Motivational Structure of Criminal Behavior: Criminological and Criminal Law Aspects*: [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
13. Sevostyanov, R. A. (2018). Envy as a Motive for Committing a Crime. In: *Questions of Russian and International Law*, 8 (3A), 222–228 (in Russ.).
14. Meretukov, A. G. (2017). National Hatred or Enmity as a Motive for Committing a Crime. In: *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 12, 223–225 (in Russ.).
15. Garmyshev, Ya. V., Ishigeev, V. S. & Protasevich, A. A. (2025). Establishing Motives in the Qualification and Investigation of Extremist Crimes: Controversial Issues and Their Solution. In: *Siberian Criminal Procedural and Forensic Readings*, 1, 14–21. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.14-21 (in Russ.).
16. Rarog, A. I. (2003). Judicial Discretion in the Application of Criminal Law. In: *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Law*, 2, 376–381 (in Russ.).
17. Undolskaya, I. V. (2019). "Other Darkest Impulses" as a Motive for a Crime under the Current Criminal Law of Russia. In: *Gaps in Russian Legislation*, 3, 165–168 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнакова Светлана Викторовна (г. Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета;
ORCID: 0000-0001-6506-795X; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Чигрина Елена Владимировна (г. Иркутск) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета;
e-mail: yelena_chigrina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Kornakova (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University;
ORCID: 0000-0001-6506-795X; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Elena V. Chigrina (Irkutsk) – Cand. Sci. (Economy), Assoc. Prof., Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University;
e-mail: yelena_chigrina@mail.ru

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2026. № 2

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Кулакова
Корректор В. М. Пастарнак
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11,25.
Подписано в печать: 23.06.2026 г. Дата выхода в свет: 26.06.2026 г. Заказ № 2026/06-05.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А